

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2021 Том 12 № 1

**DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>**

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Денисенко Владимир Никифорович,
доктор филологических наук,
профессор, РУДН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук, РУДН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,
кандидат филологических наук,
РУДН, Москва,
Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Болдырев Николай Николаевич, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Российская Федерация)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Карасик Владимир Ильич, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва, Российская Федерация)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa, EBSCOhost, DOAJ.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 15.02.2021. Выход в свет 25.02.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 16,25. Тираж 500 экз. Заказ № 20. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2021

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2021 VOLUME 12 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russian Federation)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, EBSCOhost, DOAJ, Russian Index of Science Citation

Aims and Scope

"RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics" elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics" was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

- Сулейменова Э.Д. (Алматы, Республика Казахстан), Аканова Д.Х. (Чикаго, США), Аймагамбетова М.М. (Алматы, Республика Казахстан).** Biz birgemiz, или Еще раз о диверсификации русского языка в Казахстане 7
- Джусупов М. (Ташкент, Республика Узбекистан).** Речевая интерференция как результат двуединого отрицательного воздействия..... 23
- Derdzakyun Hr.A. (Yerevan, Republic of Armenia) (Дерцакян Р.А. (Ереван, Республика Армения)).** Functional Category of Aspectuality in the Russian and English Languages (Функциональная категория аспектуальности в русском и английском языках) 41
- Пономарёва И.В. (Тверь, Российская Федерация).** Иллокутивное вынуждение как признак псевдокоммуникации 61
- Оганова Е.А., Алексеева О.А. (Москва, Российская Федерация).** Проблемы передачи вводных предложений при переводе общественно-политических текстов с русского языка на турецкий язык 71
- Новоспаская Н.В. (Москва, Российская Федерация), Авагян А.А. (Москва, Московская область, Российская Федерация).** Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике 89
- Nedopekina E.M. (Moscow, Russian Federation) (Недопекина Е.М. (Москва, Российская Федерация)).** Fashion Vocabulary: Borrowing, Adapting and Rethinking (Лексика сферы моды: заимствование, адаптация и переосмысление) 105

СЕМИОТИКА И ПОЭТИКА ТЕКСТА

- Карасик В.И., Милованова М.С. (Москва, Российская Федерация).** МОСТ как лингвокультурный символ 121
- Темиргазина З.К., Жакупова Г.К. (Павлодар, Республика Казахстан).** Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока..... 137
- Степанова Е.С. (Самара, Российская Федерация).** Лингвокогнитивные особенности мифа о болезни 153
- Вышенская Ю.П. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Дискурсивные стратегии эстетического воздействия в художественном тексте эпохи позднего средневековья 165
- Васильева А.А. (Москва, Российская Федерация).** Императивные высказывания — одна из форм репрезентации языковой личности 185
- Чилингарян К.П. (Москва, Российская Федерация).** Корпусная лингвистика: теория vs методология 196

CONTENTS

FUNCTIONAL GRAMMAR & FUNCTIONAL SEMANTICS

Suleimenova E.D. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Akanova D.Kh. (Chicago, USA), Aimagambetova M.M. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Biz birgemiz, or Reviewing the Diversification of Russian Language in Kazakhstan.....	7
Dzhusupov M. (Tashkent, The Republic of Uzbekistan). Speech Interference as the Result of a Two-Pronged Negative Influence	23
Derdzakyán Hr.A. (Yerevan, Republic of Armenia). Functional Category of Aspectuality in the Russian and English Languages	41
Ponomaryova I.V. (Tver, Russian Federation). Illocutionary Compulsion a Sign of Pseudocommunication.....	61
Oganova E.A., Alekseeva O.A. (Moscow, Russian Federation). Problems of Translation of Parenthetic Clauses from Russian into Turkish in Social and Political Texts	71
Novospasskaya N.V. (Moscow, Russian Federation), Avagyan A.A. (Moscow, Moscow, Region, Federation). The Unidirectionality of Grammaticalization in Modern Linguistics	89
Nedopekina E.M. (Moscow, Russian Federation). Fashion Vocabulary: Borrowing, Adapting and Rethinking.....	105

SEMIOTIC AND POETIC TEXT STUDIES

Karasik V.I., Milovanova M.S. (Moscow, Russian Federation). BRIDGE as a Linguistic and Cultural Symbol	121
Temirgazina Z.K., Zhakupova, G.K. (Pavlodar, The Republic of Kazakhstan). Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok	137
Stepanova E.S. (Samara, Russian Federation). Linguocognitive Specifics of the Disease Myth	153
Vyshenskaya Y.P. (St.-Petersburg, Russian Federation). Discursive Aesthetic Impact Strategies in Medieval Literary Texts.....	165
Vasileva A.A. (Moscow, Russian Federation). Imperative Statements — one of the Forms of Representation of a Linguistic Personality	185
Chilingaryan K.P. (Moscow, Russian Federation). Corpus Linguistics: Theory vs Methodology.....	196

Функциональная грамматика и функциональная семантика

Functional Grammar & Functional Semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-7-22

УДК 811.161.1(574)

Научная статья / Research article

Виз биргемиз, или Еще раз о диверсификации русского языка в Казахстане

Э.Д. Сулейменова^{1*}, Д.Х. Аканова², М.М. Аймагамбетова¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
050040, Республика Казахстан, Алматы, пр. аль-Фараби, 71

²Чикагский университет,
60637, Соединенные Штаты Америки, Chicago, Illinois, 5801 South Ellis Avenue
*esuleim@gmail.com

Аннотация. Критерии плюрицентрических языков, обобщенные «Рабочей группой по не-доминантным разновидностям плюрицентрических языков» (WGNDV), а также ранее выдвинутое нами условие герметичности, непрозрачности, непонятности казахстанского русского были использованы для обсуждения возможности его постепенного образования. Сделаны два основных вывода: а) русский язык постсоветского пространства в настоящее время соответствует критериям плюрицентрических языков; б) русский язык в Казахстане переживает бурные и заметные по результатам диверсификационные процессы. Выделены аргументы казахстанских лингвистов, утверждающих (Б.Х. Хасанов, Е.А. Журавлева, Д.Д. Шайбакова и др.) или отрицающих (З.К. Сабитова, А.К. Казкенова и др.) квалификацию русского языка как варианта в Казахстане — стране долговременного и массового казахско-русского двуязычия. Поколения носителей русского языка (монолингвы — этнические русские, корейцы, украинцы и другие и билингвы — казахи, узбеки, уйгуры и другие) с доминирующим русским или доминирующим этническим языком — с разным эффектом вовлечены в процессы советской русификации и современной казахизации. Диверсификация русского языка в Казахстане сегодня происходит на фоне кардинального изменения статуса и функционального состояния казахского и русского языков; сокращения числа урожденных носителей русского языка; принципиальных перемен казахско-русского двуязычия, отражающегося в кризисе языковой идентичности части казахстанцев, в языковом сдвиге в сторону русского языка (корейцы, часть казахов, украинцы, малочисленные этносы и др.) и повороте языкового сдвига казахов;

© Сулейменова Э.Д., Аканова Д.Х., Аймагамбетова М.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

усиления позиций казахского языка в деловой сфере, культуре, образовании, масс-медиа, межэтническом общении; изменившегося вектора влияния языков (казахский русский) и открытости русского языка для устных и письменных заимствований, особенно в медиа текстах; наконец, новых коммуникативных потребностей казахстанцев. Длительное языковое и культурное пограничье, образующее присущую казахстанцам интериоризированную концептуально-ментальную картину мира, стало принципиальным фактором, стимулирующим диверсификационные процессы русского языка в Казахстане.

Ключевые слова: русский язык, плюрицентрический язык, диверсификация, 'казахстанский' русский язык, кодификация

История статьи:

Дата поступления: 09.12.2020

Дата приема в печать: 15.12.2020

Для цитирования:

Сулейменова Э.Д., Аканова Д.Х., Аймагамбетова М.М. Biz birgemiz, или Еще раз о диверсификации русского языка в Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 7—22. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-7-22

UDK 811.161.1(574)

Biz birgemiz, or Revisiting the Diversification of Russian Language in Kazakhstan

Eleonora D. Suleimenova^{1*}, Dana Kh. Akanova², Malika M. Aimagambetova¹

¹Al-Farabi Kazakh National University,
71, al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040

²The University of Chicago,
5801 South Ellis Avenue, Chicago, Illinois, USA, 60637

*Corresponding author: esuleim@gmail.com

Abstract. The criteria for pluricentric languages, generalized by the Working Group on Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages (WGNDV), as well as our earlier condition of tightness, opacity, incomprehensibility of Kazakh Russian were used to discuss the possibility of its gradual formation. Two main conclusions were made: a) the Russian language of the post-Soviet space currently meets the criteria for pluricentric languages; b) the Russian language in Kazakhstan is going through rapid and noticeable diversification processes. The arguments of Kazakhstani linguists who assert (B.Kh. Khasanov, E.A. Zhuravleva, D.D. Shaibakova, etc.) or deny (Z.K. Sabitova, A.K. Kazkenova, etc.) the qualifications of the Russian language as variant in Kazakhstan — a country of long-term and massive Kazakh-Russian bilingualism. Generations of Russian speakers (monolinguals — ethnic Russians, Koreans, Ukrainians and others and bilinguals — Kazakhs, Uzbeks, Uighurs and others) with a dominant Russian or a dominant ethnic language — are involved in the processes of Soviet Russification and modern Kazakhization with different effects. Nowadays the diversification of the Russian language in Kazakhstan is taking place against the background of a fundamental change in the status and functional state of the Kazakh and Russian languages; reducing the number of native Russian speakers; fundamental changes in Kazakh-Russian bilingualism, reflected in the crisis of the linguistic identity of a part of

Kazakhstanis, in a linguistic shift towards the Russian language (Koreans, part of Kazakhs, Ukrainians, small ethnic groups, etc.) and a turn of the linguistic shift of Kazakhs; strengthening the position of the Kazakh language in business, culture, education, mass media, interethnic communication; the changed vector of influence of languages (Kazakh Russian) and the openness of the Russian language for oral and written borrowings, especially in media texts; finally, new communication needs of Kazakhstanis. The long-term linguistic and cultural borderland, which forms the internalized conceptual-mental picture of the world inherent in Kazakhstanis, has become a fundamental factor stimulating the diversification processes of the Russian language in Kazakhstan.

Keywords: Russian language, pluricentric language, diversification, “Kazakhstani” Russian language, codification

Article history:

Received: 09.12.2020

Accepted: 15.12.2020

For citation:

Suleimenova, E.D., Akanova, D.Kh. & Aimagambetova, M.M. (2021). Biz birgemiz, or Revisiting the Diversification of Russian Language in Kazakhstan. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 7—22. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-7-22

Введение

Состояние русского языка (РЯ) в разных регионах находится под пристальным вниманием общества и специалистов; описывалось Е. Земской, В. Алпатовым, М. Копыленко, Н. Вахтиным, А. Мустайоки, Е. Протасовой, Л. Крысиным, В. Синячкиным, У. Бахтикиреевой, А. Рудяковым, Б. Хасанулы, А. Карлинским, Э. Сулейменовой, Н. Шаймерденовой, З. Ахметжановой, С. Саиной, Д. Шайбаковой, В. Нарожной, Н. Дмитрюк, Е. Журавлевой, У. Мусабековой, З. Сабитовой, А. Казкеновой и другими.

Н. Вахтин, А. Мустайоки, Е. Протасова, сравнив контактные изменения в английском языке, которые начались раньше минимум на столетие, считают, что диверсификация РЯ может идти по нескольким направлениям: 1. «Островные» явления с неизбежной консервацией языкового состояния, замедлением языковых изменений по сравнению с «материнским» языком. 2. «Контактные явления первого рода», возникающие в языке «других русских» в Казахстане, Таджикистане, Латвии, Эстонии и других постсоветских государствах в результате значительных заимствований из языков «титульного» населения. 3. «Контактные явления второго рода», характерные для языка трудовых мигрантов и сопровождающиеся значительной интерференцией из родного языка [1. С. 5].

Естественно, нам интересна вторая группа «контактных явлений» РЯ, фокус изучения которых в контексте нашей темы может быть сформулирован в виде вопроса: *Действительно ли в Казахстане — стране с долговременным активным и массовым казахско-русским билингвизмом — происходят*

заметные процессы диверсификации русского языка, и он находится на пути образования одного из дивергентно-конвергентных вариантов, или 'казахского / казахстанского' варианта русского языка?

При описании данного феномена используются многочисленные термины: *плюрицентричность, поливариантность, полинациональный язык, национальный вариант, региональный вариант, плюрицентрический язык, плюрицентрический вариант, местный вариант, локальный вариант, самостоятельный вариант, функциональный вариант* и др.

«Рабочей группой по недоминантным разновидностям плюрицентрических языков» (WGNDV) неоднократно обсуждалось понятие *плюрицентричности* и был представлен эмпирический материал 43 известных плюрицентрических языков (PCL) [2]. В 1952 г. Х. Клосс применительно к германским языкам, по свидетельству Р. Мура, вводил термины «Ausbausprache» (язык, расширяющий функциональные возможности) и «Abstandsprache» (язык с лингвистической дистанцией), нашедшие поддержку У. Вайнрайха и Дж. Фишмана. В 1978 г. Х. Клосс использовал понятия *бицентрический, полицентрический* и *плюрицентрический*, последний и стал ключевым термином. По Х. Клоссу, PCL используются в независимых государствах (т. е. имеют два и более интерактивных центра), равны по статусу и функционально эквивалентны [3. Р. 13—40]. Разные аспекты плюрицентричности были учтены в определении Р. Мура: «Плюрицентрический язык — это язык, который используется как минимум в двух странах, где у него есть официальный статус государственного, со-государственного или регионального языка с собственными (кодифицированными) нормами, которые обычно участвуют в формировании национальной / личной идентичности путем сознательного использования норм, присущих этой конкретной стране, превращая ее в центр, формирующий норму» [3. Р. 20].

Как же называть феномен, о котором идет речь в настоящей работе — *плюрицентрическим, национальным, региональным, казахским* или *казахстанским* русским языком?

В казахстанских исследованиях по обозначенной тематике более длительную традицию (даже в советский период, когда не допускалась и мысль о возможности существования национальных вариантов РЯ, имевшего наивысший статус и коммуникативные возможности на всей территории громадной страны) имеет термин *национальный вариант*, к которому, естественно, восходит *казахстанский / казахский вариант*.

Принято считать то, что относится к казахскому этносу, *казахским* (своим, принадлежащим, созданным, используемым и т. п. казахами), а то, что связано с государством Казахстан, — *казахстанским*.

Е.Ю. Протасова, вопреки названию опубликованной статьи, уверенно и последовательно называет описанные ею и соавторами явления «казахским русским языком» [4. С. 231—263].

В настоящей и опубликованных ранее работах используется название *казахстанский русский язык* (далее КРЯ) [5; 6; 7 и др.]. Выбор термина продиктован важным, на наш взгляд, соображением. Наблюдаемый языковой феномен в течение длительного времени создавался и создается усилиями и творчеством казахов-билингвов, а понимается, поддерживается и используется не только ими, но и представителями иных этносов, находящихся в едином с казахами коммуникативном пространстве Казахстана.

Критерии плюрицентрического языка (PCL): общий взгляд извне

В «Рабочей группе по недоминантным разновидностям плюрицентрических языков» (WGNDV) неоднократно обсуждались критерии, составляющие PCL. Рабочая группа относит к ним 7 критериев [2], позже Р. Мур сократил список до 6 критериев [3. Р. 13—40; 8. Р. 11—64]: (1) PCL встречаются как минимум в двух странах. (2) PCL должен быть государственным, со-государственным или минимум региональным как минимум в двух странах; он должен быть официально признан, его статус должен превышать статус миноритарного языка, иначе он не может функционировать как центр, создающий норму. (3) Языковая дистанция: PCL должны иметь достаточно языковых и / или прагматических характеристик, которые отличают его и могут служить символом идентичности и социальной уникальности. (4) Языковое сообщество должно принять статус своего языка как PCL и рассматривать его как часть своей социальной / национальной идентичности. (5) Релевантность идентичности и осознание функции PCL для идентичности: национальная норма PCL должна соответствовать социальной идентичности и языковое сообщество должно (до определенной степени) это осознавать и приводить как минимум к каким-то своим кодифицированным нормам. (6) Языковые нормы PCL должны быть в определенной степени кодифицированы и на этом основании осознанно использоваться в качестве национальной нормы носителями и государственными институтами. (7) PCL обучают в школах, его распространяют и продвигают языковым сообществом.

Р. Мур считает, во-первых, что признание PCL возможно при наличии как минимум одного из признаков; во-вторых, для PCL особую значимость имеют (1) и (2) критерии. Несоответствие критерию (6) может служить серьезным препятствием для признания PCL. Критерии (3) и (4) фактически определяются признанием языковым сообществом раздельности (обособленности, самостоятельности, отдельности) его существования и использования как части своей национальной идентичности [3. Р. 23—48; 8. Р. 13—40; 9. Р. 11—64; 10; 11].

Считаем, что апелляция к языковому и этническому сознанию, языковой и этнической идентичности жителей постсоветских стран, с разной степенью болезненности переживающих процесс дерусификации, может быть принята со значительными оговорками. В Казахстане разные поколения носителей

РЯ — монолингвы (этнические русские, корейцы, украинцы и др.) и билингвы (представители самых разных этносов) с доминирующим русским или доминирующим этническим языком — в разной степени были отягощены ассимиляционными процессами периода тотальной советской *русификации* и по-разному вовлечены в процессы современной *казахизации*. Не одинаковыми по результатам, но близкими по остроте эмоциональной составляющей оказались для разных поколений не только кризис языковой идентичности, смена языка (корейцы, часть казахов, украинцы, малочисленные этносы и др.), но и частичная смена этнической идентичности на иные коллективные идентичности. В подобных обстоятельствах ориентация на мнение казахстанцев об отдельности РЯ в Казахстане, по нашему мнению, может породить еще больше вопросов, которые зачастую не будут иметь прямого отношения к поставленному выше вопросу.

Важным критерием признания существования КРЯ, который был впервые сформулирован Э.Д. Сулейменовой [5. С. 258] и эмпирически подтвержден Е.Ю. Протасовой [4. С. 231—263], является «герметичность, непрозрачность, непонятность» КРЯ для носителей РЯ, живущих вне Казахстана. Э.Д. Сулейменова, приведя несколько показательных текстов газеты «Взгляд» *...аренда шестиканатной юрты обойдется в 30 000 тенге, а восьмиканатной — в 40 000 тенге; казахские баксы и кюйши одинаково поклонялись Коркуту, и если баксы исполняли сарыны Коркута, то кюйши — его кюи; добавьте к этому дополнительные материалы — арканы, кошмы, баскуры и еще кииз, тускииз, текемет, сырмак, сандык, тосекагаи, сырмак из кошмы, баскур из тканой узорной ленты, токыма на кошомной основе, вышитый шелковыми нитями, бостек с ою-орнек, бесик из натурального дерева*, задает вопрос: «Эти отрывки понятны практически большинству казахстанцев, в особенности билингвам-казахам. Однако будут ли они поняты россиянином?! Не звучат ли они для него так же, как *глокая куздра* или *путьки бятые*? [5. С. 258].

Ответ на данный вопрос был дан Е.Ю. Протасовой на основе анализа русскоязычных газет за две недели 2014 г. [4. С. 231—263]. Спорадические и вполне устойчивые заимствования, написание слов и выражений по правилами казахской орфографии, неясные сокращения, отсылки к местным реалиям, географические названия, имена, наименования различных явления и объектов, неясные обращения к истории, литературе, культуре, тексты, осложненные метафорами, игрой слов, намеками, непривычными оборотами речи и мн. др., — все делает казахстанские русскоязычные газетные тексты трудными для понимания носителями РЯ, живущими не в Казахстане. РЯ рассмотренных изданий, утверждают авторы, во-первых, амбивалентен для местного человека, в нем сильна национальная (казахская) специфика и различия между РЯ России и Казахстана значительны; во-вторых, представленные факты зафиксировали момент развивающейся разновидности КРЯ.

‘Герметичность’, ‘непрозрачность’ газетных текстов для понимания¹ неказахстанцами Е.Ю. Протасова считает признаком постепенного становления КРЯ [4. С. 231—263].

РЯ с возможными вариантами во всех бывших советских республиках как прилегающих языковых областях включен «Рабочей группой по недоминантным разновидностям плюрицентрических языков» (WGNDV) в список PCL [113]. Р. Мур считает важным учитывать вполне типичную реакцию неприятия плюрицентричности РЯ российскими лингвистами и жителями многих постсоветских республик. Часто языковые сообщества имеют центристские и элитарные представления о своем языке и его нормах. Обычно требуется минимум два поколения для принятия мысли о существовании в рамках единого языка нескольких равных стандартных вариантов [8. Р. 11—64].

Русский язык в Казахстане: пристрастный взгляд изнутри

Положительные и отрицательные ответы на поставленный во Введении вопрос можно найти в категоричной или уклончивой форме. Нужно понять, на *чем* основаны утверждение или отрицание, а также оценить описываемые конкретные критерии начавшегося, продолжающегося или закончившегося процесса диверсификации РЯ и квалификации КРЯ как самостоятельного варианта. При этом оказалось трудно избежать сомнений относительно того, можно ли вообще с той или иной степенью уверенности квалифицировать описываемые языковые явления как специфические признаки (критерии, атрибуты, свойства) КРЯ.

1. Квалификация РЯ в Казахстане как «казахстанского варианта русского национального языка», функционирующего в «условиях языкового суверенитета Казахстана», как *регионального языка-макропосредника* объясняется Б. Х. Хасанулы следующим: РЯ функционирует изолированно от основной этнической массы, доминирует в образовании, государственном управлении, сфере обслуживания, науке, массовой коммуникации и являет образцы хорошей литературной формы, лишённой проявлений городского просторечия [7. С. 190—194].

Развивая собственную позицию, Б. Х. Хасанулы утверждает, что РЯ «в Казахстане — не локальный вариант русского языка, стоящий за пределами нормы, а *своеобразная его литературная норма*». РЯ в Казахстане отличает своеобразие тематики, объем общественных функций, функционирование

¹ В поддержку выдвинутого Е.Ю. Протасовой критерия становления КРЯ напомним важные положения, разработанные Д. Кристалом. В качестве критериев разграничения языка и диалекта он использовал *взаимную понятность / взаимную непонятность* и *культурную общность / культурное своеобразие*. Разное сочетание этих критериев легло в основу пяти типов отношений: британский английский vs. американский английский, английский vs. хинди, норвежский vs. датский, кантонский (китайский) vs. хакка (китайский), турецкий vs. узбекский [12. Р. 287].

десяток типов двуязычия и многоязычия с участием РЯ, некоторые внутрискруктурные особенности на различных уровнях, например, словарный состав, лексико-семантические и стилистические особенности казахских заимствований, грамматическое оформление казахских слов в русской речи, графемно-фонетическая передача и орфографирование казахизмов в русском тексте», наконец, новый тип паритетного двуязычия и трехязычия, а также стратегия овладения и пользования ими [7. С. 194—195].

2. В работе с красноречивым названием «Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык» Е.А. Журавлева определяет РЯ в Казахстане (инонациональной среде) как *национальный вариант полинационального языка*, вставшего в один ряд с английским, испанским, французским [14].

Полинациональный язык, в соответствии со взглядами Е.А. Журавлевой, находится в состоянии неидентичности со своим вариантом. Это объясняется новыми геополитическими условиями, межэтнической интеграцией, активными языковыми контактами, правовым статусом и масштабами функционирования РЯ, изменившимся коммуникативным пространством. Принципиально, что «своеобразие национального варианта РЯ проявляется не только в языке этносов, использующих его во внутриэтническом общении, но и в языке этнических русских». Признаками национального варианта РЯ автор считает: (а) регионализмы, не имеющие эквивалентов в РЯ (тюркизмы) и имеющие эквиваленты в РЯ (тюркизмы и лексика, построенная по моделям РЯ, но отражающая актуальные реалии Казахстана); (б) когнитивные (ментальные и феноменологические) единицы, функционирующие в общественно-политической, социально-культурной, гастрономической и ономастической сферах и организующие картину мира; (в) специфику корпуса употребления прецедентных имен и текстов, апеллирующих к казахстанским культурным концептам и понятным для казахстанцев, говорящих на РЯ; (г) расширение концептосферы, образующей специфичную языковую картину мира и его национальный образ, а также участвующей в создании казахстанской идентичности [14. С. 3—43].

3. Вполне очевидное образование функционального регионального варианта РЯ в Казахстане подтверждается его неадекватностью материковому инварианту, считает Д.Д. Шайбакова [13. С. 257—268; 15].

РЯ в Казахстане, по мнению Д.Д. Шайбаковой, переживает процесс регионализации и все больше дистанцируется от материкового инварианта, аккумулируя в себе различительные инновационные черты варианта языка по отношению к инварианту. К вариантообразующим факторам функционального варианта плюрицентрического РЯ автор относит: изменившийся статус РЯ, иной социальный и культурный контекст, изменение социального субстрата РЯ, уменьшение числа этнических русских, различия в восприятии мира, расхождения в семантизации лексем, образование новых лексических парадигм, словообразовательных моделей и синтагм, появление иных

интонаций, более свободное отношение к норме, смену прагматических установок и др. Определяющим моментом в этом процессе являются меняющиеся коммуникативно-прагматические нормы.

4. З.К. Сабитова, опираясь на [10. С. 102], констатирует, что Казахстан еще не стал изолированным ареалом функционирования РЯ, употребляется во всех формах, не испытывает влияния территориальных диалектов, не кодифицирован, значительных отклонений от стандарта и нормы в нем не наблюдается. З.К. Сабитова убеждена: поскольку различия РЯ в Казахстане и в России касаются лексико-фразеологического уровня, а фонетический и грамматический уровни не затронуты, РЯ в Казахстане не является национальным вариантом [16. С. 208—217].

Автор объясняет специфические социолингвистические особенности РЯ в Казахстане образом жизни его носителей. Это не отдельный, а специально используемый в оригинальных условиях общения РЯ, в известной степени отклоняющийся от стандартов и норм. Однако это не привело его к изоляции от российской идиомы. РЯ в Казахстане, не кодифицируясь как казахская региональная разновидность, продолжает функционировать параллельно с казахским языком, который все больше приобретает роль ведущего языка.

5. Включившись в дискуссию о формировании региональных вариантов РЯ и его взаимодействия с «титულными языками» в странах СНГ, А.К. Казкенова считает, что в качестве доказательств нельзя прибегать только к наращиванию в лексиконе «местных» слов [17. С. 143—152; 18. С. 178—217].

Для развертывания собственной аргументации А.К. Казкенова опирается на следующие языковые факты: (а) региональная группа несклоняемых существительных, которые не подчиняются при склонении общеизвестному образцу; (б) акцентологические особенности региональных слов, ведущие к их словоизменительной специфике; (в) узуальное словоизменение двусоставных имен, отличающее их от типичных для РЯ бинарных единиц и требующее кодификации (и легализации); (г) различия в степени актуальности слов-реалий российской действительности, которые в Казахстане приближаются к экзотизмам.

Таким образом, в актуальную дискуссию о диверсификации русского языка, дивергентно-конвергентных процессах в его развитии, об образовании КРЯ вовлекается все больше лингвистов. Используем их оценки и мнения в новом, более расширенном подходе к происходящим в РЯ активным диверсификационным процессам.

Русский язык в Казахстане: горизонты и перспективы исследований

Наблюдения над функционированием РЯ в Казахстане дают богатейший материал, который *может / или не может* быть интерпретирован как

свидетельство образования КРЯ даже вне соображений о том, что происходящие процессы не проверены временем и могут легко исчезать и появляться, быть зафиксированными в тех или иных источниках, или находиться на периферии окказионализмов. Расширим панораму и интерпретацию ранее описанных и новых языковых фактов, которые привлекались или будут привлечены для доказательства существования КРЯ.

1. Известное понятие *интериоризации* как формирование сознания человека при погружении его в культурные, идеологические, моральные и *языковые* ценности общества, на наш взгляд, вполне может быть применимо к результатам рассматриваемого взаимодействия казахского языка и культуры с РЯ и культурой. Языковое и культурное ‘пограничье’ в Казахстане длится не одно столетие, с одной стороны, образуя интериоризированный казахстанцами общий культурный фон (возможно, даже представление о мире); с другой стороны, меняя (усиливая или ослабляя) векторы влияния.

Первое, возможно, доказывается содержащимися во многих работах аргументами в пользу существования особой картины мира с присущими ей характерными ментальными чертами. Во-первых, она создается (а) казахами-монолингвами, перенесшими языковой сдвиг в сторону РЯ, (б) казахами-билингвами с доминирующим РЯ, (в) казахами-билингвами с периферийным РЯ, но по-прежнему погруженными в стихию казахской культуры, традиций, обычаев и достаточно уверенно чувствующими себя в казахстанском обществе. Во-вторых, картина мира поддерживается, культивируется и распространяется всеми казахстанцами, независимо от принадлежности тому или иному этносу, поскольку они, кроме собственной национальной культуры оказываются естественным образом ‘интериоризированными / встроенными’ в общий казахстанский социальный и культурный фон и не испытывают ‘чуждости’ ему. Культурная и гражданская идентичность в той или иной степени органично вписываются в общенациональную казахстанскую идентичность и общий интериоризированный культурный фон.² В более широком тюркско-славянском контексте об этом убедительно пишет В.П. Синячкин: «За период становления русской языковой культуры немало заимствований из тюркских языков сформировали особый внутренний план сознания носителя данной культуры, стали концептообразующими — концептуальными для русского сознания. Что естественным образом не могло не отразиться в созданных русским народом художественных образах» [17. С. 85—95].

² Весьма типичным является искреннее признание автора книги, названной по-казахски «Ұлы бақытқа талпыну», но написанной по-русски: «В книге используется много казахских вкраплений, не всегда соблюдаются правила русской орфографии казахской ономастической лексики. Например, если я всю жизнь произносила имя *Моншақ* по-казахски, то и писала его на казахском. Несмотря на то, что воспоминания изложены на русском языке, мое ситуативное использование богатств казахского языка свидетельствует о моей глубокой привязанности к казахским духовным ценностям, и я рассчитываю на благосклонность читателя в этом непростом языковом вопросе» [20].

Второе подтверждается диаметрально изменившимися векторами влияния языков: если в досоветский и советский периоды сильным и практически неограниченным было влияние РЯ на казахский, то в современном Казахстане, напротив, стало заметным влияние казахского языка и культуры на РЯ.

Изменившийся вектор влияния языков доказывается, например, тем, что поток заимствований из РЯ в казахский язык практически поддерживается на прежнем уровне. А. К. Казкенова усматривает в этом «определенное номинативное «отталкивание» казахского языка от своего сильного конкурента». При этом РЯ продолжает оставаться языком-посредником и даже языком-образцом при лексических заимствованиях из европейских языков [17. С. 145].

В условиях нарастающей интенсификации взаимодействия казахского и русского языков, обусловленного (а) кардинальным изменением их статуса и функционального состояния, (б) принципиальными переменами в характере устойчивого и массового казахско-русского двуязычия и достаточно активно стартовавшего русско-казахского двуязычия молодежи, (в) изменениями концептуально-ментальной картины мира казахстанцев, РЯ неизбежно и органично приспособляется к коммуникативным потребностям казахстанцев.

2. Становится все более заметным, что РЯ в Казахстане, сохраняя с Россией общее коммуникативное пространство, существует все же в некоторой степени в особых условиях. Это заметно в стремлении самостоятельно осуществлять — пока, возможно, только поддерживать и объяснять — *кодификацию и нормализацию* РЯ в Казахстане. Приведем два достаточно красноречивых примера, которые нуждаются в дальнейшем квалифицированном обсуждении.

Первый пример ранее уже приводился [6] и положительно комментировался [4]. Русское онимическое пространство в Казахстане самостоятельно и адресно регулируется: (а) русские топонимы заменяются исконными или новыми казахскими, (б) игнорируются или ‘казахизируются’ ортологические нормы написания и произношения онимов,³ (в) делаются коллективные попытки лексикографически регламентировать произношение и написание онимов и отонимических образований [21; 22] и др.

Второй пример связан с постепенной кодификацией РЯ в Казахстане. Известно, что кодификация литературного и нормативного языка проводится при целенаправленном руководстве со стороны общества (писателей, ученых,

³ Свежа в памяти жаркая полемика по поводу казахских *ШЫ*. В народе ходили варианты анекдотов про *Шынар Шынгызовну Шынтасову* из *Шымкента*, пытавшуюся на высокогорном курорте *Шымбулак* примирить имена собственные с правилами РЯ... Долго и с жаром обсуждалось ‘неудобство’ русского написания *-шы* — *Шымбулак*. Сейчас же сайты используют *Чимкент* (51 200 результатов) и *Шымкент* (560 000 результатов), а на запрос *Чимкент* Википедия ‘выдает’ *Шымкент*... Слова, так смущавшие *Шынар*, вошли в казахстанское и российское онимическое интернет-пространство как полноценные русские лексические единицы со всеми ‘неудобнопроизносимыми’ и ‘неверными в написании’ сочетаниями звуков и букв, со своеобразием словоизменения и словообразования.

учителей, журналистов, блогеров и др.)⁴ и заинтересованных властных структур, внимательном контроле со стороны редакций и издательств, масс-медиа, справочников, словарей, массовых и обязательных школьных и вузовских учебников. Создание казахстанскими учеными образовательных программ, типовых и учебных программ, учебников и учебных пособий по РЯ и литературе для школ и вузов вот уже более много десятилетий осуществляется в Казахстане независимо. Обязательным требованием к ним является присутствие национально-культурного (т.е. казахстанского) компонента, поэтому учебники РЯ и литературы содержат многочисленные примеры использования казахских лексических и лексико-фразеологических единиц, которые часто даются в оригинальном казахском написании, не переводятся, подвергаются фонетической и морфологической адаптации и прочно внедряются в языковое сознание школьников и студентов.

3. Как следствие происходящих процессов РЯ в Казахстане демонстрирует все большую 'открытость' для проникновения казахских языковых единиц как в устную, так и в письменную речь. Они перестают быть экзотизмами, не нуждаются в переводе и переходят в общенародную лексику.

Данное положение, конечно же, нуждается в широком панорамном диахроническом исследовании состояния РЯ в Казахстане за длительный период. Однако и сейчас можно утверждать, что многочисленные уникальные номинации реалий жизни казахстанского общества уверенно и беспрепятственно проникают в РЯ, способствуя накоплению в нем фактов формирования КРЯ. В первую очередь, подобные уникальные 'казахские номинации' возникают в общественно-политической, официально-деловой, национально-культурной, производственной, бытовой и др. коммуникации и оперативно фиксируются в русском публицистическом дискурсе. В теории заимствования такие языковые явления привели даже к их переоценке: «В условиях регионального варьирования лексики РЯ экзотизм не всегда является заимствованным словом и, наоборот, заимствование не всегда оценивается как экзотизм» [18. С. 81].

Причины наблюдающейся 'открытости' РЯ в Казахстане, очевидно, связаны также с его изменившимся статусом: во-первых, пока РЯ был главным языком Советского Союза, контроль за его функционированием осуществлялся из центра, который, естественно, не допускал массивного проникновения в него регионализмов — ведь РЯ должен был оставаться понятным и литовцу, и коряку, и русскому; во-вторых, изменение этнодемографических пропорций существенно изменило присутствие русских в органах государственного управления, банках, магазинах, рынках, учреждениях образования и пр. и, соответственно, усилило в них роль казахского языка; в-третьих,

⁴ Б. Хасанулы писал об этом процессе следующим образом: «В океане русских слов имеют свою долю и казахизмы, а их объем в какой-то мере зависит от регулирования языковедами и другими деятелями культуры и самого процесса взаимодействия казахского и русского языков» [7. С. 192].

число ‘урожденных носителей РЯ’ в стране продолжает сокращаться (немногим выше 20%), носителями РЯ являются преимущественно казахи (свыше 70%) и представители иных этносов (менее 10% населения страны); в-четвертых, конституционное функциональное равноправие казахского и русского языков на фоне усиливающегося коммуникативного присутствия казахского языка и культуры стало менять взаимное влияние обоих языков.

Примеры ‘открытости’ РЯ для неконтролируемого вхождения беспереводных казахских слов и выражений многочисленны.⁵ Оценивая их в русском тексте, легко подумать, что все они только-только появились. Например, газетные заголовки «От *ұята* до разврата», «*Токалистический* сценарий», «*Кюй*, пока горячо», «*Коня на соғым* остановит, в горящую юрту войдет», «Пусть *шанырак* будет высоким!» и многие другие в соответствии с замыслом журналиста заинтересуют казахстанского читателя, но вызовут отторжение у пуриста и желание удалить их как чуждую РЯ неблагозвучную стихию. Здесь перспективным для исследований оказывается следующее: часть таких слов может отсутствовать в авторитетных классических словарях С.И. Ожегова или Д. Н. Ушакова (*той*, *айтыс*, *байга* и др.), но находиться в двуязычных казахско-русских словарях и оперативно фиксироваться в электронных словарях или в старой и новой версиях Национального корпуса русского языка (*байга*, *айтыс* и др.) [23; 24]. Другие единицы проявляют удивительную деривационную резвость и даже изощренность в образовании слов: *уятмен*, *уятсыз*, *токалистический*, *токализация*, *нуротановец*, *алтынбелгийцы*, *болашаковцы*, *болашакеры*, *байговать* и мн. др. Используя современные корпусные, лексикографические и иные возможности электронных изданий, можно пытаться определить ‘государственные’ и ‘временные’ границы подобных казахских единиц и их роль в диверсификационном движении РЯ в Казахстане.

Отвлекаясь от возможности систематизировать многочисленные проявления диверсификации РЯ (например, по сферам применения, деривационной потенции, аксиологической и эмоциональной нагрузке и пр.), обратим внимание на беспрепятственность и обилие их вхождения в русский текст, адаптируясь по законам РЯ, или напротив, сохраняя казахское кириллическое написание и даже используя еще не утвержденный латинский алфавит. В шутку диверсификационный поток можно представить в таком гиперболизированном виде:

Сегодня в одном тексте соседствуют *Nur Otan*, *Нұр Отан*, *Нур Отан*, не на *той-думанах*, а на страницах газет и в интернете *байгут тойские*

⁵ В связи с наблюдаемым процессом приведем интересное соображение Б. Гавранека, который еще в 1966 г. писал: «Влияние чужого языка — не только внешний фактор, но также и нечто, связанное с внутренним, имманентным развитием языка, который избирает то, что требуется соответственно его структуре и языковым условиям его существования. То, что язык избирает, становится составной частью его имманентного развития, или, другими словами, активным является заимствующий язык, а пассивным язык, из которого заимствуют, и было бы неверное представлять это отношение обратным» [23. С. 107].

айтыскеры, мы готовы *байговать* на автоквесте «*Байга*», отзываясь на энергичные призывы «*Байгу* вместе с *Beeline!*», *ұятсыз тоқалки* (примета *токализации*), развивая собственный *токалистический* сценарий, мечтают стать антикризисной *тоқал*, в худшем случае — *Zaratoқал*, *ұятманы* хотят ввести *ұят* в закон, или хотя бы в директиву «*Ұят! Масқара!*», назойливая реклама на «*Хабаре*» и «*Еларне*» объясняет «Что такое новый *ҰЯТ?*», крутые *ағашки* убеждают «*Ұят* в рэп-баттле — больше, чем просто *ұят!*», мифический персонаж *жұрттың баласы*, подрезавший всем крылья в детстве, талантом *Мұрата* превращен в популярнейший русскоязычный блог «*Jurttyн balasy*», и вот, «*Жаным*, ты не поверишь!», нас со всех сторон заверяют *Biz bergemiz!*

Заключение

Таким образом, можно сделать базовый вывод, приняв за основу теорию и аргументы «Рабочей группы по недоминантным разновидностям плюрицентрических языков» (WGNDV) — русский язык в соответствии с большинством критериев следует считать PCL.

Сложнее прийти к выводам второго уровня. Русский язык в Казахстане переживает бурные, стремительные и заметные по результатам диверсификационные процессы. Их оценка с точки зрения соответствия признакам плюрицентрического варианта дает возможность констатировать наличие узуальных особенностей, которые понемногу и постепенно проходят через этапы нормирования и лексикографической регламентации.

Осознание природы происходящих процессов должно помочь в оценке наблюдаемых многообразных фактов, какими бы незначительными или, напротив, важными они ни казались. Уникальная возможность наблюдать, описывать и понять эти процессы должна быть нами своевременно использована.

Библиографический список

1. Вахтин Н.Б., Мустайоки А., Протасова Е.Ю. Русские языки // *Slavica Helsingiensia*. 2010. no 40. С. 5—16. Режим доступа: <http://www.pluricentriclanguages.org> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Muhr R. The state of the art of research on pluricentric languages: Where we were and where we are now // *Pluricentric Languages and Non-Dominant Varieties Worldwide, Österreichisches deutsch sprache der gegenwart*. R. Muhr (Ed.). Berlin. 2016. В. 18. P. 13—40.
3. Алишариева А., Ибраева Ж., Протасова Е. Казахстанский русский: взгляд со стороны // *Ab Imperio. The Global Condition: Local Names for Universalism*. Нью-Йорк—Казань, 2017. Вып. 4. С. 231—263.
4. Сулейменова Э.Д. К осмыслению вероятности варианта русского языка в Казахстане // *Slavica Helsingiensia*. 2010. no 40. С. 268—282.
5. Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика. Алматы, 2011.
6. Хасанулы Б. Языки народов Казахстана: от молчания к стратегии развития. Алматы, 2007.
7. Muhr R. European pluricentric languages in contact and conflict // *European Pluricentric Languages in Contact and Conflict*, R. Muhr, J. Àngel, M. Castells, J. Rueter (Eds.). Österreichisches deutsch sprache der gegenwart Herausgegeben. Berlin, 2019. В. 21. P. 11—64.

8. *Muhr R.* Linguistic Dominance and Non-Dominance in Pluricentric Languages: A. Typology // Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages. Frankfurt am Main, 2012. P. 23—48.
9. *Бахтикиреева У.М.* Русский — полинациональный язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: лингвистика. 2014. no 2. С. 16—30.
10. *Бахтикиреева У.М.* К проблеме вариантивности лексической системы русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. no 3. С. 117—123.
11. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
12. *Шайбакова Д.Д.* Функционирование неорганического языка в полиэтническом обществе (на материале русского языка в Казахстане). Алматы, 2006.
13. *Журавлева Е.А.* Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык. Алматы, 2007.
14. *Шайбакова Д.Д.* Является ли русский язык плюрицентрическим? // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2016. no VII/2. P. 257—268.
15. *Сабитова З.* Русский язык в Казахстане: национальный вариант? // Slavica Helsingiensia. 2014. 45. С. 208—2017.
16. *Казкенова А.К.* Онтология заимствованного слова. М., 2017.
17. *Казкенова А., Жиренов С.* Самостоятельное развитие и взаимное влияние казахского и русского языков в Республике Казахстан // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2015. no 6/1. С. 143—152.
18. *Синячкин В.П.* Историко-культурный слой тюркизмов в русском быденном сознании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. no 4. С. 85—95.
19. Сарыбай Режим доступа: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=3753888887955752&id=100000040344125 (дата обращения: 10.11.2020).
20. *Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Мусабекова У.Е.* Ономастика Казахстана: географические названия и отонимические производные. Более 3000 единиц. Алматы, 2015.
21. *Мусатаева М., Никитина С., Казкенова А.* Комплексный словарь русского языка. Алматы, 2005.
22. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/old> (дата обращения: 10.11.2020).
23. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 10.11.2020).
24. *Гавранек Б.* К проблеме смешения языков // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972. С. 9—111.

References

1. Vahtin, N.B., Mustajoki, A. & Protasova, E.Yu. (2010). Russian languages. *Slavica Helsingiensia*, 40, 5—16. (In Russ.). URL: <http://www.pluricentriclanguages.org> (accessed:10.11.2020).
2. Muhr, R. (2016). The state of the art of research on pluricentric languages: Where we were and where we are now In *Pluricentric Languages and Non-Dominant Varieties Worldwide, Österreichisches deutsch sprache der gegenwart*, R. Muhr (Ed.). Berlin. B. 18. pp. 13—40.
3. Alisharieva, A., Ibraeva, Zh. & Protasova, E. (2017). Kazakh Russian: a view from the outside In *Ab Imperio. The Global Condition: Local Names for Universalism*. New York-Kazan'. Vol. 4. pp. 231—263. (In Russ.).
4. Suleimenova, E.D. (2010). To understanding the likelihood of a variant of the Russian language in Kazakhstan. *Slavica Helsingiensia*, 40, 268—282. (In Russ.).
5. Suleimenova, E.D. (2011). *Language processes and politics*. Almaty. (In Russ.).
6. Hasanuly, B. (2007). *Languages of the peoples of Kazakhstan: from silence to development strategy*. Almaty. (In Russ.).
7. Muhr, R. (2019). European pluricentric languages in contact and conflict In *European Pluricentric Languages in Contact and Conflict*, R. Muhr, J. Àngel, M. Castells, J. Rueter (Eds.). Österreichisches deutsch sprache der gegenwart Herausgegeben. Berlin. Book 21. pp. 11—64.

8. Muhr, R. (2012). Linguistic Dominance and Non-Dominance in Pluricentric Languages: A. Typology In *Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages*. Frankfurt am Main. pp. 23—48.
9. Bachtikireeva, U.M. (2014). Russian is a Multinational Language? *Russian Journal of Linguistics*, 2, 16—13. (In Russ.).
10. Bachtikireeva, U.M. (2010). To the problem of variability of the Russian lexical system. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 117—123. (In Russ.).
11. Crystal, D. (1987). *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Shaibakova, D.D. (2006). The functioning of the inorganic language in a multiethnic society (based on the Russian language in Kazakhstan). Almaty. (In Russ.).
13. Zhuravleva, E.A. (2007). *Variation of the lexical system: Russian as a multinational language*. Almaty, 2007. (In Russ.).
14. Shaibakova, D.D. (2016). Is Russian pluricentric? *Przegląd Wschodnioeuropejski*, VII / 2, 257—268. (In Russ.).
15. Sabitova, Z. (2014). Russian language in Kazakhstan: national variant? *Slavica Helsingiensia*, 45, 208—2017. (In Russ.).
16. Kazkenova, A.K. (2017). *Ontology of the borrowed word*. Moscow. (In Russ.).
17. Kazkenova, A. & Zhirenov, S. (2015). Independent development and mutual influence of the Kazakh and Russian languages in the Republic of Kazakhstan. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 6/1, 143—152. (In Russ.).
18. Sinyachkin, V.P. (2011). Historical-and-cultural Turkisms layer in the everyday Russian language perception. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 85—95. (In Russ.).
19. Sarybai. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=3753888887955752&id=100000040344125 (accessed: 10.11.2020). (In Russ.).
20. Suleimenova, E.D., Shaimerdenova, N.Zh. & Musabekova, U.E. (2015). *Onomastics of Kazakhstan: geographical names and otonymic derivatives*. More than 3000 units. Almaty. (In Russ.).
21. Musataeva M., Nikitina S., Kazkenova A. Comprehensive dictionary of the Russian language. Almaty, 2005. (In Russ.).
22. Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/old> (accessed: 10.11.2020). (In Russ.).
23. Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (accessed: 10.11.2020). (In Russ.).
24. Havranek, B. (1972). On the problem of mixing languages In *New in linguistics*. Iss. VI. Moscow. pp. 9—111. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Сулейменова Элеонора Дюсеновна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранной филологии и переводческого дела факультета филологии и мировых языков Казахского национального университета имени аль-Фараби; *e-mail*: esuleim@gmail.com. Scopus ID: 55826261000

Аканова Дана, Ph.D, Чикагский университет (США); *e-mail*: dakanova@gmail.com.

Аймагамбетова Малика Муратовна, Ph.D., зав.кафедрой иностранной филологии и переводческого дела факультета филологии и мировых языков Казахского национального университета имени аль-Фараби; *e-mail*: aimagambetovamalika@gmail.com. Scopus ID: 57197821028.

Information about the authors:

Suleimenova Eleonora D. Doctor sciences of Philology, professor, Foreign philology and translation studies, Faculty of Philology and World Languages, Al-Farabi Kazakh National University; *e-mail*: esuleim@gmail.com. Scopus ID: 55826261000.

Dana Kh. Akanova, Ph.D., University of Chicago (USA); *e-mail*: dakanova@gmail.com.

Malika M. Aimagambetova, Ph.D., Head of Department of Foreign philology and translation studies, Faculty of Philology and World Languages, Al-Farabi Kazakh National University; *e-mail*: aimagambetovamalika@gmail.com. Scopus ID: 57197821028.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-23-40
УДК 81'246.2

Научная статья / Research article

Речевая интерференция как результат двуединого отрицательного воздействия

Маханбет Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков,
100138, Республика Узбекистан, Ташкент, ул. Кичик халка йули, Г9-а, 21а
mah.dzhusupov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема взаимодействия языков в процессе формирования билингвальной личности и социума. Сопоставительное исследование материала родного и изучаемого языков выявляет причины интерференции в речи билингва на неродном языке. Традиционно причинами речевой интерференции определяются особенности родного языка, которых нет в изучаемом языке, поэтому они отрицательно влияют на процесс овладения вторым языком, что и порождает речевые ошибки. Это односторонний подход к пониманию интерференции в целом и ее истоков (причин) в частности. Автор рассматривает проблему двустороннего подхода к пониманию явления речевой интерференции. Речевая интерференция — это результат отрицательного влияния как особенностей родного языка, так и особенностей изучаемого языка, т.е. это одновременный двусторонний процесс в двуединстве. Оба процесса отрицательного влияния на овладение индивидом вторым языком определяются как одно действие в двуединстве, дающее один и тот же результат — интерференцию в речи билингва, которая выражается в фонетико-фонологических, смысловых и других типах и видах речевых ошибок. Одновременное, а недифференцированное отрицательное влияние особенностей родного языка и неродного языка, рассмотренное на материале консонантных сочетаний в инициале слова русского и казахского языков, когда отсутствие сочетаний согласных в этой позиции казахского слова и их присутствие в этой позиции русского слова в одинаковой степени и одновременно оказывают отрицательное влияние на правильное (литературное) произношение казахофоном слов русского языка. Таким образом, в отличие от традиционного объяснения явления речевой интерференции как результата одностороннего отрицательного процесса предлагается и доказывается, что это явление — результат одновременного двустороннего влияния особенностей родного и изучаемого языков. Ошибки индивида в речи на неродном языке рассматриваются согласно положениям синтагматической типологии интерференции (плюс-сегментация, минус-сегментация).

Ключевые слова: родной язык, неродной язык, сопоставление, интерференция, отрицательное влияние, двусторонний процесс, звуко сочетание, преодоление

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2020

Дата приема в печать: 15.12.2020

© Джусупов М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Джусупов М. Речевая интерференция как результат двуединого отрицательного воздействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 23—40. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-23-40

UDK 81'246.2

Speech Interference as the Result of a Two-Pronged Negative Influence

Mahanbet Dzhusupov

Uzbekistan State University of World Languages,
21a, Kichik halka yuli str., G9a, Tashkent, The Republic of Uzbekistan, 100138
Corresponding author: mah.dzhusupov@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of the interaction of languages in the process of forming a bilingual personality and society. A comparative study of the material, the mother tongue and the studied language, reveals the causes of interference in bilingual speech in a foreign language. Traditionally, the causes of speech interference are determined by the characteristics of a native language, which are not found in the language studied, therefore they negatively affect the process of mastering the second language, which generates speech errors. This is a one-sided approach to understand interference in general and its origins (causes) in particular. The article considers the problem of a two-way approach to understanding the phenomenon of speech interference. Speech interference is a result of the negative influence of both the characteristics of the native language and the characteristics of the language being studied, i.e. it is a simultaneous two-way process in dual unity. Both processes of negative influence on an individual's mastery of a second language are defined as one action in bilinguality, giving the same result — interference in bilingual speech, which is expressed in phonetic-phonological, semantic and other types and types of speech errors. The simultaneous and inconsistent negative influence of the features of the native language and the non-native language considered on the material of consonant combinations in the initial words of the Russian and Kazakh languages, when the absence of combinations of consonants in this position of the Kazakh word and their presence in this position of the Russian word to the same extent and at the same time negatively influence on the correct — the literary pronunciation of Kazakh words and Russian words. Thus, in contrast to the traditional explanation of the phenomenon of speech interference as a result of a one-sided negative process, it is proposed and proved that this phenomenon is the result of (simultaneous) two-way influence of features, native and studied languages. Errors of an individual in speech in a foreign language are considered according to the provisions of the syntagmatic typology of interference (plus segmentation, or minus segmentation).

Key words: native language, non-native language, comparison, interference, negative influence, two-way process, sound combination, overcoming

Article history:

Received: 01.12.2020

Accepted: 15.12.2020

For citation:

Dzhusupov, M. (2021). Speech Interference as the Result of a Two-Pronged Negative Influence. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 23—40. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-23-40

Введение

Контактирование языков в сознании индивида и социума характеризуется речевой интерференцией. Термин «интерференция» происходит из латинского языка (лат. *inter* — между собой, взаимно и *terio* — касаясь, ударяя). Первоначально этот термин использовался в физике, биологии, медицине, обозначая влияние одних тел, вирусов, молекул и т.п. на другие, в связи с чем происходит торможение или остановка, или иное развитие одних из них под влиянием других. В языкознание этот термин ввели представители Пражского лингвистического кружка (Пражской лингвистической школы) [1. С. 6—7; 2. С. 147] в значении взаимодействия языковых систем в условиях двуязычия, полиязычия, которые возникают при контактировании языков в сознании индивида и социума. При этом одни специалисты речевую интерференцию понимают как процесс взаимодействия языков, вторые — как результат этого процесса, третьи — как совокупность взаимодействия и его результата.

Речевая интерференция может быть внутриязыковой и межязыковой. Внутриязыковая интерференция, как правило, встречается среди носителей языка, в котором наблюдаются серьезные диалектные различия. Носитель родного языка, сформировавшийся в условиях диалектной языко-речевой ситуации, в процессе изучения родного литературного языка допускает речевые ошибки: неправильно произносит, неправильно пишет языковые единицы, допускает ошибки звукового, лексического, стилистического, синтаксического характера и др. Например, в русском языке произношение диалектного звука [ґ] вместо литературно-нормативного [г]: *говориґл*, вместо *говориґл* и т.д.

В узбекском языке в его кыпчайских диалектах 11 гласных фонем, а в литературном узбекском языке 6 гласных фонем, что и является причиной внутриязыковой речевой интерференции, которая характеризуется, прежде всего, сингармоническим произношением слов родного языка, которые в литературном языке произносятся и пишутся несингармонически, так как за основу литературного языка приняты несингармонические (иранизованные) диалекты узбекского языка. В научной литературе такую дифференциацию диалектов узбекского языка (сингармонические и несингармонические, т.е. иранизованные), впервые ввел в научный обиход Е.Д. Поливанов [3; 4].

Внутриязыковая речевая интерференция может быть и на уровне только литературного языка, когда индивид, например (в официальной речевой ситуации) из синонимического ряда слов использует слово со сниженной стилистической окраской, вместо синонима с нейтральной или с высокой стилистической окраской и т.д.

Не во всех языках наблюдается внутриязыковая речевая интерференция. Например, в казахском или в киргизском языке нет диалектов, есть некоторые незначительные региональные лексические особенности, которые знакомы

всем носителям этих языков, но частотность употребления членов синонимического ряда в разных регионах неодинаковая.

Слово «спички» в казахском языке выражается в пяти синонимических лексемах (*сіріңке, шырпы, оттық, шақпақ, күгурт*). Все носители казахского языка эти слова знают, но на западе республики доминирует употребление синонимов *оттық, шақпақ*, на юге — *сіріңке, шырпы, күгурт*. Такое явление, когда всем носителям языка эти слова известны, а разница в предпочтительности того или иного синонима не порождает речевую интерференцию, так как использование каждого из этих слов понятно всем носителям этого языка. В языкознании и в полинаучной системе языкового образования явление внутриязыковой интерференции исследуется в гораздо меньшей степени, чем явление межязыковой интерференции. Объясняется это тем, что внутриязыковая интерференция — это явление внутри одного языка. В этом процессе отсутствует подготовка билингва и полилингва, которые должны овладеть неродным, иностранным, т.е. незнакомым языком.

В теории языка, в сопоставительной лингвистике, лингводидактике и методике обучения неродному языку большое внимание уделяется межязыковой интерференции, так как она связана, прежде всего, с процессом формирования двуязычного и полиязычного индивида и социума, а следовательно, и с проблемой транслингвальности и транскультурности, которая базируется (создается и функционирует) на знании, умении и навыках речевого производства на родном и неродном языках, т.е. в основе этого процесса лежат язык и речь. Именно посредством языкоречи осуществляется билингвальная, полилингвальная и транскультурная деятельность индивида и социума. Эта полиаспектная деятельность сопровождается межязыковой интерференцией (особенно на начальном и среднепродвинутом этапах).

Итак, межязыковая интерференция проявляется в речи на неродном языке в процессе формирования билингвизма и полилингвизма. Как явление межязыкового характера интерференция присутствует в процессе формирования билингвизма как на основе родственных (русско-чешский, польско-русский; турецко-казахский и т.д.), так и на основе неродственных языков (казахско-русский, узбекско-русский, русско-английский и т.д.). В условиях формирования билингвизма на основе взаимодействия в сознании индивида и социума неродственных языков речевая интерференция проявляется и широко, и глубоко, и высокочастотно, чем при формировании билингвизма на основе родственных языков.

В сопоставительной лингвистике, в лингводидактике, в методике обучения неродному языку больше внимание уделяется проблеме ее анализа и описания как сопровождающегося явления процесса овладения вторым языком. В этих работах речевая интерференция рассматривается, как правило, в двух аспектах.

1. В общетеоретическом аспекте, рассматривая интерференцию как универсальное явление, появляющееся при контактировании двух и более

языковых систем в сознании индивида и социума, формирующихся в плане билингвизма и полилингвизма [3—15].

2. В аспекте определения и анализа истоков речевой интерференции на основе результатов сопоставительного описания, как правило, двух, а реже трех и четырех языковых систем: а) русского и казахского, русского и узбекского, русского и татарского и т.д. [2; 16—21]; б) русского и английского, узбекского и английского, английского и тюркских, английского и хинди и т.д. [22—24] и др.

Истоки интерференции в речи билингва на втором языке определяются на основе сопоставительного исследования родного и изучаемого языковых систем на разных уровнях языковой иерархии; звуковая система, лексика, словообразование, морфология, синтаксис, а также на материале межуровневой (надуровневой) стилистики, и просодических аспектов — словесного ударения, сингармонизма, интонации, ритма и т.д.

Все типы и виды речевой интерференции, объединяемые в парадигматические, синтагматические, ситуативные, стилистические, просодические, как правило, объясняются отрицательным влиянием особенностей родного языка на процесс овладения неродным языком.

Таким образом, интерференция в речи билингва на неродном языке традиционно понимается как результат одностороннего процесса: отрицательное воздействие направлено от особенностей родного языка на изучаемый неродной язык. При этом в научной литературе как по теории языка, так и по сопоставительной лингвистике, лингводидактике и методике обратный процесс (отрицательное влияние особенностей неродного языка на процесс его изучения инофонами) не рассматривается (или почти не рассматривается) как причина речевой интерференции. Этот вопрос, как правило, остается в тени. Получается, что неродной язык, который изучается в иноязычной (казахский или другой) аудитории, не принимает участия, отрицательно не влияет на процесс порождения интерференции в речи билингва на втором языке. При этом в сопоставительной лингвистике, в лингводидактике, в методике особенности неродного языка, которые несвойственны родному языку инофона, определяются, описываются, классифицируются, но они как источник интерференции, как источник отрицательного воздействия на процесс овладения этим языком в инофонной аудитории не рассматриваются. Причины (истоки) ошибок в речи на неродном языке относят только на процесс отрицательного влияния особенностей родного языка на изучаемый язык.

В настоящей работе проблема интерференции в речи на неродном языке рассматривается как результат двуединого одновременного отрицательного влияния на речевую деятельность билингва как особенностей родного языка, так и особенностей изучаемого языка. Специфика двух языковых систем влияет на инофонную речь билингва не поочередно, не дифференцированно

(не отдельно), а одновременно, в двуединстве, анализ которого во многом поможет объяснить сложность, порой непонятность, непросматриваемость некоторых истоков порождения поля потенциальный и поля фактической интерференции, а также ее некоторых конкретных видов, которые сопровождают процесс формирования билингвизма.

Двустороннее отрицательное влияние — единый процесс

Билингвизм, полилингвизм, транслингвизм — явления, функционировавшие во все время истории человечества. Особенности функционирования их (степень распространенности, контактирование моноструктурных или разноструктурных языков, естественный или искусственный билингвизм, полилингвизм) зависят от исторической эпохи, характера миграции, завоеваний, дипломатии, родственных и неродственных межгосударственных союзов и т.д. Процесс формирования би-, полилингвизма, транслингвизма, как было сказано выше, сопровождается речевой интерференцией, которая является приходящим и уходящим явлением, но на начальном этапе овладения вторым языком она устойчива, типична, высокочастотна. На продвинутом этапе формирования двуязычия и полиязычия речевая интерференция уменьшается, становится менее частотной, менее броской, т.е. с меньшим количеством нарушений норм второго языка. Речевая интерференция на втором языке билингва, социума полностью исчезает, когда они в совершенстве овладевают неродным языком. Процесс формирования билингвизма формирует в сознании, в поведении индивида и социума и аспекты культуры иноэтнуса.

Таким образом, билингвизм способствует формированию и бикультурности, транскультурности, без которых индивид и социум не могут состоять как полноценные билингвы. Этот второй аспект билингвизма также порождает интерференцию, но лингвокультурную интерференцию.

В научной литературе (лингвистической, лингводидактической, методической) сосуществуют разные теоретические подходы и объяснения речевой интерференции:

1) это отрицательный результат взаимодействия языков в сознании индивида и социума, что проявляется в виде нарушений системы и нормы второго языка в процессе его использования под влиянием родного языка [8];

2) это отрицательный перенос умений и навыков речи родного языка на процесс речепроизводства на неродном языке;

3) это совокупность отрицательного и положительного переносов умений и навыков [1]. Сторонники этой научной точки зрения не противопоставляют два явления (положительные и отрицательные переносы), считая, что, они результат взаимовлияния обоих контактирующих языков, т.е. одного итого же явления — интерференции. Они положительный перенос (фацилитация) и отрицательный перенос (интерференция) не противопоставляют;

4) это результат влияния особенностей родного языка на процесс овладения неродным языком [14].

В представленных научных воззрениях причиной речевой интерференции является отрицательное влияние особенностей родного языка на процесс овладения неродным языком (т.е. результат одностороннего влияния). Родной язык, который является основой формирования билингвизма, полилингвизма и первым компонентом (языком), в этих системах рассматривается «нарушителем», «отрицателем» процесса овладения вторым языком, «блокпостом», пропускающим живую инородную речь в сознание индивида, социума.

Эта научная концепция (интерференция — результат отрицательного влияния родного языка на процесс овладения неродным языком) получила свое отражение в работах Е.Д. Поливанова, Э. Хаугена, В.Ю. Розенцвейга, А.Е. Карлинского, М.М. Копыленко, В.М. Бельдяна, К.З. Закирьянова и др., а также в словарях лингвистических, лингводидактических и методических понятий и терминов.

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание (БЭС. Языкознание): «Интерференция...: выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [25. С. 197].

2. Розенталь Д.Э., Темникова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: «Интерференция... перенесение особенностей родного языка на иностранный язык» [14. С. 132].

3. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: «Интерференция... Взаимодействие языковых систем, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им. Выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного...» [13. С. 97].

4. Словарь терминов межкультурной коммуникации: «Интерференция... Воздействие одного из контактных языков, чаще всего родного, вызывающего отклонения от нормы...» [15. С. 146].

5. Большой толковый словарь русского языка (БТС): «...2 лингв. Взаимодействие, взаимовлияние двух языков в условиях билингвизма» [25. С. 195]. В словарной статье этого словаря дается общее научное понимание интерференции без раскрытия ее как результата отрицательного влияния родного или неродного языков или одновременного влияния обоих языков, которые приводят к отклонениям от норм изучаемого языка в процессе речепроизводства на нем.

6. Тіл білімі сөздігі (Словарь по языкознанию). «...отклонение от нормы в одном языке под влиянием другого, возникающего при языковом взаимодействии (массовом Двужычии или изучении Второго языка)...» [26. С. 147]. Это двуязычный словарь лингвистических терминов на казахском и русском языках. В данном случае мы представляем словарную статью на русском языке. В этом определении речевой интерференции, как и в предыдущем словаре (БТС), не раскрывается, какой язык оказывает отрицательное воздействие на овладение вторым языком, но говорится, что «...отклонение от нормы в одном языке под влиянием другого...», т.е. имеется в виду одностороннее отрицательное воздействие, а не двустороннее. Таким образом, в

словарной статье этого словаря имплицитно высказано, что отрицательное интерферирующее влияние идет от родного языка на овладеваемый неродной язык, потому что отклонения от норм родного языка, которым индивид, социум владеют под влиянием неродного языка, которым они не владеют, невозможно (особенно на начальном этапе формирования билингвизма).

Итак, как видим, в словарных статьях многих специальных словарей интерференция (ошибки в речи на неродном языке) определяется как отклонения от нормы неродного языка под отрицательным влиянием особенностей родного языка.

В Словаре терминов межкультурной коммуникации, в отличие от других словарей, эта мысль выражена некатегорично, что воздействие одного языка на другой «...чаще всего родного вызывающего отклонения от нормы...». Содержание этой словарной статьи допускает воздействие и неродного языка, но по всей видимости, в редких случаях. Но в каких? К тому же сказано: «Воздействие одного из контактирующих языков...», т.е. интерференция не рассматривается как одновременное отрицательное воздействие обоих контактирующих языков. И тем не менее авторы этого словаря допускают возможность отрицательного влияния неродного языка (редко, но допускают). Итак, получается, как в значении известного выражения «как правило», что предполагает и наличие исключений.

Может ли немой человек, не владеющий генетическим родным языком на уровне устного продуцирования, овладеть неродным языком и заговорить на нем? Конечно же, не может. У него не сформированы знания, умения и навыки звукового речепроизводства на родном языке, которые являются базой, плацдармом, функциональным проводником для процесса овладения неродным языком. Итак, традиционное понимание речевой интерференции как результата одностороннего процесса (отрицательного влияния особенностей родного языка на процесс овладения неродным языком) является, действительно, односторонним научным пониманием, когда во главу угла ставится то, что «лежит на поверхности», (особенности родного языка), не углубляясь, а, следовательно, не видя находящиеся «за фонологическим ситом родного (тюркского) языка» особенности (специфичность) неродного языка (понятие и термин «тюркское фонологическое сито» в научный обиход введен Е.Д. Поливановым) [4].

7. Пятнадцатитомный словарь Қазақ әдеби тілінің сөздігі (ҚӘТС, Словарь казахского литературного языка). «2. лингв. Қостілділік жағдайындағы екі тілдің өзара әрекеттестігі мен өзара әсерлестігі... қазыргі қала қазақтарының интонациясында орыс тілінің әсерінен, яғни интерференцияның негізінде болған өзгерістерді байқау кийін емес болып тұр» [27. С. 319] (В условиях двуязычия взаимодействия и взаимовлияния двух языков. Интонационное изменение казахской речи у определенной части городских казахов, возникающие под влиянием русского языка).

В первой части этой словарной статьи интерференция рассматривается в целом как взаимодействие и взаимовлияние двух контактирующих языков в условиях формирования билингвизма. Не раскрывается направление этого влияния от родного языка или от неродного языка. Во второй части словарной статьи интерференция рассматривается как отрицательное воздействие неродного (русского) языка на процесс речепроизводства на родном (казахском) языке. Такая позиция авторов словарной статьи далеко нетрадиционная, т.е. речь идет об отрицательном влиянии одного языка при контактировании двух языков, но не влияние первого (родного) языка на речь на втором языке, а второго языка на речь на генетически родном языке. Да, это влияние одного языка на другой, но в обратном (нетрадиционном) направлении.

Обратное интерференционное воздействие (воздействие неродного языка на родной язык) для городской части казахского населения Казахстана (и не только для Казахстана) была актуальной, трудноразрешимой проблемой, что граничило с русификацией населения. На наш взгляд, именно поэтому такое объяснение интерференции в пятнадцатитомном Толковом словаре казахского языка и появилось. В настоящее время этот процесс идет на убыль как в Казахстане, так и в соседнем Киргизстане.

Интерференцию в речи на втором языке, на наш взгляд, следует рассматривать как результат двустороннего одновременного процесса: отрицательного влияния особенностей родного языка и отрицательного влияния особенностей изучаемого языка. Объясняется это тем, что индивид, изучая неродной язык, зная и владея особенностями родного языка, «встречается», «сталкивается» с особенностями неродного языка, которых он не знает, а, следовательно, не может сразу освоить. Эти неизвестные ему особенности неродного языка тормозят, являются преградой для процесса овладения вторым языком. Итак, с одной стороны, особенности родного языка, которых нет в изучаемом языке, с другой стороны, особенности неродного языка, которых нет в родном языке, являются преградой для процесса овладения вторым языком. Особенности обоих языков являются истоками интерференции в речи на изучаемом языке. Итак, речевая интерференция как реальное языкоречевое явление, появляющееся в процессе контактирования в сознании индивида и социума особенностей взаимодействующих языков, является результатом одновременного двухстороннего процесса отрицательного влияния родного и неродного языков на процесс овладения изучаемым языком, а следовательно, и на процесс формирования билингвальной и полилингвальной личности и социума.

Рассмотрим эту проблему на примере специфики казахского (родного) и русского (изучаемого) языков на основе одного фонетико-фонологического фрагмента [о теориях фонемы см.: 5; 6; 28; 29; 30; о теории сингармофонемы см.: 2; 16; 31; 32].

В сингармоническом казахском языке, как и в других тюркских языках, в инициальной позиции слова отсутствуют сочетания согласных звуков, как двучленные, так и многочленные. Поэтому казахская артикуляционная база

«не способна» произносить консонантные сочетания в инициальной позиции слова, а следовательно, в сознании казаха отсутствуют психообразы синтагматики согласных фонем и их позиционных разновидностей, начинающих озвучивание языковой единицы. Эта специфика казахского языка в целом и казахской звучащей речи в частности отрицательно влияет на процесс овладения русским языком, русской звучащей речью, нормами русской орфоэпии, а также нормами русской орфографии, что порождает синтагматическую интерференцию в разновидностях плюс-сегментация (вставка гласного звука в произношении) или минус-сегментация (пропуск, как правило, согласного звука в произношении) [2. С. 158—160]. Это с одной стороны. С другой стороны, в русском языке двучленные (стол, проба), трехчленные (страх, стройка), четырехчленные (встроить) сочетания согласных характерны инициальной позиции слова (и не только инициальной). Эта особенность синтагматики согласных фонем и их позиционных разновидностей русского языка также оказывает отрицательное влияние на процесс овладения казахофоном русским языком в целом, русской звучащей речью, нормами русской орфоэпии, нормами русской орфографии, в частности, что порождает (вместе с особенностями казахского языка) синтагматическую интерференцию в тех же ее разновидностях (плюс-сегментация и минус-сегментация). Например: а) стол [ыс] тол, друг [ды] руг; б) сват [ыс] ват или [сы] ват, вдох [вы] дох или [ыв] дох.

В тюркоязычной аудитории студентам (1-й курс), которые окончили школу на родном языке (казахском, узбекском, каракалпакском и др.) из различных областей и районов республики, которые почти не владеют или слабо владеют русским языком, предложили вслух произнести (прочитать) слова с консонантными сочетаниями в инициале слова: стол, врач, гроза, трава, страна. Результаты произношения:

Стол [ы]стол

Врач в[ы]рач

Трава т[ы]рава

Страна [ы]ст[ы]рана; с[ы]т[ы]рана

Во всех случаях один тип произносительных ошибок: плюс-сегментация.

Спрашиваем:

1) Почему вы неправильно произносите в начале этих слов сочетания согласных [ст], [вр], [тр], [гр], [стр]?

2) Ведь в отдельности (изолированно) вы эти звуки произносите правильно и в родном, и в русских языках?

3) Ведь, когда эти звуки в русских словах встречаются в начале слова перед гласными, не сочетаясь с другими согласными, тоже произносите правильно? (Сок, вода, топор и др.).

Ответы:

– Не знаю. Неправильно произношу и всё.

– Потому что они стоят рядом. Поэтому.

- Потому что они идут вместе.
- Потому что они встречаются.
- Потому что таких сочетаний звуков в нашем языке нет. Слово не начинается с них.
- Потому что такие сочетания есть в русском слове. Поэтому плохо произношу.

Двое студентов произнесли правильно все слова.

Спрашиваем: Почему вы правильно произнесли эти слова?

Ответы:

- Я с трех лет ходил в русский детский сад, потом учился в школе на родном языке.
- У меня бабушка русская. Мы вдвоем разговариваем по-русски. У нее учусь русскому.

Слово «стол» 50% информантов (43 из 82) произнесли правильно. Спрашиваем их, почему вы слово «стол» произнесли правильно, без ошибок. Ответы:

- Это слово я слышу и вижу каждый день: в школе садимся за стол; в университете садимся за стол; в столовой садимся за стол. Поэтому произношу правильно.

– Мне это всегда знакомо. Я знаю, как произносить.

У этих студентов в сознании сформирован звуковой и артикуляционный психообраз сочетания [ст] в результате частого слушания звучания слова «стол» и видения предмета «стол», что и выражается в их правильном произношении этого слова. Но эти же студенты, или с ошибками, или с большим напряжением, или после внутреннего прочтения правильно произносили другие редко употребляемые в их среде слова со звукосочетанием [ст]: статус, стадия, стопор, стопа.

Итак, студенты, которые неправильно произносили эти слова, своими ответами на наши вопросы пришли к тому, что их ошибки — результат отрицательного влияния как особенностей родного языка, так и особенностей русского языка, и подошли к проблеме сопоставления звуковых структур слова родного и русского языков, к проблеме неодинаковости сочетаний (синтагматики) языковых единиц в разных языках, т.е. поняли причины речевой интерференции.

В 1978—1980 годах в течение двух лет мы проводили эксперимент в студии звукозаписи Педагогического института русского языка и литературы в г. Ташкенте (в настоящее время Узбекский государственный университет мировых языков). Было привлечено 345 информантов-тюркофонов. Им был дан для прочтения небольшой логически завершённый фрагмент текста на русском языке, в котором в инициале, в медиале и в финале слова были сочетания согласных, характерные для русского языка. Более 70% информантов-студентов произносили такие слова с добавлением гласного звука (плюс-сегментация в начале или в середине консонантного сочетания).

После завершения звукозаписи и ее анализа каждой группе информантов был задан вопрос: Почему произносите слова с сочетаниями согласных с

добавлением гласного звука? Более 50% информантов-студентов из числа тех, кто произносил слова с орфоэпической ошибкой, дали следующий ответ, который можно в целом сформулировать так: Это же русский язык. В нем это есть, поэтому не могу правильно произнести. Итак, статистические данные сороколетней давности и современные в целом одинаковые, что свидетельствует о том, что такая лингвотeorетическая, лингвоконтрастная, лингводидактическая и методическая проблема характеризуется постоянством во временном пространстве в системе обучения русскому литературному произношению в тюркоязычной аудитории. Каждому новому поколению обучающихся особенности неродного языка являются новыми, неизвестными, которые надо познавать и учиться их правильно использовать в речи.

Для преодоления звуковой интерференции следует разработать последовательную подачу языкового материала, чтобы слова с особенностями изучаемого языка, порождающими речевые ошибки, предлагались после выработки у обучающихся овладения произношением этих согласных изолированно, в составе слова перед гласными, между гласными, после гласного.

Задание № 1. Произнесите звуки [с], [т], [в], [р], [г].

Задание № 2. Произнесите слова, начинающиеся с этими звуками: сом, сим, том, там, год, рад.

Задание № 3. Произнесите эти звуки в середине слова: оса, вата, сова, ура.

Задание № 4. Произнесите сочетание звуков [ст], [вр], [тр], [гр] в середине слова: устал, повредил, утро, ограда.

Задание № 5. Произнесите сочетания звуков [ст], [вр], [тр], [гр] в начале слова: стол, станок, враг, врач; трава, труба; гроза.

Слова с сочетаниями согласных в начале слова (в данном случае), порождающие интерференцию, предлагаются после того, когда у обучающихся уже выработано правильное изолированное произношение, в составе слова в сочетании с гласным звуком и в составе сочетания с согласным звуком в медиале слова, сравнивая с произношением слов с такими звуками в родном языке.

Первые четыре задания на изолированное произношение согласных в инициале слова, в медиале слова в сочетании с согласными, но которые относятся к разным слогам, вырабатывают у обучающихся психологическую уверенность, что они могут эти звуки произносить в разных позициях слова. Эта психологическая установка способствует выработке правильного произношения консонантных сочетаний, функционирующих в инициале слов русского языка и не функционирующих в инициале слов родного (тюркского) языка.

Таким образом, ошибки в речи индивида и социума на неродном языке более целесообразно рассматривать как результат одновременного отрицательного влияния особенностей родного и изучаемого языков:

а) в родном языке инофона такого языкоречевого явления нет, но оно есть в изучаемом (неродном) языке, поэтому он это не может сразу освоить (произнести), совершает ошибку;

б) в изучаемом языке такое языкоречевое явление есть, но отсутствует в родном языке, поэтому он это не может сразу освоить (произнести), совершает ошибку.

Итак, налицо одновременное двухстороннее отрицательное влияние специфических свойств родного и изучаемого языков на процесс овладения вторым языком. Такое двуединое отрицательное влияние на процесс овладения неродным языком со стороны особенностей и родного, и изучаемого языков характерно для порождения речевой интерференции в процессе изучения инофонами и других уровней второго языка.

Заключение

Билингвизм, полилингвизм, транскulturность — социальные явления, формирующиеся в процессе контактирования языков и культур, которые сопровождаются порождением речевой интерференций.

Контактирование языков порождает два процесса:

а) фацилитацию — положительное влияние сходств родного и изучаемого языков на процесс формирования билингвизма;

б) интерференцию — отрицательное влияние особенностей родного и изучаемого языков на процесс формирования билингвизма (порождение ошибок в речи на изучаемом языке). И фацилитация, и интерференция — явления речевого аспекта, т.е. они функционируют, когда индивид, социум начинают использовать второй язык в процессе устного или письменного речепорождения. В этом речедетальном процессе статические особенности обоих языков выражаются динамично, поэтому их специфические аспекты «накладываются» друг на друга, в результате которого фацилитация облегчает изучение неродного языка, а интерференция усложняет, тормозит, служит препятствием, что в результате выражается в языко-речевых ошибках.

В языкознании, в лингводидактике и в методике обучения языку интерференция рассматривается с разных позиций и в соответствующих пониманиях (внутриязыковая интерференция, межязыковая интерференция: лингвистическое понимание, психологическое понимание и т.д.). В научной литературе традиционно чаще встречается понимание интерференции со следующих двух позиций:

1. Интерференция — взаимодействие и взаимовлияние контактирующих языков. Согласно этому пониманию интерференция — общее понятие, в котором положительное явление (фацилитация) и отрицательное явление (интерференция) не дифференцируется, рассматривается как результат одного процесса взаимодействия и взаимовлияния систем контактирующих языков.

2. Интерференция — это отрицательное влияние контактирующих языковых систем и его результат, как правило, системы родного языка на речепроизводство на неродном языке; или отрицательный перенос знаний, умений и навыков, сформированных на основе использования родного языка, на процесс речепроизводства на неродном языке. Согласно этому пониманию

интерференция и фацилитация дифференцируются. В таком случае термин «интерференция» обозначает не только в целом процесс взаимодействия и взаимовлияния контактирующих языков в сознании билингва, но и, прежде всего, отрицательное влияние этого процесса и его результат. Таким образом, термин «интерференция» становится двузначным, а одно из главных требований к термину — это однозначность, т.е. отсутствие двусмысленности (рассмотрение этого вопроса заслуживает отдельного внимания).

В научной литературе понимание интерференции как одностороннего влияния особенностей родного языка на процесс овладения неродным языком доминирует.

В нашем понимании интерференция в речи на неродном языке — это результат одновременного двуединого отрицательного влияния родного и неродного языков. Согласно такому пониманию межязыковой интерференции предлагается сформулировать ее определение в следующей редакции: **Межязыковая интерференция — это одновременное двуединое отрицательное воздействие особенностей родной и неродной языковых систем, контактирующих в сознании индивида и социума, вызывающее отклонения от норм изучаемого языка, а реже и от норм родного языка, что выражается в виде языкоречевых ошибок в процессе речепроизводства, как правило, на втором языке.**

Таким образом, на процесс овладения неродным языком, на формирование билингвальной и полилингвальной личности и социума отрицательное интерференционное влияние оказывают особенности обоих языков, т.е. особенности, которые есть в родном языке, но нет в изучаемом языке, и особенности изучаемого языка, которых нет в родном языке.

Билингвизм обогащает человека и общество как в плане межнационального общения, осуществления профессиональной деятельности на двух языках, так и в плане образовательном, культурологическом, в плане видения окружающей нас действительности в родной и неродной (но уже привычной для них) языковых картинах мира.

В процессе формирования билингвизма контактируют, как минимум, два языка. Как правило, один из языков доминирует, который обладает большими социальными востребованиями, что способствует формированию в сознании представителей менее доминантного языка психообразов, фонем слов, словосочетаний, предложений и в целом понятий и символов функционально доминантного языка, что формирует односторонний билингвизм (например, казахско-русский, узбекско-русский и т.д.). Второй тип билингвизма (в нашем случае русско-казахский, русско-узбекский) активно и широко не формируется, а если и формируется, то имеет локальный характер. Тотальное доминирование одного языка в процессе формирования билингвизма в итоге может привести к монолингвизму — это национальное общество, но уже не на генетическом родном языке, а на генетическом неродном языке. В этом случае генетический родной язык становится достоянием истории [33]. Такая картина результата формирования неравнозначного (одностороннего) билингвизма в прошлом

наблюдалась во многих регионах мира. В настоящее время она наблюдается и на севере России, где более десяти языков на грани исчезновения. Представители этих этносов уже почти полностью сформировались как моноязычные носители (монолингвы) русского языка [34]. В их речи интерференция как нарушение нормы, системы русского языка отсутствует.

Анализ и описание проявления речевой интерференции в виде ошибок в речи на изучаемом языке способствуют углублению, расширению исследуемых аспектов сопоставительной лингвистики, лингводидактики, методики и в целом теории языка. Для преодоления речевой интерференции анализируются и описываются контактирующие языковые системы с определением сходств и различий, осуществляется лингводидактическое описание теории языка для целей обучения, на основе результатов которых разрабатывается система учебно-языковых заданий, которая внедряется в учебный процесс школы, вуза. Если в прошлые века билингвизм формировался в основном в естественных языковых условиях, то в настоящее время, как правило, в условиях аудиторного обучения (искусственные условия) [35] и плюс в естественных условиях, т.е. в условиях наличия среды носителей изучаемого инофоном языка.

Библиографический список

1. *Любимова Н.А.* Фонетический аспект общения на неродном языке в условиях финско-русского двуязычия. М.: Изд. ЛГУ, 1988.
2. *Джусупов М.* Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент: «Фан», 1991.
3. *Поливанов Е.Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.
4. *Поливанов Е.Д.* Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ч. 1, 1935; 1968, 3-е изд. Ташкент: Ўқитувчи, 1968.
5. *Реформатский А.А.* Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970. С. 505—515.
6. *Шерба Л.В.* Фонетика французского языка. М.: Высшая школа, 1963.
7. *Карлинский А.Е.* Типология речевой интерференции // Зарубежное языкознание и литература. Вып. 11. Алма-Ата, 1972. С. 9—16.
8. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. М.: Прогресс, 1972. С. 25—60.
9. *Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI. М.: Прогресс, 1972. С. 61—80.
10. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд. МГУ, 1969.
11. *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты: лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972.
12. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения). М., 2009.
13. *Щукин А.Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
14. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976.
15. *Жукова И.Н., Лебедев М.Г., Прошина З., Юзефович Н.Г.* Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Изд. «Флинта», Изд. «Наука», 2013.

16. Джусупов М. Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма. Ташкент: «Узбекистан», 1995.
17. Джусупов М., Алибекова К. Е., Мажитаева Ш. Специальная лексика и пословицы (лингвоконтрастивные и методические аспекты). Ташкент: MERIYUS, 2013.
18. Джусупов М. Межязыковое и межкультурное контактирование: понятие, слово, психобраз, интерференция // Филологические науки НДВШ. М., 2016. С. 22—34.
19. Копыленко М.М., Ахмеджанова З.К. Фонетическая интерференция в русской речи казахов. Алма-Ата: Наука, 1984. С. 8—10.
20. Бельдиян Д.М. Научно-методические основы обучения фонетике современного русского языка студентов национальных групп: Опыт системного анализа. Ташкент: Фан, 1980.
21. Закирьянов К.З. Сопоставительное исследование разноструктурных языков: лингвометодический аспект // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. no 3. С. 224—233.
22. Захарьин Б.А. Фонетические изменения при языковых контактах (на примере гласных фонем в английских заимствованиях хинди) // Народы Азии и Африки. 1966. no 5. С. 110—126.
23. Юсупов У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики. Ташкент: «Фан», 1980.
24. Буранов Ж.Б. Сравнительная типология английского и тюркских языков. М., Высшая школа, 1983.
25. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Научное издание «Большая советская энциклопедия», 2000.
26. Тіл білімі сөздегі (Словарь по языкознанию). Алматы: «Гылым», 1998.
27. Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Онбестомдық, Т.7. Алматы, 2011.
28. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1—2. Изд-во АН СССР, 1963.
29. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Иностранная литература, 1960.
30. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
31. Байтурсынов А. Тіл тағылымы (қазақ тілі мен оқу-ағартуға қатысты еңбектер). Алматы: «Ана тілі», 1991.
32. Джунисбеков А. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского языка. Автореф. дис. докт. филол. наук. Алма-ата, 1988.
33. Джусупов М. Социологический аспект теории психологической фонемы И.А. Бодуэна де Куртенэ // Қазақстан жоғары мектебі (Высшая школа Казахстана). 2001. no 4(5). С. 62—69.
34. Языковая картина мира телеутов. Коллективная монография / Отв. редактор. Л.А. Араева. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016.
35. Моради М.Д. Анализ языковой интерференции в процессе освоения русского ударения в условиях отсутствия языковой среды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. no 1. С. 149—158.

References

1. Ljubimova, N.A. (1988). *The phonetic aspect of communication in a non-native language in the context of Finnish-Russian bilingualism*. Moscow: LGU. (In Russ.).
2. Dzhusupov, M. (1991). *Sound systems of Russian and Kazakh languages. Syllable. Interference. Pronunciation training*. Tashkent: «Fan». (In Russ.).
3. Polivanov, E.D. (1933). *Russian grammar in comparison with the Uzbek languages*. Tashkent. (In Russ.).
4. Polivanov, E.D. (1968). *Experience of private methodology of teaching Russian to Uzbeks*. Tashkent: Ukituvchi. (In Russ.).
5. Reformatsky, A.A. (1970). Phonology at the service of teaching the pronunciation of a non-native language In *From the history of Russian phonology*. Moscow: Nauka. pp. 505—515. (In Russ.).

6. Shcherba, L.V. (1963). *Phonetics of the French language*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
7. Karlinskij, A.E. (1972). Typology of speech interference. *Foreign Linguistics and Literature*, 11, 9—16. (In Russ.).
8. Vajnrakh, U. (1972). Monolingualism and multilingualism In *New in linguistics*. Issue VI. Moscow: Progress. pp. 25—60. (In Russ.).
9. Haugen, Je. (1972). Language contact In *New in linguistics*. Issue VI. Moscow: Progress. pp. 61—80. (In Russ.).
10. Vereshhagin, E.M. (1969). *Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism)*. Moscow: MGU. (In Russ.).
11. Rozencvejk, V.Ju. (1972). *Language contacts: linguistic issues*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
12. Azimov, Je.G. & Shhukin, A.N. (2009). *New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching)*. Moscow. (In Russ.).
13. Shhukin, A.N. (2007). *Linguodidactic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Astrel': AST: Hranitel'. (In Russ.).
14. Rozental', D.Je. & Telenkova, M.A. (1976). *Dictionary-reference book of linguistic terms*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.).
15. Zhukova, I.N., Lebed'ko, M.G., Proshina, Z. & Juzefovich, N.G. (2013). *Glossary of terms for intercultural communication*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.).
16. Dzhusupov, M. (1995). *Baitursynov's phonemography and the phonology of singharmonism*. Tashkent: «Uzbekistan». (In Russ.).
17. Dzhusupov, M., Alibekova, K.E. & Mazhitaeva, Sh. (2013). *Special vocabulary and proverbs (linguo-contrasting and methodological aspects)*. Tashkent: MERIYUS. (In Russ.).
18. Dzhusupov, M. (2016). Interlanguage and intercultural contact: concept, word, psycho image, interference. *Philological sciences*. NDVSh. Moscow. pp. 22—34. (In Russ.).
19. Kopylenko, M.M. & Ahmedzhanova, Z.K. (1984). *Phonetic interference in the Russian speech of Kazakhs*. Alma-Ata: Nauka. pp. 8—10. (In Russ.).
20. Bel'dijan, D.M. (1980). *Scientific and methodological foundations of teaching the phonetics of the modern Russian language to students of national groups: Experience in systems analysis*. Tashkent: «Fan». (In Russ.).
21. Zakir'janov, K.Z. (2015). Comparative study of languages of different structure: linguistic and methodological aspect. *Russian humanitarian journal*, 3, 224—233. (In Russ.).
22. Zakharyin, B.A. (1966). Phonetic changes during linguistic contacts (on the example of vowel phonemes in English borrowings in Hindi). *Peoples of Asia and Africa*, 5, 110—126. (In Russ.).
23. Jusupov, U.K. (1980). *Problems of Comparative Linguistics*, Tashkent: «Fan». (In Russ.).
24. Buranov, Zh.B. (1983). *Comparative typology of English and Turkic languages*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
25. *Big encyclopedic dictionary. Linguistics*. V.N. Yartseva (Ed.). Moscow: Nauchnoe izdanie «Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija». (In Russ.).
26. *Dictionary of Linguistics*. (1998). Almaty: «Gylm». (In Kazakh).
27. *The Dictionary of the literary Kazak language*. (2011). Vol. 7. Almaty. (In Kazakh).
28. Bodujen de Kurtenje, I.A. (1963). *Selected Works on General Linguistics*. Vol. 1—2. Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
29. Trubeckoj, N.S. (1960). *Fundamentals of Phonology*. Moscow: Inostrannaja literatura. (In Russ.).
30. Zinder, L.R. (1979). *General phonetics*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
31. Bajtursynov, A. (1991). *Linguistics (works on the Kazakh language and education)*. Almaty: «Ana tili». (In Kazakh).
32. Dzhunisbekov, A. (1988). *Problems of the Turkic verbal prosody and the harmony of the Kazakh language*. Author's abstract. dis. doct. philol. sciences. Alma-Ata. (In Russ.).
33. Dzhusupov, M. (2001). Sociological aspect of the theory of psychological phoneme I.A. Baudouin de Courtenay. *Higher School of Kazakhstan*, 4(5), 62—69. (In Russ.).

34. *The linguistic picture of the world of the Teleuts*. (2016). Collective monograph. L. Araeva (Ed.) Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.).
35. Moradi, M. (2014). The analysis of language transfer in course of mastering Russian stress patterns in the absence of natural language environment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 149—158.

Сведения об авторе:

Маханбет Джусупов, доктор филол. наук, профессор, заслуженный профессор, почетный зав. кафедрой русского языка Узбекского государственного университета мировых языков. Один из основоположников фонологии сингармонизма, положения которых активно используются в сопоставительной лингвистике и методике обучения русскому языку студентов тюркоязычной аудитории. *Сфера научных интересов*: фонетика и фонология русского и тюркских языков; стилистика русского и тюркских языков; основы ведения научного; сравнительное языкознание; сопоставительная лингвистика; социолингвистика; лексикография; паремиология; контактирование русского и тюркских языков: билингвизм, интерференция; лингводидактика и методика. Автор 315 публикаций, в том числе 8 монографий, 8 учебников и 3 учебно-методических пособий. *e-mail*: mah.dzhusupov@mail.ru.

Information about the author:

Mahanbet Dzhusupov, Doctor of science in philology, Professor, Honorary Professor and Honorary Head of the Department of the Russian Language at the Uzbekistan State University of World Languages. He is one of the founders of synharmonic phonology. His ideas are actively used in the studies of contrastive linguistics and methodology of teaching Russian to Turkic-speaking students. *Research Interests*: Phonetics and phonology of the Russian and Turkic languages; Russian stylistics; comparative linguistics; sociolinguistics; lexicography, paremiology; Russian and Turkic languages contacts: bilingualism; linguodidactics and methodology of teaching languages. He has over 315 publications, including 8 monographs, 8 textbooks and 3 manuals. *e-mail*: mah.dzhusupov@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-41-60
UDK [811.161.1:811.111]36/37

Research article / Научная статья

Functional Category of Aspectuality in the Russian And English Languages

Hripsime A. Derdzakyan

Yerevan State University of Languages and Social Sciences n.a. V.Ya. Brusov,
42, Tumanyan street, Yerevan, Republic of Armenia, 0002
Corresponding author: d-ripsime@mail.ru

Abstract. This article studies functional and semantic Tense/Aspect complexes in Russian and English, focusing on their similarities and differences. In Russian, Tense-Aspect meanings of the verb forms correlate with the semantic components of Aktionsart, while in English both Imperfective and Perfective aspects of the verb semantics are realized by the constituent category of Tense/Aspect. The inner asymmetry of the verb forms and meanings is acknowledged for each of the contrastive languages, especially for the two languages compared. The material of the study is retrieved from grammar books and manuals and from literary text samples, principally concerns the use of Tense/Aspect forms of the Russian verb and the forms of the English Perfect. The novelty impact of the study is determined by focusing on the irregularity of the aspectual meanings of English Perfect forms and Tense/Aspect forms of the Russian verb, whereas they are mostly due to lexical meanings of the verbs influenced by intralinguistic specificities of the semantics of lexical indicators as well as mechanisms of communication on the whole. Aspectual meanings both for the Perfective and Imperfective Aspect in languages under comparison used to make up lexical and grammatical aspectual categorical complexes. In terms of Aspect and Tense, peculiarities are found as functional and semantic ones, highly dependent on the situation and context of communication, thus involving extralinguistic factors which also concern the extralinguistic environment of Tense/Aspect verbal forms in use. The comparison of functions and the semantics of Aspect and Aktionsart in the Russian language with those of English Perfect asymmetry is proved to emerge, being caused by cross-linguistic structural and typological differences, particularly, the existence or not the similar forms, their varying semantic load, analytical or synthetic tendencies and others. The asymmetry is especially vividly seen translation and lexicographic field to compose varying kinds of bilingual dictionaries.

Key words: functional complexes, semantic complexes, Tense/Aspect forms, Aktionsart, asymmetry, aspectual meanings, lexical indicators

Article history:

Received: 05.08.2020

Accepted: 15.12.2020

© Дерцакян Р.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation:

Derdzakyán, Hr.A. (2021). Functional Category of Aspectuality in the Russian and English Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 41—60. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-41-60

УДК [811.161.1:811.111]’36/37

Функциональная категория аспектуальности в русском и английском языках

Р.А. Дерцакян

Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова,
0002, Республика Армения, Ереван, ул. Туманяна, 42
d-ripsime@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению функциональных и семантических комплексов глагола в русском и английском языках, фокусируя внимание на их сходствах и различиях. В русском языке видовременные комплексы значения глагольной формы коррелируют с семантическими составляющими способов глагольного действия, а в английском языке и грамматическая, и лексическая семантика глагола реализуется составной категорией *Tense-Aspect*. При этом обнаруживается внутренняя асимметричность глагольных форм и значений для каждого из сопоставляемых языков, а тем более — для двух сравниваемых языков. Материалом исследования послужили видовременные формы русского глагола и формы английского перфекта, извлеченные из грамматических источников, в том числе учебников, и художественных текстов, которые, прежде всего, рассматривают употребление русских видовременных форм и перфекта в английском языке. Новизна определяется выявлением и анализом нерегулярностей соответствий значений английского перфекта и русских видовременных форм, при этом учитывается и фактор их лексических значений, как и специфика семантики внутриязыковых индикаторов и в целом условия коммуникации. В сопоставляемых языках аспектуальные (видовременные) значения формируют лексико-грамматические аспектуальные категориальные комплексы. Их функционально-семантические особенности также обусловлены ситуацией и контекстом общения, которые включают экстралингвистические факторы, обуславливающие экстралингвистическое окружение в процессе употребления видовременных форм. При сопоставлении функций и семантики категорий *Aspect* (вид) и *Aktionsart* (способ глагольного действия) в русском языке с аналогичными категориями английского языка отмечается асимметричность, нерегулярность аспектуальных значений английских форм *Perfect* и видовременных форм русского глагола, что в наибольшей степени обусловлено межъязыковыми структурными и типологическими различиями, аналитическими и синтетическими различиями, как и с точки зрения по-разному семантически нагруженных глагольных форм. Особенно ярко такая асимметрия проявляется в переводе и лексикографии при составлении двуязычных словарей различных типов.

Ключевые слова: функциональные комплексы, семантические комплексы, видовременные формы, способы глагольного действия, асимметричность, аспектуальные значения, лексические опоры

История статьи:

Дата поступления: 05.08.2020

Дата приема в печать: 15.12.2020

Для цитирования:

Дерцакян Р.А. Функциональная категория аспектуальности в русском и английском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 41—60. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-41-60

Introduction

Functional approach to the description and study of language phenomena, represented by a number of linguistic schools, touches upon both lexis and grammar. Primarily, in the sphere of lexical semantics, it is realized within the notion of lexical function (Yu.D. Apresyan, I.A. Mel'chuk [1; 2] and others), and in the sphere of grammatical semantics — in the theory of functional grammar (A.B. Bondarko, M.A. Shelyakin [3; 4] and others).

The aim of the article is to establish the common and different spheres of functioning of the semantic complexes of verb forms in the English and Russian languages.

Theoretical provisions are followed by the concrete speech samples, illustrating the asymmetry, non-regularity of the aspectual meanings of Perfect forms and Tense-Aspect form of the Russian verb, thus proving that both in the Russian and in English languages, the aspectual semantics refers to the lexical meanings of verbs and textual function of the verb forms being analyzed.

Being a central category of the language, alongside with the noun the verb bears the main functional load in the formation of the communicative units — sentence and utterance, in particular. The verb structures the text as a whole, first of all, in terms of the correlation of the meanings of real time and linguistic time.

In the comparative study of the functional and semantic complexes of the verb their similarities and differences are revealed in the languages under comparison. Thus, in Russian Tense-Aspect meanings of the verb forms are correlated with the semantic components of Aktionsart, while in English both types of the verbal semantics are realized by the constituent category of Tense/Aspect. While an inner asymmetry of the verb forms and meanings is being revealed for each of the contrastive languages contrasting, usually for the two languages under the study.

In course of studying, complex description of Tense-Aspect and aspectual meanings for the opposition «Verb Aspect — Aktionsart» has been presented, the compatibility of the notions «aspect pair — aspectual pair» has been established.

For the purpose of describing functional semantics, the range of meanings of the opposition «Perfective Aspect — Imperfective Aspect» has been revealed, and the range of the main aspectual meanings within the mentioned aspectual opposition as correlated with the semantics of Aktionsart.

For the English Perfect form, a complex categorial approach within the complicated verb category has been proved, and also the range of linguistic means and techniques has been characterized, which allows adequately realize the stated complex of meanings in use.

Aspectuality of the Russian Verb

Aspect and Aktionsart

The morphological category of aspect covers all the complexes of Russian verb forms, first of all finite forms (the conjugated ones), and also the Infinitive, Participle and Gerund. If the external formal indicators of aspect — suffixes and prefixes — due to their very nature belong to the sphere of morphogenesis or partially word-formation, then to speak about inflections is currently not the case. Aspect is characterized as non-inflexional category of the verb, but at the same time, it is a system of the sets of verb forms opposed to each other: sets of verb forms, denoting an action limited and integral (verbs of the Perfective Aspect), and sets of verb forms, devoid of the characteristics of bounded (limited) integral action (verbs of Imperfective Aspect).

Such an opposition inside the category of Aspect is connected with the notion of common aspectual opposition, according to R. Jakobson, which has led to the binary opposition: «forms of the Perfective Aspect (marked category) — forms of the Imperfective Aspect (unmarked category)» [5. P. 213]. But the existence of such correlation, on the one hand, as if proves the symmetry of aspectual forms and their corresponding meanings, first of all, for aspectual pairs and aspectual correlations, and on the other hand, the existence of bi-aspectual and mono-aspectual verbs, on the contrary, allows reveal aspectual paradigm asymmetry, let alone Tense-Aspect correlation. Moreover, the asymmetry is vividly revealed in the sphere of usage, functioning of aspectual forms, along with the sphere of their semantics. See below the Table 1 which rather clearly illustrates the noted phenomenon [6. P. 612]:

Table 1

Types of situations and the use of aspect forms of Russian verb

	Situation Types	Verb Forms	
		Perfective	Imperfective
11.	Situation of a single (unrepeated) action	Concrete-factual type of use. Variants: potential, Perfect, limitive-durative, summary	Concret-processual type of use. Variants: Connotative, distinctly-continuous
22.	Situation of repeated action	Illustrative-exemplary type of use: Variants: potential, perfect	Unlimitive-iterative type of use. Variants: potential, (potential-usual and potential — qualitative), illustrative-exemplary
33.	Situation of continuous (ongoing) relation	—	Type of use with the meaning of continuous (ongoing) relation
44.	Situation of generalized fact	—	Generalizing-factual type of use. Variants: negative, limitive-iterative, perfect, with the meaning of «cancelled result»

According to Table 1, categorial meanings of aspectual forms and types of situations play significant role in understanding the functioning of the Aspect category.

Categorial Meanings of Verb Forms

According to A.B. Bondarko, categorial meanings of Aspect forms are due to the grammatical system of the language and have some varieties [3. P. 99]: firstly, the general invariant meaning, which irrespective of the opposition Perfective Aspect/Imperfective Aspect, covers all the sphere of functioning of the given form [Ibid.]; secondly, the basic meaning, characterizing «the central sphere of functioning of the given form and combining one or some peripheral meanings», and finally thirdly, a kind of complex, combining invariant and general meanings [Ibid.].

Evidently, in such approach the category of Aspect is structured as a functional-and-semantic field, which has a centre and a periphery, and in relation to other functional-and-semantic fields, it stands out due to its general invariant meaning and a complex of central and peripheral meanings, which are closely interdependent within Aspect.

If those functional and semantic correlations are applicable to both Aspect pairs of the verb, then the vivid marked category of the Perfective Aspect is characterized by the general meaning, combining two features, and, therefore, a complex one: 1) the feature of integrity and 2) the feature of limitativeness [3; 7; 8].

In our point of view, what is essential is the understanding of non-identity of the given features, and their interactions and duality, which, according to A.B. Isachenko, involve «the view on the action»: if integrity is conditioned by the view on the action as if from the outside, externally, then the action «in the process of its development», the possibility of dividing the action into phases «beginning — end — duration» presupposes, that «the speaker is as if inside the process» [9. P. 131—132].

In fact, as A.B. Bondarko notes, the principle of integrity doesn't deny the division into phases, but for the verbs of the perfective aspect it is impossible to single out the phase of duration, the singling out of the beginning is difficult as well, only the phase of the end is evident [3. P. 102]. The integral component of the feature of integrity is «the fullness of the expression of action-state» [10. P. 472; 3. P. 102].

Limitativeness itself, the limits of the integral action, marked as «the feature of limitativeness», builds the complex of general meaning of the perfective aspect up to «the two-featured binominal», while the «limit» is accounted for both lexically and contextually, although it covers all the verbs of perfective aspect in all types of their functioning [3. P. 106; 11].

Thus, the general meaning of the Perfective Aspect once more indicates its markedness in the opposition Perfective Aspect — Imperfective Aspect, in which the member of the Imperfective Aspect, correspondingly, appears unmarked, devoid of the positive features within the general meaning. Such semantic markedness in other types, other structural organization of languages may be specific in other way, i.e. reveal other intra-aspectual systemic meanings.

Functional Environment of the Aspect Category

The functioning of grammatical forms and categories depends on a number of factors, which A.V. Bondarko referred to as «types of environment». Speech environment — is the external environment, which is created by the context and speech situation, the conditions and the point of view of the speaker. Systemic language environment, or paradigmatic, internal, is formed considering the environment of language units, categories or their complexes. If the speech situation is created by both lexical and grammatical means of the language, then the internal, paradigmatic environment is based on the lexical and grammatical semantics of linguistic units and categories, on the rules of their combinability, on their lexical realizations. Typical environment of the Aspect category includes the following elements, «the semantics of which interacts with systemic aspectual meanings, influencing on their realization in speech» [3. P. 111], namely:

- 1) lexical meanings and semantic classes of verbs [7; 12; 13];
- 2) ‘aktionsarts’ and lexical-and-semantic categories of limitive/unlimitive verbs [4];
- 3) grammatical categories of a particular verb lexeme, which interact with Aspect, for example, Tense, Voice, etc.
- 4) elements of the environment of the particular verb form, creating relevant aspectual context, e.g., other verb forms, adverbial indicators, identification of subject/object, etc.

Aspect Semantics and Aspectuality

The notion of Aspectuality, heterogenous by its nature, belongs to the outline content subject-matter. Being one of the most important linguistic categories, reflecting the idea of «inner» time, Aspectuality covers a number of particular meanings, which are in relation of intersection of the meanings of the categories of duration, phases, perfectness, multiplicity, etc. [14. P. 22—29].

At the same time, Aspectuality is closely connected with the categorial meaning of Aspect, which, on the one hand, while forming the centre of functional-and-semantic field, produces functional-and-semantic areas of Aspectuality: limitativeness, duration, phases, multiplicity, perfectness, etc., including actionalness, statalness and relationalness as the specific semantic spheres of verbs, which are studied within the theory of functional grammar. On the other hand, categorial aspectual meanings both for the Perfective and Imperfective Aspect, include the mentioned aspectual complexes.

Thus, there are the actions of two tendencies: centrifugal and centripetal, showing the dynamic processes in relation to the characteristics of the duration of the action or its distribution in time. In this respect the understanding of Aspectuality as «the inner time of the action» approaches to the common definition of aspect, according to B. Comri, «... aspects are various means of considering the internal temporal structure of the situation» [15. P. 3].

In this regard, the realization of the semantic potential of the Perfective and Imperfective Aspects of verbs is carried out differently: being a marked member of the opposition, having certain properties, the Perfective aspect shows its properties in the field of Aspectuality clearly and directly, while the Imperfective Aspect, lacking «the positive meaning», according to A.V. Bondarko, i.e. lacking properties, being unmarked, obviously contrasts with the Perfective Aspect semantics, and therefore, it depends mostly on the lexis, context and speech situation.

As an illustration of the given provision, let's refer to the two contrasting aspectual meanings: duration for the verbs of the Imperfective Aspect and perfectness for the verbs of the Perfective Aspect.

Aspectual Sphere: Duration

The linguistic meaning of duration represents one of the aspects of the broad sense of time, which in the field of Aspectuality it is perceived as the inner duration of the action and is connected with the lexical, word-formational and grammatical semantics of the verb. For example, the lexical meaning of the Russian verbs *бедствовать*, *возиться*, *ждать*, *сидеть*, etc., supposes the element of the temporal duration.

The Russian verbs of limitive and durative-limitive semantics, such as *повозиться*, *посидеть*, *проболеть*, *продержаться*, etc., may combine the meaning of limited duration with that of the weakened intensiveness of the action («not long and at the same time not much, not to a full extent»), however, the feature of duration (limited) of the given category of verbs is expressed clearly and vividly.

«Internal» duration as «the internal time of the action» is accompanied by the means of expressing the external determination of duration. In Russian, they have lexically concrete character: *две минуты*, *за два года*, *до вечера*, etc., but they contain generalized semantic properties, referring to the sphere of Aspectuality. For example, the extended duration, expressed by the combination of the Imperfective Aspect forms with Russian adverbials, such as *as долго*, *два часа*, *много лет*, *долго писал (думал, гулял)*, etc.

Compatibility of the duration indicators, such as *долго*, *три дня*, *пять лет*, etc. mainly with the verbs of the Imperfective Aspect, is due to the absence of the feature of limitativeness in the Imperfective Aspect. Within the Imperfective Aspect it widely realizes the possibility to include the quality of duration of the aspectual characteristics of the action: firstly, the internal duration of the action, connected with the lexical meanings of verbs and mainly with the process semantics of the Imperfective Aspect in such cases as *тащить*, *взбираться*, *волочить*, (all examples are in Russian), etc.; and secondly, the combinability of the verbs of the Imperfective Aspect correlates with the external determination, indicating the extended duration either lexically or contextually is widely spread.

Aspectual sphere: Perfectness

«Perfectness is the semantic category within Aspectuality, characterized by the peculiar temporal ambiguity, combining in one predicative (or folded–predicative) unit two somehow connected with each other temporal plans — preceding and following ones. The connection between these two plans is causitive-consequative in the broadest sense of the word: the preceding action (or broader, the preceding «state of affairs») causes some consequences for the subject of the action, for its object or for the situation as a whole, some «new state» [16. P. 195].

It should be noted, that the later temporal plan in the structure of the bipartite «perfect unity» one way or another is oriented in the flow of time. This plan either includes the time of utterance — and in this case, we have *true-perfect meaning*, or it **takes** some other «reference point» — and in this case we speak about temporally-shifted perfect meanings, for example, *Pluperfect*.

Besides, there is one of the two temporal plans in the focus of attention of a speaker:

- 1) the state, being considered in relation to the preceding action it caused,
- 2) the action itself (and, broader, «state of affairs»), referring to some earlier moment in the flow of events, but being considered with respect to its direct or indirect consequences, which are relevant for the future.

In the first case, we deal with Statal Perfect, e.g., *Окно открыто/открыли на целый день вчера вечером* (in Russian); in the second case — with Actional Perfect: *Окно открыли вчера вечером* (in Russian).

In a number of cases Statal and Actional perfects may be demarcated only by involving a broader context, or even they aren't demarcated at all. In this case, we deal with *Diffuse perfect*, a relative «balance» of the two temporal plans.

For example: *Окно открыли или Дом построили* (in Russian).

From the point of view of the formal expression, perfectness may be subdivided into *explicit and implicit*.

Explicit perfectness is presented in the Modern Russian literary language first of all by the predicative participles with –н/-т, which were plainly qualified as «perfect» by A.A. Shakhmatov [10. P. 486]. When using the term «perfectness» it is necessary to emphasize a kind of defectiveness (incompleteness) of «Shakhmatov's Perfect» in the system of the Russian verb in comparison with the perfect in a number of languages, particularly in the English language, where the form called «Perfect» is considered to be generally accepted.

Let's consider perfectness in combination with the categories of Aspect and Tense of the verb.

a) Peculiarities in terms of Aspect

A.A. Shakhmatov gives examples of Perfect only from the stems of perfective aspect, and indeed, such examples are more typical and frequent. Still along with them participles from the stems of imperfective aspect occur.

Examples: *Тротуар здесь мощен плитами. (Сomp. мостили).*

Ваша карта бита. (Comp. была бита).

Дуракам закон не писан. (Comp. не писали).

b) Peculiarities in terms of Tense

In languages with epy developed system of Perfect, this system usually includes the forms, opposed to one another in the category of the so-called deictic time, for example, in English Present Perfect, Past Perfect and Future Perfect, and also corresponding modal forms, Infinitives and others. In the Russian language, «the paradigm of Perfect» can be built, including such forms as *будучи построен, был бы построен, (может) быть построен*, but in its commonly used elements it is non-parallel to the main verb paradigm [17. P. 151], as opposed to the English language, compare:

Table 2

Regularity of verb forms and their paradigms in the English language

Aspect	Tense		
	Present	Past	Future
Common Continuous Perfect	I GO I AM GOING I HAVE GONE	I WENT I WAS GOING I HAD GONE	I'LL GO I'LL BE GONE I'LL HAVE GONE

In other words, such forms can have both perfect and non-perfect actional semantics, due to which they differ from the forms without the auxiliary verb, specialized on expressing perfectness.

The forms of the future perfective in some contexts may correspond to the «future perfect» in a number of languages, for example:

Когда ты войдешь в комнату, окно уже будет открыто (in Russian).

Here for the actualization of perfect meaning not the participle, but the word *уже* is essential: *Когда ты приедешь, он уже уйдет* (in Russian).

For the Past Tense form of the Imperfective Aspect the meaning of perfect traditionally is considered to be less typical. Compare:

1) *Я уже скосил траву* (значит лужайка хорошо выглядит) — Perfective Aspect, and:

2) *Я уже косил траву* (значит второй раз косить не нужно) — Imperfective Aspect.

And:

1) *Он вышел из класса* (и его там больше нет) — perfective aspect.

2) *Он выходил из класса* (и, следовательно, не знает, что мы без него делали) — Imperfective Aspect.

It should be noted that in the examples of *косил/скосил, вышел/выходил* the difference between the Perfective and Imperfective Aspect consists not only in keeping/not keeping the results, consequences of an action, but also the characteristics of these results: direct consequences are opposed to indirect, logically derivable consequences.

As for the meaning of Pluperfect, it most often manifests itself in coherent narration in case of breakaway from the progressive moving of the main plot line. It can be expressed both by the past perfective and imperfective, for example:

Она похудела и подурнела, (и на улице встречные уже не глядели на неё, как прежде, и не улыбались ей) (А. Чехов).

На пороге стояла молодая женщина в черном платье. Очевидно она торопилась выйти к нему и плохо причесалась (К. Паустовский).

It should be noted that the perfect and pluperfect meanings of the Russian Past Tense forms are rather homogenous. Their demarcation, in our opinion, is due to the interaction of perfectness with other aspectual meanings of verb forms, the lexical meanings of verbs, context and speech situation.

Considering the aspectual semantics of the verbs of Imperfective and Perfective Aspects of the Russian language in this way, let's present the classification of the more vivid aspectual meanings of the verb, in relation to the tense-aspect forms.

Table 3

Tense-Aspect forms and the aspectual semantics of the Russian verb

Form	Meaning						
	Limitative-ness	Resultative-ness	Process-ness	Duration	Multi-plicity	Phase-ness	Perfect-ness
Past form of the imperfective aspect	—	—	+	+	+	+	—
Present form of the imperfective aspect	—	—	+	+	+	+	—
Future form of the imperfective aspect	—	—	+	+	+	—	—
Past form of the perfective aspect	+	+	—	—	+	—	+
Future form of the perfective aspect	+	+	—	—	+	—	+

In accord with the markedness of the forms of the Perfective Aspect its functional–semantic range is more restricted and homogenous in comparison with the unmarked form of imperfective aspect. First of all, processness, duration and phaseness are being excluded, which is due to the categorial meanings of integrity

and limitativeness, as for the possibility of multiplicity, evidently, is connected either with the definite Aktionsart: *Poplakala-poplakala i perestala*, or with the external lexical determinants: *Много раз приходил он сюда*.

Aspectuality of the English Verb

The English verb has a rather developed system of Tense-Aspect forms, in which the main category is the category of Tense. The real time — the form of existing of matter — is in the constant move and continuously changes. Verb Tenses in real speech can reflect the real time, when the reference point is the real moment of utterance. But the verb tense forms reflect also relative time, in which the reference point doesn't coincide with the real moment of utterance, as a rule, in colloquial speech and in the works of fiction, in the narrative.

In the English language, the asymmetry of form and meaning in functioning of verb forms is revealed in that as if there is one unambiguous relevance, as the analytical forms fix more clearly regular grammatical meanings through auxiliary elements.

The relation with the moment of speech is essential for the verb forms, referring to the dynamic development of the action. But along with it there exist such forms, the function of which is the specification of the action in the definite temporal sphere, and not simply its dynamic development. If the action refers to the present, these forms are correlated with the present, actual moment of speech. If the specification expressed by them refers to the action in the past, it is correlated with the reference point in the past; it can be specially marked lexically or by other action, taking place at the given moment, but the immediate correlation with the moment of utterance isn't observed then. Let's turn to the examples:

*As we **drank** (Past Indefinite) Brown's health, I **caught** (Past Indefinite) his dark, vigilant eye. He **had tamed** (Past Perfect) Winslow for the moment; he **was showing** (Past Continuous) Jago at his best... (Ch. Snow).*

The forms *had tamed* and *was showing* do not develop the action in time, they are not dynamic; they specify the state of things, expressed by the verbs *drank* and *caught*, which are the indicators of the temporal centre, i.e. the reference point in the past.

In the Future Tense, the temporal centre is marked for the specifying forms also, but the correlation with it seldom occurs in the text due to the fact, that in the English language the functioning of the future tense forms is not characteristic of the detailed narratives.

The grammatical category of aspect is usually defined as a formal category, conveying the character of the development of action. The specific nature of the English aspectual forms consists in the fact, that the meaning of the verb is necessarily associated with the indication of the period of time, in which the action develops and, correspondingly, is expressed within the time, thus, a complicated Tense-Aspect category is often mentioned [19. P. 243].

Consequently, in the English language, Aspect is defined as a category, conveying the character of the development of action with reference to the moment or the period of time, indicated by the form. That is why the aspectual forms are called Tense-Aspect forms, in order to underline the inseparable connection of tense and aspect in English.

The English aspectual system is characterized by the existence of the three paradigmatically-structured *Tense-Aspect* subsystems: *Common*, *Continuous (Progressive)*, *Perfect*. At the same time, like in the Russian language, voice and its forms are equally characteristic for all the paradigms of *Tense-Aspect*, and the significant internal structural opposition is the privative opposition *Perfect — Non-Perfect*, the latter includes *Common* and partly *Continuous*, as there are forms and meanings for *Perfect Continuous* as well.

Let us illustrate the interaction of the main verb categories in the form of tables.

Table 4

Tense-Aspect forms of the English verb

A. Active Voice

Perfect	Aspect	Tense		
		Present	Past	Future
Non-perfect	Common	take takes (3ps)	took	will take
	Continuous	am taking is taking are taking	was/were taking	will be taking
Perfect	Common	has/have taken	had taken	will have taken
	Continuous	has/have been taking	had been taking	will have been taken

B. Passive Voice

Perfect	Aspect	Tense		
		Present	Past	Future
Non-perfect	Common	am is taken are	was/were taken	will be taken
	Continuous	am is being taken are	was/were being taken	— (* will be being taken)
Perfect	Common	has/have been taken	had been taken	will have been taken
	Continuous	— (* has/have been being taken)	— (* had been being taken)	— (* will have been being taken)

It should be noted that all the forms marked with (*) and bracketed are diachronically justified, but in the course of the development of the language the verb forms were maximally simplified, their semantic content changed, and besides, phonetically they were perceived ambiguously. Some forms were even lexicalized, compare: a) *I had cut my hair.* and b) *I had my hair cut.*

If in case of a) — it is typical *Past Perfect*, then in case of b) — it is «lexical Passive»: «somebody cut my hair», which is in practice checked by the procedure of using the reflexive like “*myself*” (in case of a)). Besides, let us note one more correlation: *Simple* — *Continuous* — *Perfect*, which is regularly presented in the practical grammar books of the English language, especially for English as a Second Language (E2L), for example, R. Murphy, Longman’s, etc. First of all it clearly indicates to the form: simple or not, emphasizing, in this way the regularity of morphogenesis and analyticalness, characteristic of *Continuous* and *Perfect*, in the formation of which the auxiliaries of *be* и *have* takes part.

It is widely known, that *Common* form places the action in this or that period of time without any special aspectual characteristics: *Common* forms themselves are as if devoid of the aspectual meaning.

A.I. Smirnitski and B.A. Ilyish find, that the aspect meaning of the *Common Aspect* is extremely difficult to define, but for reasons of precision of the opposition of the *Continuous Aspect* they accept the necessity to consider the *Common* category as the form of the «common» aspect. B.A. Ilyish notes, that non-acceptance of aspect meaning of the *Indefinite* forms or the acceptance of «common» aspect confines, in fact, to the terminological discrepancy. In other word «*Common*» aspect and «no aspect» are the same, but for the sake of the symmetry of the opposition *Common Aspect* is ascribed aspect meaning, though so indefinite, that it is difficult to define it.

This view is not shared by a number of linguists for the reason, that in opposition to *Tense-Aspect* forms, — first with the *Continuous Aspect*, the aspectual meaning of which is recognized by the majority of linguists, an asymmetric correlation is revealed: only one of the forms is purely temporal, and it is opposed to other *Tense-Aspect* forms [21; 22]. Thus, if *Common Aspect* is not complicated by the special aspectual meaning, then two other forms — *Continuous* and *Perfect* convey the aspectual meanings in close relation to the temporal meaning: they are- *Continuous/Progressive* and *Perfect*, including *Perfect Continuous*. In relation to *Common Aspect* they are the ways of the specification of the action, which successively and consistently are provided with analytical forms.

Grammatical Category of Tense

The grammatical category of Tense is peculiar to all the verb forms in the Indicative. Its basic meaning is «temporal locality», which allows to establish chronological conditionality and sequence in a text between the situations and events, and also in speech situations, which is especially actual for listener (reader).

In a language, the notion of Tense exists in two dimensions: 1) from the formal viewpoint this grammatical category is usually explicated in verb forms (although

in language there exist both lexical and morphemic layers for indicating to the temporal relation or ordering); and 2) from the semantic point of view *Tense* serves to locate situations, state of things, processes, actions, etc. in time. At the same time, precedences and posteriorities, superposition and absorption (uptaking) some or other pieces of situations, as well as actions and processes, for example:

1. *Tom has lost* (Present Perfect) *his key and now is looking for* (Present Continuous) *it*. — i.e. first «lost», and now «is looking for» — *precedence*.

2. *They are still working* (Present Continuous) *on the problem but haven't found the solution yet* (Present Perfect). — «they are still working on the problem», but haven't found the solution yet» — *superposition, combination*. (Let us particularly note “still” and “yet” — signals, markers of verb forms and meanings).

Both dimensions of *Tense* — formal and semantic are in a constant interaction like form and meaning, although in the English language in comparison with the Russian language, there exist a considerably greater number of forms, and, consequently, the correlations «form-meaning», which are perceived automatically.

Immersing into the speech situation, *Tense* chooses some reference point, which is commonly referred to as «time of utterance». Usually, irrespectively of the language, time of utterance means the Present, i.e. fixes the coincidence with the situation of communication. The forms of the *Tense*, which refer to the «time of utterance», is commonly referred to as “absolute tenses”, i.e. these forms appear with the meanings of *Present, Past, Future* as real mood forms, or *Indefinite* forms of the verb.

Correspondingly, *relative tenses*, or relative tense forms are determined contextually, do not have immediate connection with the «time of utterance». Most often such relativity can be found in the situation of *Sequence of Tenses*, when formal ordering takes place and appears such form, as *Future-in-the-Past*, for example, in indirect speech:

Richard said that he would come to see us next Monday.

In many languages including English, there are forms of *Tense*, in which both absolute and relative time are combined, which is governed by locating the situation in time. It refers, first of all, to *Present Perfect, Present Continuous, Present Perfect Continuous*, for which «time of utterance» (*Present*) is defined, but their semantics is conditioned by the specification of the state of things in speech situation with reference to time of utterance.

Let us illustrate this correlation schematically:

Table 5

Absolute and Relative Distribution of Tense

Absolute Tense	Relative Tense
Present Indefinite Present Continuous Past Indefinite Past Continuous	Present Perfect Present Perfect Continuous Past Perfect Past Perfect Continuous

Some scholars [21] find, that it should be more adequate to characterize such forms of *tense* as «absolute-relative», which first of all refers to *Past Perfect* (*pluperfect*) and *Future Perfect*, the latter provides, except the sequence of tenses, subjunctive mood «if...».

Thus, considering three possible ways of functioning of the category of Tense in the English language — *absolute tense*, *relative tense*, *absolute-relative tense*, let us point out their main semantic differences. If coincidence or correlation with the time of utterance (the Indefinite group) is characteristic of the absolute tense, then for the relative, including «absolute-relative» tenses precedence, posteriority, superposition on the time of utterance is characteristic. Such interaction is due to the specification of speech situation, locating of the given meanings of *Tense* in the situation of communication as a whole, and also the grammatical structure of tense forms — synthetic for absolute and analytical for relative ones. Besides, in the understanding and using of relative forms two semantic categories — *Aspect* и *Aktionsart* play a big role.

Categories of Aspect and Aktionsart

In the morphology of verb of various languages *Aspect* is grammatically considered together with the categories of *Tense and Mood*, for example in the Russian language aspectuality is based on the grammatical category of Aspect of verb, which interacts with the grammatical category of Tense of the verb, that's why Tense-Aspect verb forms or even Tense-Aspect system of verb is regularly discussed. Thus, the category of Aspect is realized in connection with the speech situation and communicative function of the speaker, who structure it.

In the broad sense, *Aspect* covers lexical and conceptual constituents of the verb, connected with the classification of speech situation, for which the term *Aktionsart* is used in Germanic philology (Comp. with «kinds of verb action» in the theory of functional grammar and in *Russkaya grammatika* (Praha, 1979) [23].

Traditionally for the English language two meanings of Aspect are distinguished: *Common* (B.A. Ilyish) and *Continuous* or *Progressive*. Perfect forms have indirect relation to *aspect*, as both mentioned meanings, on the one hand, realize themselves within *Non-Perfect*, correspondingly, *Indefinite* and *Continuous*, on the other hand — partially are represented also within *Perfect*, at least as *Perfect Continuous*. Then *Perfect*, according to a number of scholars [22; 15], appears a mixed category, which is suggested to name in a complicated way — *Tense-Aspect*, or refer it to *Aktionsart*.

More traditionally perfectiveness/imperfectiveness is interpreted as one of the central aspectual categories, as in many languages and verb systems it is more often expressed by the morphological means, though there aren't any universal means of expressing it [18. P. 243]. And even in one single language there isn't a distinct picture, at least because of the influence of diachronic factors on it. Compare: in the English language analytical form with the formal verb *have* corresponds to Perfect,

in Russian — synthetic, rich in complicated meanings, though marked by the general meaning the form of the perfective aspect. Also owing to the synthetism of the Russian language the verb forms of the so-called «secondary imperfectivation» appear to be marked, for example, by the Russian suffix **-iva/yva**.

There are differences in the asymmetric organization of the system of verb forms of Tense in the Russian and English languages, mostly conditioned by the specifics of interaction with Aspect category (aspectuality). [24. P. 260—264]. In this respect it is necessary to pay attention to the fact, that in a language practice, including the practice of translation, synthetic forms of *Common Aspect* of the English language just like them appear grammatically unmarked, as the Russian verbs and partially the verbs of imperfective aspect. Such asymmetry is revealed for the *Perfect in the form of Present Perfect* and *Past Perfect*, which are marked with reference to the Indefinite form both by the form and by the meaning, at the same time, according to B. Comrie, the latter appear «devoid of the meaning of time» (*tenseless*). As a conclusion it is suggested to consider the so-called «pure example», when perfectiveness/imperfectiveness in one of the verb systems of one of the possible languages serves as a dominant, without interacting with some other categories of *Tense* or *Aspect*. Thus, the most widespread viewpoint on the general meaning of perfect includes «integrity», «completeness», «limitativeness» [25; 3].

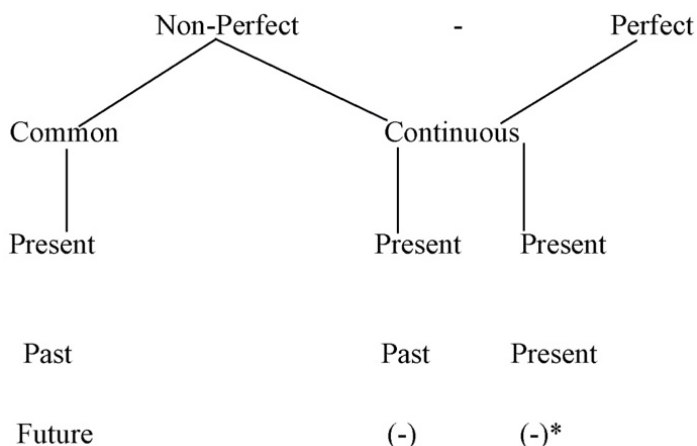
Thus, if the category of Aspect in the English language is represented by the two privative oppositions: *Perfect* — *Non-Perfect* and within *Non-Perfect* — *Common* — *Continuous*. The dimensionality of oppositions is accounted for the complex of meanings, which are characteristic of each of its members, and some meanings get close to the kinds of action (*Aktionsart*), especially if they have formal indicator of the distinctive semantic property. In this connection, undoubtedly, a question arises about the formal indicator. For the Russian language, typologically synthetic, such indicator, as a rule, appears the prefix or suffix within the word along with the possible lexical and contextual **indicators**, for example, adverb-particle *уже*, the collocation *много раз* and others. In the English language in case of the analytical form its organization unambiguously indicates to *Aspect* и *Aktionsart*, which doesn't exclude the lexical and contextual specification, especially if necessary to choose:

*Yesterday I **received** a letter* (Common Aspect).

*Recently I **have received** a letter* (Perfect Aspect).

It is also interesting to note, that in case of *Common* и *Continuous* it's appropriate to complete every characteristic with the term "*Non-Perfect*", and in case of Perfect only partial clarification: *Perfect Continuous*. At the same time, in all the three cases the same possibility of the realization of the meanings of Tense is possible.

Thus, let us illustrate the described correlations on the scheme:

Scheme 1. Tense-Aspect Correlation

We have to remark that the Future Tense forms are eliminated as they are loaded with modal meanings of irrealis and have some structural complexity, e.g.:

He *will be being training.

He *will have been being trained.

It should be noted, that Future forms aren't illustrated, because they are complicated by the modal meanings of unreality and excessive structural complications.

Conclusion

Despite the broad coverage of the phenomena of language and speech, highest priority is still given to the functioning of forms and categories, which are considered both within one, and two or more languages. The comparative study of the correlated forms and categories highlights the vivid, determining features of each language. In this respect, the categories and forms of the English Perfect, on the one hand, are included into the system and forms of the English verb, on the other hand — they reveal their specifics within the complex *Tense-Aspect* category.

In the Russian language, «perfectness» is correlated with the complex of the indicated aspectual meanings of the English *Perfect*. It is connected with the loss of the special Perfect form of verb in the Russian language and the reorganization not only formal, but also semantic structure of the verb as a class of words, as a part of speech. Besides, rather important for the Russian language is the category of aspect, which accumulates the aspectual meanings of the verb and appears in the form of the opposition «perfective aspect — imperfective aspect», correspondingly, «marked — unmarked» members of the opposition. The category of Aspect has allowed to identify aspectuality as a complex of kinds of action, which more concretely and unambiguously realize aspectual, to be more exact Tense-Aspect meanings.

The comparison of the semantics of Aspect and Aktionsart in the Russian language with the semantics of English Perfect asymmetry is revealed, caused by cross-linguistic structural-typological differences, particularly, the existence or not the similar forms, their varying semantic load, analytical or synthetic tendencies and others. The asymmetry is revealed especially vividly in the process of translation.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: монография. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
2. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II. Москва-Вена, 1998.
3. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во СПб. университета, 1996.
4. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. (Теоретические основы). Таллин, 1983.
5. Якобсон Р. О структуре русского глагола // Избранные работы. Под ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 210—221.
6. Русская грамматика: В 2-х томах. М.: Наука, 1980. Т. II. С. 563—680.
7. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенционального и прагматического контекстов, Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 22—26.
8. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. Значение и употребление // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 157—312.
9. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
10. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
11. Гловинская М.Я. Семантические типы видового противопоставления русского глагола. М.: Наука, 1982.
12. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Наука, 1984.
13. Булыгина Т.В. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М.: Наука, 1983. С. 15—19.
14. Капустин В.В., Филь Ю.В., Шаповал А.А. Аспектуальные характеристики русского и английского глагола в языке и тексте. На материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» // Вестник Томского государственного университета. 2013. no 377. С. 22—29.
15. Comrie B. Aspect. An Introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
16. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис, сост. А.В. Бондарко, М.А. Шелякин, др. Л.: Наука, 1987.
17. Князев Ю.П. Результатив, пассив и перфект в русском языке // Типология результативных конструкций. Л.: Наука. 1983. С. 140—160.
18. The Encyclopedia of Language and Linguistics. N.Y., Seoul, Tokyo, 1994. Vol. 10. P. 243—265.
19. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка (теоретический курс). М. —Л.: Просвещение, 1965.
20. Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков. М.: Высшая школа, 1970.
21. Comrie B. Tense. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.
22. Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. Oxford, 1989.
23. Русская грамматика: В 2-х томах. / Отв. ред. К. Горалек. Praha: ACADEMIA, 1979. Т. 1. С. 24—242.

24. Широкова Е.Н., Кошкарлова Н.Н. Видо-временные значения английского и русского глагола через призму лингводидактики и лингвокультурологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 260—264.
25. Телин Н., Нильс Б. Вид и способ действия в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985. С. 250—260.

References

1. Apresyan, Yu.D. (1995). *Selected works: monograph*. Vol. 1. Lexical semantics. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». (In Russ.).
2. Mel'chuk, I.A. (1998). *A course of general morphology*. Vol. II. Moscow—Vienna. (In Russ.).
3. Bondarko, A.V. (1996). *The problems of grammatical semantics and Russian aspectology*. St. Petersburg: Izd-vo St. petersburgskogo universiteta. (In Russ.).
4. Shelyakin, M.A. (1983). *The category of aspect and kinds of action of the Russian verb. (Theoretical bases)*. Tallin. (In Russ.).
5. Jakobson, R. (1985). On structure of the Russian verb In R. Jakobson. *Selected works*. Pod red. V.A. Zvegintseva. Moscow: Progress. 210—221. (In Russ.).
6. *Russian grammar: in 4 vols.* (1980). Moscow: Nauka. Vol. 1. pp. 563—680. (In Russ.).
7. Bulygina, T.V. & Shmelyov, A.D. (1989). *Mental predicates in terms of aspectology*. Logical analysis of language. The problems of intentional and pragmasemantic contexts. Editor-in-chief N.D. Arutyunova. Moscow: Nauka. pp. 22—26. (In Russ.).
8. Maslov, Yu.S. (1959). Verbal aspect in contemporary bulgarian literary language. Meaning and use In *Problems of grammar of bulgarian literary language*. Moscow. pp. 157—312. (In Russ.).
9. Isachenko, A.V. (1960). *Grammatical system of the Russian language in comparison with Slovene*. Morphology. Part. II. Bratislava. (In Russ.).
10. Shakhmatov, A.A. (1941). *Syntax of the Russian language*. Leningrad. (In Russ.).
11. Glovinskaya, M.Ya. (1982). *Semantic types of the aspectual opposition of the Russian verb*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
12. Maslov, Yu.S. (1984). *Studies in aspectology*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
13. Bulygina, T.V. (1983). Predicate classes and the aspectual characteristics of utterance In *Aspectual and temporal meanings in Slavic languages*. Moscow: Nauka. pp. 15—19. (In Russ.).
14. Kashpur, V.V., Fil', Yu.V. & Shapoval, A.A. (2013). Aspectual characteristics of the Russian and English verb in language and text. On the material of M.A. Bulgakov's novella «The heart of a dog». *Tomsk State University Journal*, 377, 22—29. (In Russ.).
15. Comrie, B. (1976). *Aspect. An Introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Bondarko, A.V. & Shelyakin, M.A. (1987) *Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
17. Knyazev, Yu.P. (1983). *The resultative, passive and perfect in the Russian language*. The typology of the resultative constructions. Leningrad: Nauka. pp. 140—160. (In Russ.).
18. *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. (1994). New York, Seoul, Tokyo. Vol. 10. pp. 243—265.
19. Ilyish, B.A. (1965). *The system of the contemporary English language. (Theoretical course)*. Moscow: Leningrad: Prosveshcheniye. (In Russ.).
20. Smirnitkij, A.I. (1970). *Studies in comparative grammar of the Russian and English languages*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
21. Comrie, B. (1986). *Tense*. Cambridge, etc.: Cambridge Univ. Press.
22. Dahl, Ö. (1989). *Tense and Aspect Systems*. Oxford.
23. Goralek, K. (1979). *Russian grammar: in 2 vols*. Praha: ACADEMIA. Vol. 1. pp. 24—242.

24. Shirokova, E.N. & Koshkarova, N.N. (2017). Tense-aspect meanings of English and Russian verb through linguodidactics and linguoculturology. *Nizhegorod University after N.I. Lobachevski Journal*, 5, 260—264. (In Russ.).
25. Telin, N. & Nil's, B. (1985). Aspect and kinds of actions in the Russian language In *New in foreign linguistics*. Vol. 15. Moscow. pp. 250—260. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Дерцакян Рипсима Альбертовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка факультета русского и иностранного языков Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова; *сфера научных интересов*: семантические исследования языка, контрастивный и сравнительный языковой анализ; *e-mail*: d-ripsime@mail.ru.

Information about the author:

Hripsime A. Derdzakyan, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the General English Department, Russian and Foreign Languages Faculty, Yerevan State University of Languages and Social Sciences. The sphere of research includes semantic language studies, contrastive and comparative linguistic analyses; *e-mail*: d-ripsime@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-61-70
УДК 811.111'27

Научная статья / Research article

Иллокутивное вынуждение как признак псевдокоммуникации

И.В. Пономарёва

Тверской государственной университет,
170100, Российская Федерация, Тверь, ул. Желябова, 33
ivponomaryova@mail.ru

Аннотация. В настоящее время в связи с обострением межнациональных и межгосударственных отношений возникла необходимость изучения дискурсивных механизмов. Их учет позволил бы более успешно разрабатывать способы и модели диалогического дискурса, формулировать критерии и выбирать адекватные средства осуществления диалогической деятельности на разных уровнях общения. Это определяет актуальность данного исследования. Цель исследования заключается в выявлении особенностей диалогической речи в ситуациях неэффективной коммуникации. Материалом исследования выступили фрагменты диалогического дискурса, извлеченные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы XX века. В работе использованы методы контекстуального анализа, интеракционного и интенционального анализа. Иллокутивное вынуждение рассматривается как создание коммуникантом условий, при которых коммуникативному партнеру приходится участвовать в коммуникативном процессе вопреки своей воле и желанию. Фактор иллокутивного вынуждения означает нарушение диалогического взаимодействия на коммуникативном уровне, отражающем коммуникативные характеристики диалогического дискурса и определяющем единство содержательной стороны диалогического взаимодействия; на интерактивном уровне, определяющем взаимосвязанность речевых действий в общении; и перцептивном уровне, связанном с личностными, социально-психологическими, эмоционально-экспрессивными характеристиками коммуникантов. На коммуникативном уровне подобные нарушения выражены несогласованностью коммуникативных интенций и стратегий партнеров, неадекватностью иллокутивной направленности, структурной и смысловой несовместимостью реплик партнеров; неинформативностью, неактуальностью, несущественностью сообщений в рамках диалогического взаимодействия, нарушением принципов, регулирующих речевое общение. На интерактивном уровне: нарушения проявляются как отсутствие интеракционной синхронизации речевых действий коммуникантов, ненаправленность действий собеседников на соотнесение целей каждой из сторон и на организацию их достижения, отсутствие связи между речевыми ходами, отсутствие вербальных и невербальных сигналов, обеспечивающих регулирование взаимодействия. На перцептивном уровне: отмечается несовместимость особенностей мировоззрения и мировосприятия коммуникантов, неадекватность восприятия, интерпретации и оценки коммуникативными партнерами друг друга, несогласованность мотивации действий, неадекватная тональность общения, несовместимость выражения эмоционального состояния и психологического настроения. Тем самым фактор иллокутивного вынуждения

© Пономарёва И.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

способствует формированию ситуаций псевдокоммуникативного характера. Такой процесс не приводит к совместно созданному результату, так как осуществляется исключительно как процесс говорения. Феномен псевдокоммуникативного контакта вбирает в себя различные виды негативных явлений и характеризуется отсутствием общего коммуникативного смысла. Подобное общение складывается как процесс, но не результат, и представляется неудачным, неэффективным, бесперспективным.

Ключевые слова: коммуникация, диалогический дискурс, иллокуция, иллокутивное вынуждение, коммуникативная неэффективность, псевдокоммуникация

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2020

Дата приема в печать: 15.12.2020

Для цитирования:

Пономарёва И.В. Иллокутивное вынуждение как признак псевдокоммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 61—70. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-61-70

UDK 811.111'27

Illocutionary Compulsion as a Sign of Pseudocommunication

Inna V. Ponomaryova

Tver State University,
33, Zhelyabova str., Tver, Russian Federation, 170100
Corresponding author: ivponomaryova@mail.ru

Abstract. The study is timely and actual, since at present, due to the aggravation of interethnic and interstate relations, it is necessary to study discursive mechanisms, taking into account which would more successfully develop methods and models of dialogical discourse, formulate criteria and choose adequate means of carrying out dialogical activities at different levels of communication. The purpose of the study is to identify the features of dialogical speech in ineffective communication situations. The dialogical discourse fragments extracted by applying continuous sampling method the 20th century fiction which served as the material of the study. The methods of contextual analysis, interactional and intentional analysis were used in the study. The research allows comprehend from a linguistic point of view the regulation process of speech behavior of the dialogical interaction participants, to deepen the knowledge of nature and features of speech communication. Illocutionary compulsion is considered to be creating conditions by the communicant when the communicative partner is forced to participate in the communicative process contrary to the will and desire. The factor of illocutionary compulsion means dialogic interaction infringement on the communicative level, performing communicative characteristics of the dialogical discourse and determining the unity of the content aspect of the dialogical interaction; on the interactive level, which determines the interconnectedness of speech actions in communication; and on the perceptual level, associated with the personal socio-psychological and emotional-expressive characteristics of the communicants. On the communicative level such violations mean inconsistency of communicative intentions and strategies of the partners, inadequacy of the illocutionary focus, both structural and semantic incompatibility of replicas of partners, unformativeness, unactuality, insignificance of messages within the dialogical interaction, violation of the principles governing speech communication. On the interactive level, such violations are manifested as the lack of interaction synchronization of speech actions of the communicants, non-focus of the partners' actions on

correlating the goals of each of the parties and on organizing their achievement, the lack of connection between speech courses and the lack of verbal and non-verbal signals providing interaction regulation. On the perceptual level such violations are incompatibility of peculiarities of worldview and world perception of the communicants, inadequacy of perception, interpretation and assessment of communicative partners of each other, inconsistency in motivation for actions, inadequate tonality of communication, incompatibility of expression of an emotional state and psychological mood. Thereby the factor of illocutionary compulsion promotes the formation of pseudocommunicative contacts situations. The process does not lead to the jointly created result, since it is carried out exclusively as a speaking process. The phenomenon of the pseudocommunicative contact includes various types of other negative phenomena and is characterized by the lack of general communicative meaning. The communication is made as a process but not a result therefore it is considered as unsuccessful, ineffective and unpromising

Key words: communication, dialogical discourse, illocution, illocutionary compulsion, communicative ineffectiveness, pseudocommunication

Article history:

Received: 01.12.2020

Accepted: 15.12.2020

For citation:

Ponomaryova I.V. (2020). Illocutionary Compulsion as a Sign of Pseudocommunication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 61—70. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-61-70

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающим в настоящее время интересом отечественных и зарубежных ученых к диалоговедческой проблематике, а также востребованностью теоретических основ по изучению особенностей неэффективного диалогического общения.

Речевая деятельность находится в тесной взаимосвязи с языком, который представляет собой деятельность духа, орудие обозрения самых высших и глубинных сфер и всего многообразия мира, являет собой «посредника между человеком и миром» [1. С. 120] и несет на себе «печать неискоренимых черт человеческого существования» [2. С. 66]. Владение словом относится к «сущностным чертам человека и неразрывно связано с его разумностью, социальностью, моральностью, творческой силой и универсальностью» [3. С. 80]. Единственной мотивацией общения должно выступать «достижение консенсуса по поводу истинности высказываний» [4. С. 314]. Общась, люди стремятся понять друг друга, причем, понять «не только значение, но и смысл сказанного» [5. С. 50]. Тем не менее, именно непонимание смысла высказывания (или нежелание понимать и даже воспринимать аргументы собеседника) становится причиной неудачного, неуспешного, неэффективного и даже несостоявшегося общения.

Современная лингвистика все чаще обращается к анализу феномена неэффективности речевого общения. Исходным моментом в исследовании данного феномена выступает понимание причин и факторов, обуславливающих

неэффективность коммуникации. К числу факторов, порождающих ситуации неэффективных (псевдокоммуникативных) контактов, относится иллокутивное вынуждение (навязанность, вынужденность коммуникации).

Любое речевое событие, осуществляемое говорящим, представляет собой производство конкретного предложения (высказывания) в условиях реальной речевой коммуникации. Структура высказывания включает три компонента, составляющих единое целое: локутивный акт как непосредственный процесс произнесения высказывания, который следует грамматическим правилам языка; говорение само по себе, несущее смысловую нагрузку; иллокутивный акт как поступок, совершаемый с помощью языка; интенция (намерение, цель, установка) говорящего; перлокутивный акт как результат высказывания, ответная реакция, коммуникативный эффект, целенаправленное воздействие на мысли и поведение адресата [6].

Иллокутивная сила высказывания определяется как интенция, направленная на собеседника: «то, что, согласно намерению, должно быть понято» [7. С. 149]. Целеустановка говорящего придает речевому акту особую «действенную интонацию» [8. С. 179]. Более того, как отмечает Л.П. Рыжова, понятие иллокутивной функции (инициативной или реактивной) характеризует отношения между речевыми ходами (репликами), образующими диалогическое единство.

Вынуждение определяется как «создание условий, при которых кому-либо приходится что-либо делать вопреки своей воле и желанию» [9. С. 479] (см. навязчивость — тип поведения, к осуществлению которого субъекта подталкивает внутренняя необходимость (внутреннее принуждение)) [10]. Синонимами слова *вынуждение* являются навязанность, назойливость, надоедливость, насилие, давление [11]. Вынуждать — значит неволить, заставлять, напрашиваться, набиваться, добиваться принуждением, навязываться. Иллокутивное вынуждение означает принуждение к общению, вынужденное, недобровольное участие в коммуникативном процессе.

Иллокутивное вынуждение на примере пьесы С. Беккета «Happy days»

Примером иллокутивного вынуждения служит отрывок из пьесы С. Беккета «Happy days», представляющий общение супругов, между которыми происходит следующий диалог:

Winnie: Another heavenly day. [Pause]. For Jesus Christ sake Amen. World without end Amen! [Pause]. Begin, Winnie. Begin your day, Winnie. [Pause]. (1)

Иницирующий речевой ход, постановка темы: желая вовлечь супруга в беседу, женщина адресует ему свое радостное приветствие нового дня, выражает эмоции через восторженное обращение к богу. В целом речевой ход выступает как попытка установить контакт, завязать беседу.

[Willie reads, turns pages].

Мужчина оставляет без внимания реплику собеседницы, молчит, читает газету, проявляет незаинтересованность (отсутствие интереса к тому, что говорит супруга; нежелание принимать интенции собеседницы; несогласованность эмоционального состояния).

Winnie: Willie! [Pause.] Begin, Winnie. Begin your day, Winnie. [Pause]. Oh, this is going to be another happy day! (2)

Продолжение иницирующего речевого хода (1): женщина обращается к супругу с восторженным пожеланием счастливого дня, многократно произносит его имя (попытка привлечь внимание, сделать общение более теплым, призыв присоединиться к радости и восторгу).

Willie: His Grace and Most Reverend Father in God Dr Carolus Hunter dead in tub. (2a)

Ответный речевой ход: супруг озвучивает новость из газеты; проявляет незаинтересованность, игнорирует предлагаемую тему, но дает понять, что он участвует в разговоре (тематическая и эмоциональная рассогласованность речевых действий).

Winnie: Charlie Hunter! I close my eyes — and am sitting on his knees again, in the back garden at Borough Green, under the horse-beech. Oh the happy memories! (3)

Не вникая в содержание ответа, однако понимая, что супруг ее слышит, женщина продолжает развивать тему речевого хода (2): озвучивает воспоминания об ушедших счастливых днях, призывает разделить с ней радость.

[Willie reads].

Willie: Opening for smart youth. [Pause]. (3a)

Реакция собеседника — не отрываясь от чтения, снова озвучивает новость из газеты; ответным речевым ходом игнорирует предлагаемую тему, но подтверждает свое участие в разговоре (несогласованность мотивации речевых действий).

Winnie: My first ball! [Long pause]. My second ball! [Long pause]. My first kiss! [Pause. Willie turns pages]. Mr. Johnson, or Johnston, or perhaps I should say Johnstone. Very bushy moustache, very tawny. Almost ginger! (4)

Видя, что супруг как-то реагирует на ее слова и тем самым участвует в беседе, женщина продолжает развивать тему речевого хода (3): озвучивает воспоминания о приятных событиях прошлого: «первый бал», «второй бал», «первый поцелуй» (тематическая и эмоциональная рассогласованность реплик).

[Willie reads].

Willie: Wanted bright boy (4a) [12. P. 142—143].

Ответным речевым ходом мужчина в очередной раз, не отрываясь от чтения, озвучивает следующую новость из газеты: игнорирует предлагаемую тему, но подтверждает свое участие в разговоре (отсутствие диалогичности).

Будучи супругами и находясь в одной комнате, эти люди находятся далеко друг от друга, между ними нет душевной близости и взаимопонимания.

Они говорят, но при этом каждый занят своим делом, погружен в свои мысли. Женщина вспоминает приятные события из личной жизни: балы, поцелуи, свидания, встречи (1), (2), (3), (4). Мужчина во время беседы читает газету, ему безразличны и неинтересны воспоминания супруги, он лишь изредка озвучивает представляющие для него интерес новости из газеты. Речевые ходы женщины не зависят от реакции партнера; она так увлечена своими воспоминаниями, что даже не замечает того, что ее реплики остаются без внимания, муж не реагирует на ее слова, он просто не слышит ее.

Коммуникативный сбой в данном общении происходит потому, что оба коммуниканта не принимают в разговоре полноценного, целенаправленного участия: женщина настолько занята своими мыслями, что фактически находится далеко за пределами этой комнаты; мужчина погружен в чтение и тоже находится в другом пространстве. Между ними нет диалога, они просто говорят поочередно. Женщина призывает мужа разделить с ней ее эмоции, однако газетные статьи вызывают в нем большой интерес. Ему безразличны ее воспоминания, он даже не вникает в смысл ее слов, тем не менее, он понимает, что должен как-то реагировать на слова супруги, поэтому сотрясает воздух газетными репликами (2а), (3а), (4а) и дает супруге понять, что слышит ее и участвует в разговоре. Женщина этого не замечает; ей важно, что он здесь и подает голос. Подобное общение комично, парадоксально, бесперспективно.

Представляет интерес отрывок из пьесы Э. Ионеско «La cantatrice chauve», также демонстрирующий ситуацию общения супругов. Мистер Смит сидит в кресле у камина, курит трубку, читает газету; миссис Смит сидит рядом, штопает носки, заводит разговор:

Mme. Smith: Tiens, il est neuf heures. Nous avons mangé de la soupe, du poisson, des pommes de terre au lard, de la salade anglaise. Les enfants ont bu de l'eau anglaise. Nous avons bien mangé, ce soir. C'est parce que nous habitons dans les environs de Londres et que notre nom est Smith. (1)

Иницирующий речевой ход, постановка темы: желая вовлечь супруга в беседу, женщина адресует ему свои размышления о благополучии семьи, делится своей удовлетворенностью жизнью (живут в окрестностях Лондона, в доме уют, достаток, дети сыты, здоровы). Речевой ход выступает как попытка привлечь внимание, завести разговор.

M. Smith continuant sa lecture, fait claquer sa langue.

Мужчина молчит, читает газету. Вместо реактивной реплики собеседником предпринимается неречевое действие: щелкает языком — показывает, что слышит супругу и соглашается с ней (несогласованность мотивации действий).

Mme. Smith: Les pommes de terre sont très bonnes avec le lard, l'huile de la salade n'était pas rance. L'huile de l'épicier du coin est de bien meilleure qualité que l'huile de l'épicier du bas de la côte. Mais je ne veux pas dire que leur huile à eux soit mauvaise. (2)

Продолжение темы иницирующего речевого хода (1): женщина говорит о вкусной еде, о хозяйственных делах, о своих хлопотах «масло лучше покупать в бакалее на углу» (попытка разговорить, заинтересовать).

M. Smith continuant sa lecture, fait claquer sa langue.

Реакция собеседника — отказ от предлагаемой темы как не представляющей для него интереса: мужчина молчит, читает газету, щелкает языком: дает понять, что участвует в разговоре (игнорирование инициатив собеседницы).

Mme. Smith: Pourtant, c'est toujours l'huile de l'épicier du coin qui est la meilleure... (3)

По реакции супруга женщина понимает, что он ее слышит, и продолжает развивать тему речевого хода (2): размышляет о своих заботах (пытается найти общую тему, заинтересовать, разговорить).

M. Smith continuant sa lecture, fait claquer sa langue.

Мужчина молчит, читает газету, щелкает языком: совершает реактивное неречевое действие, смысловая нагрузка которого — дать понять супруге, что он поддерживает разговор (отсутствие обратной связи и понимания).

Mme. Smith: Mary a bien cuit les pommes de terre, cette fois-ci. La dernière fois elle ne les avait pas bien fait cuire. Je ne les aime que lorsqu'elles sont bien cuites. (4)

Понимая, что супруг ее слышит, женщина продолжает развивать тему речевого хода (3): размышляет о своих заботах (попытка найти общую тему).

M. Smith fait claquer sa langue.

Реакция собеседника — не проявляет интереса к предлагаемой теме, оставляет без внимания реплику (4), однако предпринимает неречевое действие: не отрываясь от чтения, снова щелкает языком: показывает, что принял информацию к сведению.

Mme. Smith: Cependant, la soupe était peut-être un peu trop salée. Elle avait plus de sel que toi. Ah, ah, ah. (5)

Видя, что супруг как-то отреагировал на ее слова, женщина направляет внимание супруга на его собственное здоровье: проявляет обеспокоенность относительно плохого аппетита, задает вопросы о самочувствии (пытается вывести на эмоции).

M. Smith continuant sa lecture, fait claquer sa langue.

Мужчина отрывается от чтения, не произносит ни слова, щелкает языком: подтверждает свое участие в разговоре (игнорирование инициатив собеседницы).

Mme. Smith: Notre petit garçon aurait bien voulu boire de la bière, il aimerait s'en mettre plein la lampe, il te red-semble. Tu as vu à table, comme il visait la bouteille? (6)

Иницирующий речевой ход: женщина говорит о своих заботах, применяет тактику шутки «в супе соли было больше, чем в супруге» (попытка вывести на эмоции, привлечь к разговору).

M. Smith continuant sa lecture, fait claquer sa langue [13. P. 11—14].

Ответное неречевое действие супруга — щелкает языком: дает понять, что слышит супругу (игнорирование инициатив собеседницы, отсутствие диалогичности).

Коммуникативный сбой в представленном диалогическом фрагменте обусловлен несогласованностью мотивации действий коммуникантов, несовместимостью их эмоционального состояния и психологического настроения. Женщина, довольная спокойной, благополучной жизнью, хочет поделиться своей удовлетворенностью с супругом: говорит о вкусной еде (1), (2), (4), (5), о том, где лучше покупать продукты (2), (3), о своих вкусовых предпочтениях (4), проявляет беспокойство (5), шутит (6). Она говорит обо всем подряд, чтобы найти тему, на которую супруг согласится разговаривать. Однако предлагаемые ею темы мужчине не интересны, он игнорирует ее инициативы и только щелкает языком, будучи вынужденным подавать сигналы о том, что участвует в разговоре.

Нарушение диалогического взаимодействия происходит: *на коммуникативном уровне* — несовпадение интенций и стратегий коммуникантов; неинформативность сообщений: информация, передаваемая супругой, не является для мужчины важной, значимой, актуальной; отсутствие обратной связи и понимания; тематическая рассогласованность реплик; несоответствие смысловых позиций коммуникантов; *на интерактивном уровне* — отсутствие сигналов порождения общего текста (реплики супругов не совпадают по смыслу настолько, что между ними нет диалога); отсутствие связи между речевыми ходами: нарушение темы, перехват инициативы, игнорирование инициатив собеседника; отсутствие взаимовлияния; *на перцептивном уровне* — ненастроенность на мир собеседника: каждый занят тем, что имеет для него значение в данный момент; несовместимость эмоционального состояния коммуникантов.

Заключение

Коммуникативная неэффективность представляет собой феномен, характеризующийся совокупностью различных явлений, негативно влияющих на коммуникативный процесс: речевые и коммуникативные ошибки, коммуникативные рассогласования, коммуникативные сбои. Если эти негативные явления будут исправлены и устранены с целью направить общение в нужное русло, они рассматриваются как помехи, которые лишь затрудняют взаимодействие. В случае если эти негативные проявления служат разрыву и прекращению общения, они становятся причиной неэффективности коммуникативного процесса, порождая ситуации псевдокоммуникативного характера.

Иллокутивное вынуждение как признак псевдокоммуникации означает навязанность, вынужденность коммуникации, принуждение к общению, что проявляется в несоответствии смысловых позиций коммуникантов, отсутствии

интереса к предлагаемой теме, нарушении структурной и смысловой совместности реплик, рассогласованности речевого поведения, ненастроенности на мир собеседника, отсутствии обратной связи и понимания, рассогласованности выражения эмоционального состояния, психологического настроения, мотивации действий коммуникативных партнеров, отсутствии вербальных и невербальных сигналов порождения общего текста.

Выявленные механизмы порождения неэффективности диалогической речи дают возможность совершенствовать речевое общение в разных языках, в различных сферах коммуникативного взаимодействия, в реальных ситуациях повседневного общения. Изучение условий и причин, порождающих ситуации псевдокоммуникативных контактов, формирует базу для осуществления эффективной коммуникации.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
2. Губман Б.Л. Введение в философию культуры. Тверь: Тверской государственный университет, 1995.
3. Heidegger M. *Being and Time*. Oxford: MPG Books Ltd, 1999.
4. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Frankfurt am Main, 1987.
5. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. М.: Восток-Запад, 2009.
6. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов на /Д.: Феникс, 2008.
7. Strawson P.F. *Intention and Convention in Speech Acts* // *The Philosophical Review*. 1964. no 4. P. 439—460.
8. Рыжова Л.П. Французская прагматика. М.: Наука, 2007.
9. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: Т.1. М.: Издательство АСТ, 2000.
10. Лаплани Ж. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996.
11. Кравцов С.И. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
12. Beckett S. *Happy days. The complete dramatic works*. London, Boston, 1986. P. 137—159.
13. Ionesco E. *La cantatrice chauve*. Editions Gallimard. 1954. P. 11—14.

References

1. Humboldt, W. von. (1984). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Gubman, B.L. (1995). *Introduction to the philosophy of culture*. Tver: Tver State University. (In Russ.).
3. Heidegger, M. (1999). *Being and Time*. Oxford: MPG Books Ltd.
4. Habermas, J. (1987). *The Theory of Communicative Action*. Frankfurt am Main.
5. Susov, I.P. (2009). *Linguistic pragmatics*. Moscow: Vostok-Zapad. (In Russ.).
6. Starichenok, V.D. (2008). *The big linguistic dictionary*. Rostov-on-Don. (In Russ.).
7. Strawson, P.F. (1964). *Intention and Convention in Speech Acts*. *The Philosophical Review*, 4, 439—460.
8. Ryzhova, L.P. (2007). *French pragmatics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
9. Ushakov, D.N. (2000). *Explanatory dictionary of the Russian language*: Vol. 1. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.).
10. Laplanche, Zh. (1996). *Dictionary of Psychoanalysis*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
11. Kravtsov, S.I. (2003). *Big Russian encyclopedia*. Moscow: Big Russian Encyclopedia. (In Russ.).

12. Beckett, S. (1986). *Happy days. The complete dramatic works*. London, Boston. pp. 137—159.
13. Ionesco, E. (1954). *La cantatrice chauve*. Editions Gallimard. pp. 11—14.

Сведения об авторе:

Пономарёва Инна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет»; *сфера научных интересов*: коммуникация, диалогический дискурс, коммуникативная эффективность; *e-mail*: ivponomaryova@mail.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0002-5164-3407. eLIBRARY SPIN-код: 3935-7508.

Information about the author:

Inna V. Ponomaryova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Foreign Languages for Natural Faculties Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “Tver State University”; *Research interests*: communication, dialogical discourse, communicative effectiveness; *e-mail*: ivponomaryova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5164-3407. eLIBRARY SPIN-code: 3935-7508.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-71-88
УДК [811.161.1:811.512.161]’255:32

Научная статья / Research article

Проблемы передачи вводных предложений при переводе общественно-политических текстов с русского языка на турецкий язык

Е.А. Оганова*, О.А. Алексеева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, 11
*ova8@yandex.ru

Аннотация. Активно развивающееся массмедийное пространство порождает высокий спрос на специалистов, способных быстро и качественно переводить тексты общественно-политической тематики с русского языка на иностранный язык и обратно. В процессе обучения переводу студенты допускают типовые ошибки, исправлению и предотвращению которых необходимо уделять особое внимание. Цель настоящей статьи — выявить наиболее часто встречающиеся ошибки и разработать рекомендации по переводу русских вводных предложений на турецкий язык, что позволит предотвратить ошибки. Материалом исследования послужили переводы на турецкий язык русских вводных предложений, выполненные носителями турецкого языка (3 человека), владеющими русским языком на продвинутом уровне, и русскоговорящими информантами (10 человек), студентами IV курса бакалавриата и магистратуры ведущих вузов России, где турецкий язык преподается в качестве основного. Отсутствие научных работ по рассматриваемой теме свидетельствует о научной новизне принятого исследования. В результате работы авторы пришли к заключению, что перевод вводных предложений представляет значительные сложности для студентов, и выработали следующие рекомендации: существует два способа передачи русских вводных предложений на турецком языке — придаточное предложение с союзом *ki* и причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на *-(y)An*. Первый способ наиболее точно отражает значение, выражаемое русским вводным предложением, т.е. выполняет выделительную функцию. При обращении к этому способу необходимо обратить внимание на то, что придаточное предложение должно иметь собственное подлежащее, в качестве которого чаще всего выступает местоимение *bu* ‘этот’, либо его подлежащее должно совпадать с подлежащим главного предложения. Второй способ выполняет преимущественно определительную функцию, поэтому для выражения смыслового ударения необходимо использовать дополнительные лексические средства. Также нужно принимать во внимание и стилистический фактор: придаточное предложение с союзом *ki*, как более эмоционально насыщенное, употребляется преимущественно в газетных текстах аналитического жанра, в то время как причастный оборот с причастием на *-(y)An* является стилистически нейтральным. При возникновении затруднений с выбором правильного способа перевода вводных предложений с русского языка на турецкий язык рекомендуется обращаться к причастию на *-(y)An*.

© Оганова Е.А., Алексеева О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: перевод общественно-политических текстов, грамматические аспекты перевода, язык СМИ, турецкий язык, переводческие ошибки, переводческие трансформации, вводные предложения

История статьи:

Дата поступления: 15.10.2020

Дата приема в печать: 15.12.2020

Для цитирования:

Оганова Е.А., Алексеева О.А. Проблемы передачи вводных предложений при переводе общественно-политических текстов с русского языка на турецкий язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 71—88. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-71-88

UDK [811.161.1:811.512.161]’255:32

Problems of Translation of Parenthetical Clauses from Russian into Turkish in Social and Political Texts

Elena A. Oganova*, Olga A. Alekseeva

Lomonosov Moscow State University,
11, Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation, 125009

*Corresponding author: ova8@yandex.ru

Abstract. Actively developing mass media field generates high demand for specialists who are able to translate texts of social and political topics from Russian into a foreign language and vice versa quickly and efficiently. While learning, students make common mistakes, which should be carefully corrected and prevented. The purpose of this article is to identify the most common mistakes made in translations of parenthetical clauses from Turkish into Russian and to develop recommendations for translating this type of sentences. The research is based on the translations of parenthetical clauses from Russian into Turkish made by three Turkish native speakers who are proficient in Russian, and ten Russian-speaking informants who are 4th-year undergraduate and graduate students of the leading Russian universities where Turkish language is taught as a major. The lack of research papers on the topic indicates the scientific novelty of the study. As a result of the study, the authors conclude that translation of parenthetical clauses presents significant difficulties for students and propose the following recommendations: there are two variants of translating Russian parenthetical clauses into Turkish — a subordinate clause with the conjunction *ki* and a participle clause with a participle of present-past tenses *-(y)An*. The first variant reflects the meaning expressed by Russian parenthetical clause most accurately, i.e. makes an emphasis. When referring to this variant, it is necessary to pay attention to the fact that the subordinate clause must have its own subject, which is most often presented by the pronoun *bu* ‘this’, or its subject must coincide with the subject of the main clause. The second variant mainly performs a determinative function, therefore, the sentence emphasis is made lexically. The stylistics should also be considered: a subordinate clause with the conjunction *ki*, as emotionally more powerful, is mainly used in analytical newspaper publications, while a participle clause with the participle *-(y)An* is more neutral stylistically. Therefore, if there are any difficulties with choosing the correct way to translate parenthetical clauses from Russian into Turkish, it is recommended to refer to *-the (y)An* participle.

Key words: translation of social and political texts, grammatical aspects of translation, news language, Turkish language, translation mistakes, translation transformations, parenthetical clauses

Article history:

Received: 15.10.2020

Accepted: 15.12.2020

For citation:

Oganova, E.A. & Alekseeva, O.A. (2021). Problems of Translation of Parenthetical Clauses from Russian into Turkish in Social and Political Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 71—88. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-71-88

Введение

В последнее время массмедийное пространство, прежде всего ресурсы интернета, стало важным инструментом идеологического воздействия, мощным средством в набирающей обороты информационной войне между государствами. Сегодня, как никогда ранее, крайне востребованными оказываются специалисты, способные быстро и качественно переводить большие массивы текстов общественно-политической тематики с русского языка на иностранный и обратно, что влечет за собой необходимость дальнейшей разработки методики общественно-политического перевода. Особенно остро этот вопрос стоит применительно к восточным языкам, в частности, к турецкому. Все эти факторы определяют актуальность предпринятого исследования.

Цель настоящей статьи — на основе анализа переводов русских вводных предложений на турецкий язык, выполненных студентами 4 курса бакалавриата и магистрантами ведущих языковых вузов РФ, выявить наиболее частотные ошибки, встречающиеся при переводе текстов общественно-политической тематики с русского языка на турецкий, и разработать рекомендации по переводу вводных предложений, позволяющие предотвратить данные ошибки.

Прежде всего, рассмотрим исследования, посвященные принципам перевода с турецкого языка и на турецкий язык. Наибольшее число работ по данной теме принадлежат турецким лингвистам. Так, наиболее значимыми трудами по общей теории перевода на турецком языке являются коллективные монографии «Переводоведение» [1] и «Турецкий язык и проблемы перевода» [2], монографии Д. Кёксал «Обучение переводу: теория и практика» [3], А. Чакыра «Обучение переводу» [4], О. Эсера «Перевод от теории к практике» [5], М. Демирекина «Переводу. Проблемы перевода и эквивалентность в турецком языке» [6], У. Индже и Д. Диздар «Переводческая мастерская. Ловушки в переводе» [7] и др.; статьи по вопросам турецкого переводоведения П. Йалчын «Главные проблемы студентов, изучающих основы перевода» на примере языковой пары французский—турецкий [8], А. Кескина «Обучение переводу и необходимость переводческой дидактики в свете переводоведческих дискуссий» [9], Э. Дурукан «Значение сопоставительной грамматики в усвоении базовых навыков перевода» на основе языковой пары немецкий—турецкий [10], О. Козан «Турецкая грамматика как инструмент обучения переводу: функциональный подход» [11] и др.; а также специальный выпуск журнала Университета Хаджеттепе, посвященный проблемам перевода, «Переводоведение и практика» [12].

Применительно к теме данной статьи целесообразно также дать краткий обзор исследований на турецком языке, посвященных языку турецких СМИ. Так, в монографии Дж. Йылдыза «Текст и заголовок в печатной прессе» [13] и статье М. Йагбасана и У. Демира «Лингвистический анализ языка прессы и газетных заголовков» [14] проводится описание лингвистических особенностей языка СМИ. Одним из популярных направлений изучения языка общественно-политических текстов турецкими лингвистами является дискурсивный анализ. К таким работам относится докторская диссертация Б. Озтюрка «Использование печатной прессы как актора политической коммуникации: опыт исследования новостных заголовков газет “Cumhuriyet”, “Hürriyet”, “Ortadoğu”, “Özgür Gündem”, “Yeni Şafak” на тему всеобщих выборов 7 июня 2015 г.» [15], статьи Д. Зейрек «Опыт исследования новостных заголовков» [16], А. Джана «Язык прессы» [17], И.Х. Дёнмеза «Борьба за клики и заголовки-“ловушки” в интернет-журналистике» [18], О. Учака «Столкновение и баланс в политических новостях» [19], О.Г. Улума «Идеология газет: критический дискурс-анализ новостных заголовков печатных газет на тему сирийских беженцев» [20] и др.

Особый интерес с точки зрения перевода общественно-политических текстов для нас представляют работы турецкого лингвиста российского происхождения О. Козан «Новостные тексты: практика турецко-русского перевода» [21] и турецкого ученого А. Озгюра «Техники перевода новостей с английского языка на турецкий язык» [22], в которых содержатся практические рекомендации по переводу новостей на турецкий язык. Подобного рода работ на западных языках нами обнаружено не было.

В СССР / Российской Федерации в свет вышло всего несколько изданий по вопросам общественно-политического перевода с турецкого языка и на турецкий язык. Специальные научные работы, посвященные языку турецких СМИ, в отечественной лингвистике отсутствуют. Единичными исключениями являются статьи, в которых рассматриваются отдельные аспекты языка турецкой прессы, например, статья О.А. Алексеевой «Темпоральная организация новостных материалов в современных турецких СМИ» [23].

Вопросы общественно-политического перевода преимущественно затрагивались в учебниках и учебных пособиях. В XX в. единственным учебным пособием, посвященным лексическим и грамматическим вопросам общественно-политического перевода применительно к паре русский—турецкий, было пособие Э.А. Груниной [24], которое существовало в виде рукописи и до сегодняшнего дня не издано, однако в нем также не содержится указаний относительно способов перевода русских вводных предложений на турецкий язык.

Среди других изданий подобного рода необходимо указать учебник П.И. Кузнецова «Турецкий язык. Курс общего перевода» [25], в котором, однако, отсутствует специальный раздел, посвященный общественно-политическому переводу.

Учебные пособия Е.А. Огановой и С.Н. Воробьевой «Учебно-методический комплекс по переводу турецко-русской прессы» [26], М.М. Репенковой

«Турецкий язык в газетном дискурсе: учебное пособие по переводу турецких и русских газетных текстов» [27] и В.А. Аваткова «Турецкий язык: учебное пособие по военному-политическому переводу» [28] посвящены лексическим вопросам перевода с турецкого языка на русский и с русского языка на турецкий.

В пособие Л.В. Софроновой «Турецкий язык — I. Общественно-политический перевод: учебное пособие» [29] включены разделы, в которых рассматриваются грамматические вопросы общественно-политического перевода с турецкого и на турецкий язык, однако проблема перевода вводных предложений в нем также не затрагивается.

Отсутствие специальных научных работ, посвященных как теории общественно-политического перевода с русского языка на турецкий в целом, так и переводу вводных предложений в частности, свидетельствует о научной новизне предпринятого исследования.

Основная часть

В рамках первого этапа работы авторами был исследован значительный объем текстов ведущих российских СМИ, из которого было отобрано десять примеров, содержащих вводные предложения в различных синтаксических позициях и отражающих различные смысловые нюансы высказывания. На втором этапе примеры были переведены тремя носителями турецкого языка, свободно владеющими русским языком и работающими в сфере турецких СМИ, а также десятью русскоговорящими информантами, являющимся студентами старших курсов и магистрантами ведущих вузов России, в которых турецкий язык преподается в качестве основного (МГУ имени М.В. Ломоносова, Дипломатическая академия МИД России, Казанский федеральный университет). На третьем этапе авторы проанализировали переводы вводных предложений, сделанные носителями и информантами, для выявления оптимальных грамматических соответствий при передаче русских вводных предложений на турецком языке, а также определения наиболее распространенных ошибок, допущенных информантами при переводе таких предложений. Результаты исследования представлены в настоящей статье. Будучи ограниченными объемом, авторы приводят и анализируют лишь несколько наиболее показательных примеров и их переводы на турецкий язык. В ряде случаев авторы выполняют обратный перевод турецких примеров на русский язык для более наглядной демонстрации ошибки/ошибок, допущенных информантами при переводе с русского языка на турецкий язык.

(1) В ходе переговоров был подписан ряд соглашений, касающихся различных областей взаимодействия — социальных вопросов, вопросов реагирования на чрезвычайные ситуации, спортивных контактов и — **что особенно важно для дальнейшего развития экономического сотрудничества** — вопросов избежания двойного налогообложения.

Перевод носителя 1:

Görüşmeler sırasında, sosyal sorunlar, olağanüstü durumlara karşı tepki verme sorunları, spor sorunları ve ekonomik işbirliği gelişimi için büyük bir önem

taşıyan çifte vergilendirmenin önlenmesine dair sorun olmak üzere değişik işbirliği alanlarında bir dizi anlaşma imzalandı.

... ekonomik	işbirliği	gelişim-i=için
... экономический	сотрудничество	развитие-POSS3SG=для
büyük	bir=önem	taşı-yan
большой	один=значение	нести-PC
çifte	vergilendir-me-nin	
двойной	облагать_налогом-VN-GEN	
önle-n-me-si-ne=dair		sorun ...
предотвращать-PASS-VN-POSS3SG-DAT=касательно		проблема ...

‘Во время переговоров был подписан ряд договоров в различных сферах сотрудничества, включая социальные вопросы, вопросы реагирования на чрезвычайные ситуации, спортивные вопросы и **имеющие большое значение для развития экономического сотрудничества** вопросы предотвращения двойного налогообложения’.

Для передачи вводного предложения носитель 1 образовал причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на -(y)An от глагола önem taşımak ‘иметь значение, быть важным’ — önem taşıyan ‘имеющий значение’, который является определением к словосочетанию çifte vergilendirme ‘двойное налогообложение’ и находится в препозиции к нему.

Перевод носителя 2:

Görüşmeler sırasında sosyal konular, acil durumlarda tepki gösterme konuları, spor temaları gibi çeşitli alanlarda ve ekonomik işbirliğinin daha da geliştirilmesi için özellikle önem arz eden çifte vergilendirmeden kaçınma konularında bir takım anlaşmalar imzalandı.

... ekonomik	işbirliği-nin		
... экономический	сотрудничество-GEN		
daha=da	geliş-tir-il-me-si=için		
дальнейшее	развиваться-CAUS-PASS-VN-POSS3SG=для		
özellikle	önem	arz	ed-en
особенно	значение	предложение	AUX-PC
çifte	vergilendir-me-den		
двойной	облагать_налогом-VN-ABL		
kaç-ın-ma	konu-lar-ı-nda ...		
избегать-REFL-VN	вопрос-PL-POSS3SG-LOC ...		

‘Во время переговоров был подписан ряд договоров в различных сферах, таких как социальные вопросы, вопросы реагирования в чрезвычайных

ситуациях, спортивные контакты, и вопрос избежания двойного налогообложения, **имеющий особое значение для дальнейшего развития экономического сотрудничества**’.

Носитель 2 при переводе вводного предложения также образовал причастный оборот с причастием настоящего—прошедшего времени на *-(y)An* от глагола *önem arz etmek* ‘представлять важность’ — *önem arz eden* ‘имеющий важность’, который является определением к словосочетанию *çifte vergilendirme* и находится в препозиции к нему. Для усиления выделения носитель 2 употребляет также в составе причастного оборота наречие *özellikle* ‘особенно, в особенности’, таким образом подчеркнув выделительную функцию причастного оборота с причастием на *-(y)An* лексическими средствами.

Перевод носителя 3:

Görüşmeler sırasında sosyal konular, acil müdahale konuları, spor temasları ve — özellikle ekonomik işbirliğinin daha da geliştirilmesi için önemli olan — çifte vergilendirmeyi önleme konuları ile ilgili çeşitli alanlarda bir dizi anlaşma imzalandı.

... <i>özellikle</i>	<i>ekonomik</i>	<i>işbirliği-nin</i>
... особенно	экономический	сотрудничество-GEN
<i>daha=da</i>	<i>geliş-tir-il-me-si=için</i>	
дальнейшее	развиваться-CAUS-PASS-VN-POSS3SG=для	
<i>önemli</i>	<i>ol-an</i>	
важный	быть-PC	
<i>çifte</i>	<i>vergilendir-me-yi</i>	
двойной	облагать_налогом-VN-ACC	
<i>önle-me</i>	<i>konu-lar-ı ...</i>	
предотвращать-VN	вопрос-PL-POSS3SG ...	

‘Во время переговоров был подписан ряд договоров в различных сферах, связанных с социальными вопросами, с действиями в чрезвычайных ситуациях, со спортивными контактами и с вопросами предотвращения двойного налогообложения, **имеющими особое значение для дальнейшего развития экономического сотрудничества**’.

Носитель 3 при переводе вводного предложения также образовал оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на *-(y)An* от глагола *önemli olmak* ‘иметь значение, быть важным’ — *önemli olan* ‘являющийся важным’, который является определением к словосочетанию *çifte vergilendirme* и находится в препозиции к нему. Для усиления выделения носитель 3 употребляет также в составе причастного оборота наречие *özellikle* ‘особенно, в особенности’, таким образом усилив выделительную функцию причастного оборота лексическими средствами. Отметим, что носитель 3 выделил причастный оборот при помощи тире.

Таким образом, мы видим, что все три носителя для передачи русского вводного оборота обратились к развернутому определению, выраженному причастием на *-(y)An*, и, следовательно, его можно считать оптимальным грамматическим эквивалентом русской выделительной конструкции. Также представляет интерес тот факт, что двое из трех носителей усилили значение, передаваемое причастием на *-(y)An*, при помощи лексических средств.

Информанты 3, 4, 5 и 7 при переводе вводного предложения также использовали развернутое определение, выраженное причастием на *-(y)An*.

Обратимся к переводам этого же предложения, выполненным информантами неточно (информанты 2 и 10).

Перевод информанта 2:

Görüşmeler içerisinde bir sürü anlaşmalar imzalandı. Bu anlaşmalar sosyal konular, olağanüstü durumlara tepki gösterilmesi, spor temaslari ve gelecek ekonomik işbirliği gelişmesi için en önemli olan çifte vergilendirme gibi işbirliği alanlarını deęiniyor.

... gelecek	ekonomik	işbirliği		
... будущий	экономический	сотрудничество		
<i>geliş-me-si=için</i>	<i>en</i>	<i>önemli</i>	<i>ol-an</i>	
развиваться-VN-POSS3SG=для	самый	важный	быть-PC	
<i>çifte</i>	<i>vergilendir-me ...</i>			
двойной	облагать_налогом-VN ...			

‘В ходе переговоров был подписан ряд соглашений. Данные соглашения касаются таких областей сотрудничества, как социальные вопросы, реагирование на чрезвычайные ситуации, спортивные контакты и двойное налогообложение, **имеющее наибольшее значение для развития экономического сотрудничества**’.

Информант 2 при переводе вводного предложения образовал причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на *-(y)An* от выражения *önemli olmak* ‘быть, являться важным’ — *önemli olan* ‘являющийся важным’, являющийся по правилам турецкого языка определением к словосочетанию *çifte vergilendirme*, что соответствует указанной нами выше модели перевода русской вводной конструкции носителями турецкого языка. Однако информант выделил словосочетание ‘в ходе переговоров был подписан ряд соглашений’ в отдельное предложение, таким образом разбив исходное предложение на два отдельных. Такой переводческий прием, как деление одного предложения на два (и более), в письменном переводе оправдан лишь в том случае, если явственно ощущается необходимость облегчения синтаксической структуры предложения для его более адекватного восприятия читателем переводного текста, а также если соблюдается условие, что при таком синтаксическом оформлении сохраняется смысл исходного предложения и в него не вносятся дополнительные (эмоциональные, выделительные и пр.)

оттенки. Во всех других случаях синтаксические трансформации, направленные на увеличение количества предложений по сравнению с исходным текстом, не оправданы. Все вышесказанное применимо к переводам любых типов текстов, и в первую очередь публицистических, так как именно для них характерна экономия лексических и грамматических средств, что обусловлено их целями и задачами.

Такая неоправданная синтаксическая трансформация встречается и в переводе информанта 10.

Обратимся теперь к анализу ошибочных переводов (информанты 6 и 9).

Перевод информанта 6:

Görüşmeler sırasında sosyal problemler, olağanüstü hallere tepki sorunları, spor temasları ve ikili vergi sisteminden kurtulma sorunları: ki ekonomik işbirliğinin ileride de gelişmesine çok önemli, gibi işbirliği alanlarına değinen bir sürü anlaşmalar imzalandı.

... <i>ikili</i>	<i>vergi</i>	<i>sistem-in-den</i>	<i>kurtul-ma</i>
... двойной	налог	система-POSS3SG-ABL	спасаться-VN
<i>sorun-lar-ı:</i>		<i>ki</i>	<i>ekonomik</i>
проблема-PL-POSS3SG		что.CONJ	экономический
<i>işbirliği-nin</i>		<i>ileri-de=de</i>	
сотрудничество-GEN		дальнейший-LOC=также	
<i>geliş-me-si-ne</i>		<i>çok</i>	<i>önemli ...</i>
развиваться-VN-POSS3SG-DAT		очень	важный ...

‘Во время переговоров был подписан ряд договоров, затрагивающих такие сферы сотрудничества, как социальные вопросы, вопросы реагирования на чрезвычайные ситуации, спортивные контакты и вопросы избежания системы двойного налога, **что очень важно для дальнейшего развития экономического сотрудничества**’.

Информант 6 при переводе образовал придаточное предложение с союзом *ki*, что является допустимым вариантом перевода, поскольку в турецком языке придаточные предложения с союзом *ki* также могут использоваться для передачи вводного значения, однако совершил одну из самых распространенных ошибок в переводе русских вводных предложений на турецкий язык, опустив в придаточном предложении, вводимом посредством союза *ki*, подлежащее и таким образом нарушив правило о необходимости обозначения подлежащего в придаточном предложении.

Ту же ошибку допустил информант 9.

Эта ошибка, скорее всего, является результатом синтаксической интерференции², поскольку в русских выделительных конструкциях, как правило, собственное подлежащее заменяется относительным местоимением *что*, не

² Подробнее об интерференции [30; 31; 32; 33].

имеющим прямого синтаксического соответствия в турецком языке — это как раз можно наблюдать в приведенном выше примере 1.

(2) Аналитическая статья N затрагивает такие социально значимые темы, как выборы президента США, **об этом мы поговорим позже**, война в Сирии и другие международные проблемы.

Перевод носителя 2:

N'nin analitik makalesi ABD başkanlık seçimleri, ki bunun hakkında daha sonra konuşacağız, Suriye'deki savaş ve diğer uluslararası sorunlar gibi toplumsal öneme haiz konulara temas ediyor.

... ABD	<i>başkanlık</i>	<i>seçim-ler-i,</i>	<i>ki</i>
... США	президентство	выбор-PL-POSS3SG	что.CONJ
<i>bu-nun=hakkında</i>	<i>daha</i>	<i>sonra</i>	<i>konus-acağ-ız ...</i>
это-GEN=о	еще	потом	говорить-FUT-1PL ...

‘Аналитическая статья N затрагивает такие социально значимые вопросы, как выборы президента США, **об этом мы поговорим позже**, война в Сирии и другие международные проблемы’.

Носитель 2 при переводе образовал придаточное предложение с союзом *ki*, которое располагается после словосочетания *ABD başkanlık seçimleri* ‘выборы президента США’.

Носители 1 и 3 выполнили перевод предложения с использованием такой же синтаксической структуры.

К этой же конструкции обратились при переводе информанты 2, 4 и 10, таким образом, выполнив перевод правильно.

Обратимся к другим правильным вариантам, встречающимся в переводах информантов.

Так, перевод информанта 3 выглядит следующим образом:

N'nin analitik makalesi, ABD Cumhurbaşkanlık seçimleri (bunu sonra konuşacağız), Suriye'deki savaş ve diğer uluslararası sorunlar gibi önemli sosyal konuları kapsıyor.

... ABD	<i>Cumhurbaşkanlık</i>	<i>seçim-ler-i</i>
... США	президентство	выбор-PL-POSS3SG
<i>(bu-nu</i>	<i>sonra</i>	<i>konus-acağ-ız) ...</i>
это-ACC	потом	говорить-FUT-1PL ...

‘Аналитическая статья N затрагивает такие важные социальные вопросы, как выборы президента США (**об этом мы поговорим позже**), война в Сирии и другие международные проблемы’.

Информант 3 при переводе сформировал простое предложение *bunu sonra konuşacağız* ‘об этом мы поговорим позже’, которое заключил в скобки и расположил после словосочетания *ABD Cumhurbaşkanlık seçimleri* ‘выборы президента США’. При том, что данный вариант перевода является

правильным, отметим, что он не столь характерен для языка турецких СМИ, как причастные обороты или придаточные предложения, вводимые при помощи союза *ki*. Проанализировав большой массив турецких публицистических текстов последнего десятилетия, мы можем заключить, что в языке турецких СМИ синтаксические структуры, заключенные в скобки и тем более в тире, используются крайне редко. Обращение к таким структурам русскоязычных информантов является, на наш взгляд, результатом синтаксической и пунктуационной интерференции.

Такое же синтаксическое и пунктуационное оформление выбрал в переводе и информант 9.

Информанты 1, 5, 6, 7 и 8 выполнили перевод предложенного примера неточно, что можно проиллюстрировать, обратившись к переводу информанта 1:

N'nın analitik makalesi, ileride konuşacağımız ABD Devlet Başkanlık seçimleri, Suriye'deki savaş ve diğer uluslararası sorunlar gibi toplum açısından önemli konulara değmektedir.

... <i>ileri-de</i>	<i>konus-acağ-ımız</i>	<i>ABD</i>
... дальнейший-LOC	говорить-SAF-POSS1PL	США
<i>Devlet</i>	<i>Başkanlık</i>	<i>seçim-ler-i ...</i>
государство	президентство	выбор-PL-POSS3SG ...

‘Аналитическая статья N затрагивает такие социально значимые темы, как выборы президента США, **о которых мы поговорим позже**, война в Сирии и другие международные проблемы’.

Информант 1 при переводе примера 2 образовал развернутое определение с формой на *-(y)AcAk*, часто называемой в исследованиях по турецкому языку также субстантивно-адъективной формой, от глагола *konuşmak* ‘говорить, разговаривать’, определяемым которого является словосочетание *ABD Devlet Başkanlık seçimleri* ‘выборы президента США’ — *ileride konuşacağımız ABD Devlet Başkanlık seçimleri* ‘выборы президента США, о которых мы поговорим позже’.

Данный перевод является неточным, поскольку в турецком языке развернутое определение, выраженное формами на *-Dik* и *-(y)AcAk*, само по себе не имеет выделительной, подчеркивающей функции, в отличие от определений, выраженных причастными оборотами и придаточными предложениями, вводимыми посредством союза *ki*.

Информанты 5, 6, 7 и 8 обратились к этой же конструкции.

Таким образом, 50% информантов перевели русское вводное предложение при помощи конструкции с формой на *-(y)AcAk*. Это свидетельствует о том, что перевод русского вводного предложения при помощи данных определительных конструкций является у обучающихся турецкому языку распространенной практикой, к которой, однако, не рекомендуется обращаться по причине, указанной выше.

(3) Директор в общих чертах рассказал о положении компании на рынке, структуре и составе работников и — **он не мог не коснуться этой темы** — об уровне дохода сотрудников компании.

Перевод носителя 1:

*Müdür şirketin pazardaki konumu, yapısı, çalışanları ve çalışanların maaş düzeyi, **ki buna temas etmeden olmazdı**, hakkında kabataslak açıklamalarda bulundu.*

... <i>çalış-an-lar-ın</i>	<i>maaş</i>	<i>düzey-i,</i>	<i>ki</i>
... работать-PC-PL-GEN	зарплата	уровень-POSS3SG	что.CONJ
<i>bu-na</i>	<i>temas</i>	<i>et-meden</i>	<i>ol-mazdı ...</i>
это-DAT	контакт	AUX-CV	быть-PST.IPFV ...

‘Директор в общих чертах рассказал о положении компании на рынке, ее структуре, сотрудниках и, **не коснуться этого было нельзя**, об уровне зарплат сотрудников’.

Носитель 1 при переводе образовал придаточное предложение с союзом *ki*, которое расположил после словосочетания *çalışanların maaş düzeyi* ‘уровень дохода сотрудников компании’. В данном случае придаточное предложение представляет собой безличную конструкцию, состоящую из отрицательного деепричастия на *-mAdAn* и вспомогательного глагола *olmak*, употребленного в 3 лице неопределенного имперфекта. Поскольку данная конструкция является безличной, собственного подлежащего она не имеет.

Перевод носителя 2:

*Müdür, şirketin piyasadaki konumunu, çalışanların durumunu ve pozisyonunu ana hatlarıyla anlattı ve şirket çalışanlarının gelir seviyeleri **konusuna değinmeden edemedi.***

... <i>şirket</i>	<i>çalış-an-lar-ı-nın</i>	<i>gelir</i>
... компания	работать-PC-PL-POSS3SG-GEN	доход
<i>seviye-ler-i</i>	<i>konu-su-na</i>	
уровень-PL-POSS3SG	вопрос-POSS3SG-DAT	
<i>değ-in-meden</i>	<i>ed-eme-di ...</i>	
касаться-CV	AUX-NEG.CAP-PST ...	

‘Директор в общих чертах рассказал о положении компании на рынке, структуре и составе работников, **он не мог не коснуться** и уровня дохода сотрудников компании’.

Носитель 2 при переводе перенес вводное предложение в конец главного предложения, образовав конструкцию двойного отрицания *-mAdAn edemetek* ‘не мочь не’ от глагола *değinmek* ‘затронуть, коснуться’. Необходимо отметить, что пример 3 был подобран из газетных материалов аналитического жанра, язык которых более близок к разговорному, чем язык других

общественно-публицистических жанров. Это, видимо, и послужило основанием для носителя использовать разговорную конструкцию *-mAdAn edemetek*.

Носитель 3 перевел этот пример с использованием тех же грамматических и синтаксических моделей, что и носитель 2.

Все информанты для передачи русского вводного предложения обратились к определительным конструкциям.

Перевод информанта 1:

Müdür, genel olarak şirketin piyasadaki durumu, çalışanların altyapısı ve kadroları, ve değmeden yapamadığı konu olan şirketin çalışanlarının gelir seviyesini anlattı.

... <i>değın-meden</i>	<i>yap-ama-dıđ-ı</i>	<i>konu</i>	<i>ol-an</i>
... касаться-CV	AUX-NEG.CAP-PP-POSS3SG	вопрос	быть-PC
<i>şirket-in</i>	<i>çalış-an-lar-ı-nın</i>	<i>gelir</i>	
компания-GEN	работать-PC-PL-POSS3SG-GEN	доход	
<i>seviye-si-ni ...</i>			
уровень-POSS3SG-ACC ...			

‘Директор в общих чертах рассказал о положении компании на рынке, структуре и составе работников и об уровне доходов сотрудников фирмы, **являющемся темой, которую он не мог не затронуть**’.

Информант 1 при переводе образовал причастный оборот *değmeden yapamadığı konu olan* ‘являющийся темой, которой он не мог не коснуться’ с причастием настоящего-прошедшего времени на *-(y)An* от глагола *konu olmak* ‘быть темой’, в состав которого входит развернутое определение с формой на *-Dık* от глагола *yapmak* ‘делать’. В переводе данного вводного предложения информант допустил две грубые ошибки:

1. Конструкция двойного отрицания (не мочь не), представляющая собой сочетание отрицательного деепричастия на *-mAdAn* и вспомогательного глагола *yapmak* в форме невозможности, насколько можно судить по конкретному языковому материалу, не встраивается в определительные конструкции, а может играть в предложении только роль сказуемого, что подтверждается в частности и приведенными выше примерами носителей 2 и 3, которые синтаксически перестроили предложение так, чтобы конструкция двойного отрицания была расположена на позиции сказуемого.

2. Причастный оборот расположен перед двухаффиксным изафетом *şirketin çalışanlarının gelir seviyesi* ‘уровень доходов сотрудников фирмы’, определением в котором является существительное *şirket* ‘компания’, определяемым — *çalışanlar* ‘сотрудники’. Данный тип изафета является раздвижным, т.е. каждый его член может иметь зависимые слова, в частности свое определение, вследствие чего, если определение расположено перед двухаффиксным изафетом, оно относится к первому, а не ко второму члену изафета,

т.е. в приведенном примере определение, выраженное причастным оборотом, относится к существительному *şirket* ‘компания’.

Отметим, что в переводах всех остальных информантов определительные конструкции также расположены в препозиции к двуаффиксному изафету, следовательно, ни один из информантов не выполнил перевод предложенного примера правильно.

Вследствие того, что в переводах других информантов, также обратившихся к определительным конструкциям при переводе русского вводного предложения, смысл исходного русского предложения еще более искажен и нарушены базовые правила грамматики турецкого языка, они не будут привлекаться к анализу в рамках данной статьи.

Таким образом, ни один из десяти информантов не выполнил перевод этого предложения правильно. Очевидно, что основной трудностью, с которой столкнулись информанты при переводе этого вводного предложения, явилось то, что в его состав входит конструкция двойного отрицания ‘не мочь не’. Другой трудностью для информантов оказалось установление синтаксической позиции определения к определяемому, входящему в состав конструкции двуаффиксного изафета. Неправильное монтирование определительных предложений, выраженных формами на *-Dlk* и *-(y)AcAk*, в состав двуаффиксного изафета является одной из наиболее часто встречающихся ошибок у изучающих турецкий язык.

Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать выводы о том, что:

- 1) ни один информант не перевел правильно все десять примеров, содержащих вводные предложения;
- 2) информанты при переводе русских вводных предложений допустили достаточно стандартные ошибки.

Все это свидетельствует о том, что перевод русских вводных предложений на турецкий язык традиционно представляет для обучающихся существенные сложности, в связи с чем преподавателю следует акцентировать внимание на способы перевода данных грамматических единиц, наиболее распространенными из которых, как было выявлено в ходе проведенного исследования, являются следующие:

1. Придаточное предложение, вводимое союзом *ki*, наиболее точно отражающее значение, передаваемое русским вводным предложением. Подчеркнем, что такое придаточное предложение обязательно должно иметь собственное подлежащее или быть безличным в случае, если подлежащие главного и придаточного предложения не совпадают. В качестве подлежащего в этом случае чаще всего выступает указательное местоимение *bu* ‘этот’.

2. Причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на *-(y)An*, который может сочетаться с лексическими средствами выделения, например, с наречием *özellikle* ‘особенно’.

Соотнося эти две конструкции, необходимо иметь в виду, что придаточное предложение с союзом *ki* может иметь выделительную функцию, в то время как причастный оборот с причастием на *-(y)An* — преимущественно определительную функцию со смысловым ударением, выраженным дополнительным лексическим средством. При выборе соответствующей конструкции следует также учитывать и стилистический фактор: придаточное предложение с союзом *ki*, как правило, употребляется в газетных текстах аналитического жанра, более эмоционально насыщенного, чем тексты информационного жанра, поэтому в случае затруднения при выборе правильной конструкции для перевода русского вводного предложения предпочтительнее обращаться к конструкции с причастием на *-(y)An* как стилистически более нейтральной.

Глоссы

- ABL — исходный падеж
- ACC — винительный падеж
- AUX — вспомогательный глагол
- CAP — форма возможности
- CAUS — понудительный залог
- CONJ — союз
- CV — деепричастие
- DAT — дательный падеж
- FUT — будущее категорическое время
- GEN — родительный падеж
- LOC — местный падеж
- NEG — отрицание
- PASS — страдательный залог
- PC — причастие настоящего — прошедшего времени на *-(y)An*
- PL — множественное число
- POSS — посессивный показатель
- PP — причастие прошедшего времени на *-Dik*
- PST — прошедшее категорическое время
- PST.IPFV — неопределенный имперфект
- REFL — возвратный залог
- SAF — показатель субстантивно-адъективной формы
- SG — единственное число
- VN — имя действия
- 1 — первое лицо
- 2 — второе лицо
- 3 — третье лицо

Библиографический список

1. Çeviribilim / I. Bengi-Öner (Ed.). Bursa, 1995.
2. Türkçe ve Çeviri Sorunları Çalıştayı. 7—9 Mart 2008. Ankara, 2010.
3. Köksal D. Çeviri Eğitimi: Kuram ve Uygulama. Ankara, 2005.
4. Çakır A. Teaching Translation. Çeviri Öğretimi. İstanbul, 2006.
5. Eser O. Düşünceden Pratiğe Çeviri. İstanbul, 2007.
6. Demirekin M. Çeviriyorum. Türkçede Çeviri Sorunları ve Eşdeğerlik. Konya, 2014.
7. İnce Ü., Dizdar D. Çeviri Atölyesi. Çeviride Tuzaklar. İstanbul, 2017.

8. *Yalçın P.* Çeviri Dersinde Öğrencilerin Karşılaştıkları Belli Başlı Problemler // *Türk Eğitim Bilimleri Dergisi*. 2003. Issue 1(4). Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/en/pub/tebd/issue/26130/275244> (дата обращения: 15.10.2020).
9. *Keskin A.* Çeviribilim Tartışmaları Gölgesinde Çeviri Öğretimi ve Çeviri Didaktiği Gereksinimi // *Trakya Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 2010. Issue 12(2). P. 229—248.
10. *Durukan E.* Çeviri Odaklı Karşılaştırmalı Dilbilgisinin Temel Çeviri Becerisi Edinimindeki Önemi // *Dil Eğitimi ve Araştırmaları Dergisi*. 2016. Issue 2(2). P. 41—52.
11. *Kozan O.* Çeviri Eğitiminde Türkçenin Dil Bilgisi: İşlevsel Yaklaşım // *SEFAD*. 2019. Issue 41. P. 143—156.
12. *Hacettepe Üniversitesi Çeviribilim ve Uygulamaları Dergisi*. Режим доступа: <http://www.ceviribilim.hacettepe.edu.tr/tr> (дата обращения: 15.10.2020) и <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ceviri> (дата обращения: 15.10.2020).
13. *Yıldız C.* Yazılı Basında Metin ve Manşet. Basın Dili Üzerine Bir Araştırma. İstanbul, 2000.
14. *Yağbasan M., Demir Ü.* Basın Dili ve Gazete Manşetlerinin Dilbilimsel Analizi // *E-Journal of New World Sciences Academy Social Sciences*. 2008. Issue 3(1). P. 145—127.
15. *Öztürk B.* Bir Siyasal İletişim Aktörü Olarak Yazılı Basının Kullanımı: 07 Haziran 2015 Genel Seçiminde Cumhuriyet, Hürriyet, Ortadoğu, Özgür Gündem, Yeni Şafak Gazetelerinin Manşetleri Üzerine Bir Araştırma. Doktora Tezi. Ankara: Gazi Üniversitesi, 2015.
16. *Zeyrek D.* Gazete Haber Başlıklarının İnceleme Denemesi // *Dilbilim Araştırmaları*. Ankara, 1992. P. 59—69.
17. *Can A.* Basın Dili // *Sosyal Ekonomik Araştırmalar Dergisi*. 2003. Issue 3(5). P. 33—39.
18. *Dönmez İ.H.* (2010). İnternet Haberciliğinde Tıklanma Kaygısı ve «Kapan» Manşetler // *Akdeniz Üniversitesi İletişim Fakültesi Dergisi*. 2010. Issue 14. P. 105—127.
19. *Uçak O.* Siyaset Haberlerinde Çatışma ve Denge Unsuru // *NWSA-Humanities*. 2013. Issue 8(2). P. 252—263.
20. *Ulum Ö.G.* Newspaper Ideology: A Critical Discourse Analysis of News Headlines On Syrian Refugees in Published Newspapers // *Turkish Studies*. 2016. Issue 11(15). P. 541—552.
21. *Kozan O.* Haber Metinleri: Türkçe-Rusça Çeviri Uygulamaları. Ankara, 2020.
22. *Özgür A.* İngilizce-Türkçe Haber Çeviri Teknikleri. Alanya, 2011.
23. *Алексеева О.А.* Темпоральная организация новостных материалов в современных турецких СМИ // *Вопросы тюркской филологии*. Выпуск XIII: материалы Дмитриевский чтений. М., 2020. С. 50—66.
24. *Грунина Э.А.* Учебное пособие по переводу для III—IV курсов. М., 1981. (рукопись)
25. *Кузнецов П.И.* Турецкий язык. Курс общего перевода. М., 1973.
26. *Оганова Е.А., Воробьева С.Н.* Турецкий язык: учебное пособие по переводу турецко-русской прессы. М., 2020.
27. *Репенкова М.М.* Турецкий язык в газетном дискурсе: учебное пособие по переводу турецких и русских газетных текстов. М., 2016.
28. *Аватков В.А.* Турецкий язык: учебное пособие по военно-политическому переводу. М., 2016.
29. *Софронова Л.В.* Турецкий язык — I. Общественно-политический перевод: учебное пособие. М., 2019.
30. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М., 1975.
31. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Учебное пособие. М., 2002.
32. *Алимов В.В.* Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): учебное пособие. М., 2005.
33. *Алимов В.В.* Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: учебное пособие. М., 2005.

References

1. Bengi-Öner, I. (ed.) (1995). *Çeviribilim*. Bursa.

2. *Türkçe ve Çeviri Sorunları Çalıştayı*. (2010). 7—9 Mart 2008. Ankara.
3. Köksal, D. (2005). *Çeviri Eğitimi: Kuram ve Uygulama*. Ankara.
4. Çakır, A. (2006). *Teaching Translation. Çeviri Öğretimi*. İstanbul.
5. Eser, O. (2007). *Düşünceden Pratiğe Çeviri*. İstanbul.
6. Demirekin, M. (2014). *Çeviriyorum. Türkçede Çeviri Sorunları ve Eşdeğerlik*. Konya.
7. İnce, Ü. & Dizdar, D. (2017). *Çeviri Atölyesi. Çeviride Tuzaklar*. İstanbul.
8. Yalçın, P. (2003). Çeviri Dersinde Öğrencilerin Karşılaştıkları Belli Başlı Problemler. *Türk Eğitim Bilimleri Dergisi*, 1(4). URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/tebd/issue/26130/275244> (accessed: 15.10.2020).
9. Keskin, A. (2010). Çeviribilim Tartışmaları Gölgesinde Çeviri Öğretimi ve Çeviri Didaktiği Gerekisini. *Trakya Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 12(2), 229—248.
10. Durukan, E. (2016). Çeviri Odaklı Karşılaştırmalı Dilbilgisinin Temel Çeviri Becerisi Edinimindeki Önemi. *Dil Eğitimi ve Araştırmaları Dergisi*, 2(2), 41—52.
11. Kozan, O. (2019). Çeviri Eğitiminde Türkçenin Dil Bilgisi: İşlevsel Yaklaşım. *SEFAD*, 41, 143—156.
12. *Hacettepe Üniversitesi Çeviribilim ve Uygulamaları Dergisi*. URL: <http://www.ceviribilim.hacettepe.edu.tr/tr> (accessed: 15.10.2020) & <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ceviri> (accessed: 15.10.2020).
13. Yıldız, C. (2000). *Yazılı Basında Metin ve Manşet. Basın Dili Üzerine Bir Araştırma*. İstanbul.
14. Yağbasan, M. & Demir, Ü. (2008). Basın Dili ve Gazete Manşetlerinin Dilbilimsel Analizi. *E-Journal of New World Sciences Academy Social Sciences*, 3(1), 145—127.
15. Öztürk, B. (2015). *Bir Siyasal İletişim Aktörü Olarak Yazılı Basının Kullanımı: 07 Haziran 2015 Genel Seçiminde Cumhuriyet, Hürriyet, Ortadoğu, Özgür Gündem, Yeni Şafak Gazetelerinin Manşetleri Üzerine Bir Araştırma*. Doktora Tezi. Ankara: Gazi Üniversitesi.
16. Zeyrek, D. (1992). Gazete Haber Başlıklarını İnceleme Denemesi. *Dilbilim Araştırmaları*. Ankara. pp. 59—69.
17. Can, A. (2003). Basın Dili. *Sosyal Ekonomik Araştırmalar Dergisi*, 3(5). 33—39.
18. Dönmez, İ.H. (2010). İnternet Haberciliğinde Tıklanma Kaygısı ve «Kapan» Manşetler. *Akdeniz Üniversitesi İletişim Fakültesi Dergisi*, 14, 105—127.
19. Uçak, O. (2013). Siyaset Haberlerinde Çatışma ve Denge Unsuru. *NWSA-Humanities*, 8(2), 252—263.
20. Ulum, Ö.G. (2016). Newspaper Ideology: A Critical Discourse Analysis of News Headlines On Syrian Refugees in Published Newspapers. *Turkish Studies*, 11(15), 541—552.
21. Kozan, O. (2020). *Haber Metinleri: Türkçe-Rusça Çeviri Uygulamaları*. Ankara.
22. Özgür, A. (2011). *İngilizce-Türkçe Haber Çeviri Teknikleri*. Alanya.
23. Alekseeva, O.A. (2020). Temporal Organization of News Materials in Modern Turkish Media. *Issues of Turcic Philology. Issue XIII: Materials of Dmitriev Memorial Lectures*. Moscow. pp. 50—66. (In Russ.).
24. Grunina, E.A. (1981). *Translation Guide for Years 3—4*. Manuscript. Moscow. (In Russ.).
25. Kuznetsov, P.I. (1973). *Turkish language. General Translation Course*. Moscow. (In Russ.).
26. Oganova, E.A. & Vorobeva, S.N. (2020). *Turkish Language: A Study Guide for Translation of Turkish and Russian Press*. Moscow. (In Russ.).
27. Repenkova, M.M. (2016). *Turkish in Newspaper Discourse: A Study Guide for Translating Turkish and Russian Newspaper Texts*. Moscow. (In Russ.).
28. Avatkov, V.A. (2016). *Turkish: Study Guide for Military-Political Translation*. Moscow. (In Russ.).
29. Sofronova, L.V. (2019). *Turkish language — I. Translation of Social and Political Texts: Textbook*. Moscow. (In Russ.).
30. Barkhudarov, L.S. (1975). *Language and translation*. Moscow. (In Russ.).
31. Komissarov, V.N. (2002). *Modern Translation Studies. A Study Guide*. Moscow. (In Russ.).

32. Alimov, V.V. (2005). *Language Interference in Translation (Case Study of Professional Intercultural Communication and Translation in Professional Communication): Study Guide*. Moscow. (In Russ.).
33. Alimov, V.V. (2005). *Theory of Translation. Translation in Professional Communication: A Study Guide*. Moscow. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Оганова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент Турецкого лингвистического общества (г. Анкара, Турция); *сфера научных интересов*: методика преподавания иностранных языков, грамматика современного турецкого языка, переводоведение, современная турецкая драматургия; *e-mail*: ova8@yandex.ru. Идентификатор ORCID iD: 0000-0002-6172-3494. eLIBRARY SPIN-код: 9935-4093.

Алексеева Ольга Андреевна, аспирант кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова; *сфера научных интересов*: тюркология, турецкий язык, лингвистика; *e-mail*: worksign@yandex.ru. Идентификатор ORCID iD: 0000-0003-1533-2924. eLIBRARY SPIN-код: 5154-1756.

Information about the authors:

Elena A. Oganova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Turkic Philology for the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Fellow of Turkish Language Association (Ankara, Turkey); *research interests*: methodology of foreign languages teaching, grammar of modern Turkish language, translation studies, modern Turkish dramaturgy; *e-mail*: ova8@yandex.ru. ORCID iD: 0000-0002-6172-3494. eLIBRARY SPIN-код: 9935-4093.

Olga A. Alekseeva, Postgraduate Student of the Department of Turkic Philology for the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University; *research interests*: Turkology, Turkish language, linguistics; *e-mail*: worksign@yandex.ru. ORCID iD: 0000-0003-1533-2924. eLIBRARY SPIN-код: 5154-1756.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-89-104
УДК 811.111'36

Научная статья / Research article

Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике

Н.В. Новоспасская^{1*}, А.А. Авагян^{1, 2}

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
*novospasskaya-nv@rudn.ru

²Российский государственный университет туризма и сервиса,
141221, Российская Федерация, Московская обл., дп. Черкизово, ул. Главная, 99

Аннотация. Содержатся результаты исследования, посвященного вопросу грамматикализации, понимаемой как переход от лексического знака к грамматическому. Цель исследования заключается в определении и описании существующих подходов к идее однонаправленности, а также выявлении текущей тенденции в отношении этого свойства грамматикализации. Применяемая методология включает содержательный анализ подходов к вопросу однонаправленности, их обобщение, а также анализ развития некоторых единиц, подвергающих сомнению идею однонаправленности грамматикализации. Актуальность исследований в области грамматикализации обусловлена нарастающим интересом отечественных и зарубежных лингвистов к изучению грамматических изменений и сохраняющимися расхождениями в определении основных свойств одного из таких изменений — грамматикализации, как и отсутствием единообразия на уровне используемой исследователями терминологии. Теоретической базой послужили работы таких лингвистов, как Т. Гивон, К. Леман, Т. Линдстрём, Э. Трауготт, Б. Хайне и других. Известно, что в отечественном языкознании почти не поднимается вопрос об однонаправленности грамматикализации, зачастую воспринимаемой как неотъемлемое свойство этого процесса. Результаты исследования показали тенденцию к принятию идеи однонаправленности и спорный характер примеров, рассматриваемых в рамках опровержения анализируемой идеи, таких как инфинитивная частица *to*, глагол *to dare* и суффикс *-ish* в английском языке. Установлено, что правомерность использования таких терминов, как «деграмматикализация» и «лексикализация» в отношении противоположных грамматикализации процессов зависит от их понимания, а также значения термина «грамматикализация». Данное исследование является частью более масштабной работы, нацеленной на описание и анализ действия механизмов грамматикализации в германских языках.

Ключевые слова: грамматикализация, однонаправленность, лексикализация, антиграмматикализация, деграмматикализация, классификация деграмматикализации

© Новоспасская Н.В., Авагян А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 20.11.2020

Дата приема в печать: 08.01.2021

Для цитирования:

Новоспасская Н.В., Авагян А.А. Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 89—104. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-89-104

UDK 811.111'36

The Unidirectionality of Grammaticalization in Modern Linguistics

Natalia V. Novospasskaya^{1*}, Asmik A. Avagyan^{1,2}

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

*Corresponding author: novospasskaya-nv@rudn.ru

²Russian State University of Tourism and Service,
99, Glavnaya str., Cherkizovo settlement, Moscow region, Russian Federation, 141221

Abstract. The present article contains the results of study on unidirectionality of grammaticalization which is understood as a shift from lexical to grammatical signs. The research aims to find out and describe present approaches to the unidirectionality idea and identify the current tendency in attitudes towards this property of grammaticalization. The research methodology includes a content analysis of approaches to the unidirectionality issue, their generalization and analysis of some units questioning the unidirectionality of grammaticalization. The relevance of grammaticalization studies is due to a growing interest of Russian and foreign linguists in grammatical changes, current differences in identifying the main properties of such change as grammaticalization and terminological variation. The theoretical framework of this study is based on the research by T. Givón, Ch. Lehmann, T. Lindström, E. Traugott, B. Heine and other famous linguists working in the field of grammaticalization. It is noted that the issue of unidirectionality of grammaticalization is almost ignored in Russian linguistics where unidirectionality is often seen as an integral property of this process. The study results have shown the tendency to accepting the unidirectionality idea and a controversial nature of some examples used to overturn this idea. Such examples include English infinitival *to*, the verb *to dare* and the suffix *-ish*. It has been established that the terms 'degrammaticalization' and 'lexicalization' used to refer to processes opposite to grammaticalization can be considered reasonable depending on their understanding and the meaning of the term 'grammaticalization'. This study is a part of a more extensive research aimed to describe and analyze the mechanisms of grammaticalization in Germanic languages.

Keywords: grammaticalization, unidirectionality, lexicalization, antigrammaticalization, degrammaticalization, classification of degrammaticalization

Article history:

Received: 20.11.2020

Accepted: 08.01.2021

For citation:

Novospasskaya, N.V. & Avagyan, A.A. (2021). The Unidirectionality of Grammaticalization in Modern Linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 89—104. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-89-104

Введение

В современной лингвистике все больше внимания уделяется теме грамматикализации, в наиболее общем виде представляющей собой переход от лексического знака к грамматическому. Грамматикализацию можно исследовать как в синхронической, так и в диахронической перспективе. В первом случае грамматикализация рассматривается как исторический процесс превращения лексических единиц в грамматические. Во втором случае грамматикализация изучается как явление, широко представленное в современных языках. В теории грамматикализации особую значимость имеет первый подход. В связи с неоднозначностью определений понятия грамматикализации на сегодняшний день существуют расхождения и в описании его ключевых характеристик. Так, одним из спорных остается вопрос об однонаправленности грамматикализации.

Мнения исследователей относительно этого свойства грамматикализации расходятся. Одни лингвисты принимают однонаправленность как данность, неотъемлемый компонент грамматикализации, другие говорят о ней лишь на гипотетическом уровне, а третьи и вовсе ее отрицают, утверждая о наличии в языках примеров обратного движения по циклу грамматичности. При глубоком обосновании каждая из этих точек зрения имеет право на существование, хотя, как показывает настоящее исследование, большинство лингвистов все же поддерживают принцип однонаправленности. Тем не менее, даже принимая одну сторону в этом вопросе, исследователи вновь могут расходиться во мнениях, сосредоточив внимание на разных уровнях языка (фонетические, семантические, синтаксические изменения).

В связи с тем, что вопросы грамматикализации наиболее активно исследовались в американской и европейской лингвистике, данная статья преимущественно содержит ссылки на работы зарубежных авторов, таких как П. Хоппер и Э. Трауготт [1], А. Мейе [2], П. Кипарски [3] и др. Данное исследование ставит целью определение и описание существующих подходов к идее однонаправленности, а также выявление текущей тенденции в отношении этого свойства грамматикализации посредством анализа и обобщения рассматриваемых подходов, а также посредством анализа развития некоторых единиц, подвергающих сомнению идею однонаправленности грамматикализации. Актуальность исследований в области грамматикализации объясняется нарастающим интересом отечественных и зарубежных лингвистов к изучению грамматических изменений и сохраняющимися расхождениями в определении основных свойств одного из таких изменений — грамматикализации, а также расхождениями на уровне используемой исследователями терминологии.

Содержание принципа однонаправленности и его история

Однонаправленность подразумевает необратимость процесса грамматикализации, или, иными словами, движение в одном направлении по так называемому циклу грамматичности (знаменательная единица > грамматическое слово > клитика > флективный аффикс) [1. С. 7]. Если содержание первого элемента данной цепи — знаменательной (полнозначной) единицы — не вызывает сомнений, то оставшиеся три понятия данного цикла требуют пояснения. Под грамматическим словом чаще всего подразумевается слово служебной части речи, выполняющее в предложении исключительно грамматическую функцию. Примером подобных слов в английском языке служат также вспомогательные глаголы, участвующие в формировании вопросительных и отрицательных предложений, например, *do* и *did*. Клитики, будучи грамматически самостоятельными, но фонологически зависимыми словами, достаточно распространены в английском языке (*'s: it's; 've: I've*). Наконец, флективные аффиксы служат показателями таких грамматических категорий, как род, число, падеж и др. В английском языке к ним относятся окончание *-s* существительных в форме множественного числа, суффиксы *-er* и *-est* сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных.

Следует отметить, что не все единицы полностью проходят цикл грамматичности. Так, развитие английского глагола *will* остановилось на третьем этапе. Будучи глаголом со значением волеизъявления, данный глагол подвергся десемантизации, став грамматическим словом, и превратился в клитику *'ll: I'll find her*.

Несмотря на то, что история изучения грамматических изменений берет свое начало еще в XV веке, сам термин «грамматикализация» впервые был использован лишь в 1912 году в статье французского лингвиста Антуана Мейе [2] и несколько десятилетий не упоминался в работах зарубежных или отечественных лингвистов. Известный лингвист П. Кипарски считает, что первая формулировка гипотезы однонаправленности принадлежит именно А. Мейе [3. С. 16]. Определяя грамматикализацию как «наделение грамматическими признаками ранее самостоятельного слова» [2. С. 131], французский лингвист отмечал два важных свойства этого процесса. Во-первых, речь шла о его развитии в одном (зафиксированном) направлении к обретению грамматических признаков. Во-вторых, подчеркивалось, что грамматикализация часто сопровождается фонологическим ослаблением грамматикализованного элемента и, по всей видимости, никогда не характеризуется усилением. Именно эти обобщения П. Кипарски призывает рассматривать как гипотезу однонаправленности несмотря на то, что А. Мейе не использовал сам термин «однонаправленность» (англ. *unidirectionality*, франц. *unidirectionnalité*).

После долгого перерыва интерес к исследованиям грамматикализации был возрожден лишь в середине 70-х гг. XX века, в связи с чем эту область лингвистики можно назвать относительно молодой. Тем не менее, как отмечают американские лингвисты П. Хоппер и Э. Трауготт, первые споры относительно

гипотезы однонаправленности возникли только в 1990-х гг. [1. С. 7]. Так, в 1992 г. была опубликована первая значимая работа, открыто посвященная деграмматикализации, автором которой стал итальянский лингвист П. Рамат [4].

В 1998 г. вышел сборник под редакцией Ф. Ньюмейера, подогревший интерес к вопросам направленности грамматических изменений [5]. В одной из глав книги (“*Deconstructing grammar*”, “Деконструируя грамматику») он утверждает, что «нет такого понятия, как деграмматикализация, по крайней мере пока она рассматривается как отдельное явление, требующее четкого свода принципов для обоснования» [5. С. 226]. Другой американский лингвист, Д. Лайтфут, назвал поиски однонаправленности «пережитком 19 века» [6], что также сконцентрировало внимание лингвистов на вопросе однонаправленности и послужило толчком к многочисленным исследованиям в этой области [7; 8; 9; 10; 11]. Своеобразным итогом этих исследований стала монография М. Норд под названием “*Degrammaticalization*”, изданная в 2009 г. [12]. В последние годы это по-прежнему актуальное и спорное свойство деграмматикализации стало объектом многочисленных исследований преимущественно в зарубежной лингвистике. Несмотря на широкий спектр языков, на материале которых доказывается или опровергается идея однонаправленности, чаще всего исследованиям подлежат единицы английского языка [13; 14].

В современных работах в области деграмматикализации иногда упоминается такое свойство, как однонаправленность. Так, Т.А. Майсак называет принцип однонаправленности достаточно сильным, отмечая существование единичных случаев обратного развития единиц (исключений), получившего название деграмматикализации [15. С. 41]. При этом исследователь ссылается исключительно на зарубежных авторов, таких как К. Леман, Б. Хайне, П. Хоппер, Э. Трауготт, так как именно в немецкой и американской лингвистике активно изучались случаи деграмматикализации, а в отечественном языкознании однонаправленность рассматривается скорее как «встроенное» свойство деграмматикализации или вовсе не упоминается в работах по деграмматикализации [16; 17].

Сторонники идеи однонаправленности

Среди сторонников идеи однонаправленности такие известные исследователи, как Т. Гивон [18], К. Леман [19], М. Хаспельмат [10; 11], Б. Хайне и его коллеги [20]. Примечательно, что в первых работах, посвященных теме деграмматикализации, однонаправленность как свойство деграмматикализации не подчеркивалась. Несмотря на это, они содержали анализ единиц, развивавшихся лишь в одном направлении, и этому есть логическое объяснение: деграмматикализация по определению считалась изменением только от лексического к грамматическому знаку. Таким образом, однонаправленность долгое время была свойством, присущим деграмматикализации «по умолчанию». Эту точку зрения разделяет К. Кови [21], ссылаясь на определения деграмматикализации П. Хоппера и Э. Трауготт [22] и многих других исследователей:

«...переходы в определенных языковых контекстах от лексической единицы к грамматической...» [22. С. 126];

Американские лингвисты П. Хоппер и Э. Трауготт утверждают, что с диахронической точки зрения предполагается, что грамматикализация представляет собой однонаправленное явление [1. С. 99]. Контрпримеры, по их мнению, единичны, в то время как доказательства гипотезы однонаправленности носят системный характер и зафиксированы в ряде языков. В одной из глав своей книги «Грамматикализация» П. Хоппер и Э. Трауготт описывают некоторые общие принципы однонаправленности, уделяя особое внимание таким диахроническим явлениям, как генерализация, декатегориализация, усиление грамматического статуса и обновление (замена). В то же время исследователи отмечают, что грамматикализация необязательно подразумевает движение по всему циклу грамматичности, ведь многие процессы застывают раньше завершения этого цикла, в связи с чем сложно определить направление их движения [1. С. 131]. Но стоит отметить и широко распространенное мнение о том, что как только изменение имело место, дальнейшее развитие единицы становится неизбежным, что тоже весьма неоднозначный факт, так как в современных языках можно обнаружить множество единиц, не прошедших все этапы грамматикализации (цикла грамматичности), при этом застывшие формы могут существовать на протяжении столетий, не подвергаясь дальнейшим изменениям.

По мнению Б. Хайне и его коллег, однонаправленность — это внутреннее свойство процесса грамматикализации, подразумеваемое в определениях большинства лингвистов и, в частности, в определении Е. Куриловича, ставшем классическим [20. С. 4]. В то же время Б. Хайне и др. не отрицают развития в противоположную сторону, однако отмечают, что анализируемые исследователями примеры составляют незначительную с точки зрения статистики часть. Одним из подобных примеров они считают случаи, когда время служит средством выражения пространственного значения, как, например, в нижеследующем предложении, в котором временные маркеры *still* и *already* получили пространственное значение:

Buffalo is still in the States, and Hamilton is already in Canada [20. С. 51]
'Буффало еще в США, а Хамильтон — уже в Канаде'.

Американский лингвист Т. Гивон, придерживаясь идеи однонаправленности, отмечал, что грамматикализация характеризуется потерей семантического и фонологического содержания, результат которой вполне ожидаем, а источник — нет. Аналогичным образом продукт процесса приобретения семантического и фонологического содержания, который был бы характерен при деграмматикализации, не ожидаем [18. С. 96].

Вопрос однонаправленности одновременно вызывает ряд других вопросов. Во-первых, если исследователи с давних времен рассматривали грамматикализацию как исключительно однонаправленное развитие языкового знака, то как называть обратное развитие единицы (если таковое возможно)?

Вероятно, в рамках гипотезы однонаправленности подобное развитие можно считать другим типом языковых изменений. Но в данном случае Т. Линдстрём [23] поднимает вопрос о статусе процессов, при которых субморфемный элемент приобретает грамматическую функцию, например, элемент *-ee-* в слове *feet*, который служит показателем множественного числа существительного.

Во-вторых, насколько целесообразно строгое разграничение двух разнонаправленных процессов: от лексического к грамматическому знаку и от грамматического к лексическому знаку? Ведь при целесообразности их рассмотрения как отдельных процессов встает вопрос о статусе изменений, способных на развитие в любом направлении.

По мнению Т. Линдстрём, возможным решением многих вопросов станет рассмотрение всех изменений в качестве одного процесса, подразумевающего более одного возможного направления, каждое из которых, естественно, потребует терминологического оформления [23]. Однако при таком решении важно еще обозначить критерии разграничения этих направлений языковых изменений. При отсутствии подобных критериев и рассмотрении разных направлений в рамках одного и того же процесса (грамматикализации) необходимо объяснить, почему они не могут быть классифицированы как разные процессы.

Противники идеи однонаправленности

Другая группа исследователей не поддерживает гипотезу однонаправленности, доказывая возможность обратного грамматикализации процесса. При этом, придерживаясь одной позиции в данном вопросе, лингвисты используют разные термины для обозначения одного и того же процесса, противоположного грамматикализации: лексикализация, деграмматикализация, антиграмматикализация. Так, известный польский и советский лингвист Е. Курилович называет этот процесс лексикализацией и приводит примеры, в которых словообразовательные категории грамматикализуются до словоизменительных и затем снова лексикализуются в словообразовательные [24. С. 52]. Например, он рассматривает совершенные формы английского языка со вспомогательным глаголом *to be*, на смену которым пришли формы со вспомогательным *to have*. Сохранившиеся формы старого перфекта в предложениях *he is come*, *he is gone* являются лексикализированными (архаичными) и несут оттенки значений, отличных от значений форм перфекта в предложениях *he has come*, *he has gone*. Обобщая приведенные в статье Е. Куриловича примеры, нужно отметить, что реализация обратного грамматикализации процесса происходит лишь в контексте рассматриваемых конструкций. Говорить о лексикализации глаголов *to be* и *to have* как таковых не представляется возможным, так как в процессе своего исторического развития они подверглись обратному процессу — грамматикализации. Подобный путь грамматикализации наблюдается не только в английском, но и в ряде других языков,

что обусловлено высокой частотностью глаголов бытия и обладания в этих языках. Более того, нельзя не отметить относительную редкость употребления рассматриваемых Е. Куриловичем форм перфекта, которые стали исключениями в современном английском языке и послужили примером явления, также считающегося довольно редким, — лексикализации.

Термин «деграмматикализация» был впервые использован К. Леманом для обозначения несуществующего явления, противоположного грамматикализации [19]. Сегодня лингвисты продолжают использовать этот термин, однако, помимо обнаружения и анализа единиц, подверженных противоположным грамматикализации процессам, противниками идеи однонаправленности предпринимаются попытки их классифицировать несмотря на то, что подобные единицы проходят эти процессы лишь в отдельных языках, не образуя закономерностей в ряде родственных или неродственных языков. Например, современный лингвист М. Норд [25] различает первичную и вторичную деграмматикализацию и отмечает, что грамматикализация и деграмматикализация отличаются не только направлением изменения, но и в отношении частотности и кросс-лингвистического сходства. Так, грамматикализация широко известна как распространенное явление, встречающееся в ряде родственных и неродственных языков. Деграмматикализация, в свою очередь, представляет собой менее частотное явление, не образующее цепочки, то есть одно изменение не влечет за собой последующее, как при грамматикализации. М. Норд приводит следующее определение этого явления: «сложное изменение, при котором в определенном контексте усиливается автономность грама или содержание единицы на одном или более языковых уровнях» [25]. Кроме того, лингвист пишет о «параметрах деграмматикализации», основываясь на терминологии, введенной К. Леманом применительно к процессу грамматикализации, среди которых выделяют следующие:

- 1) целостность: ресемантизация и фонологическое усиление;
- 2) парадигматичность: депарадигматизация;
- 3) парадигматическая вариативность: деоблигаторификация;
- 4) сфера действия: расширение сферы действия;
- 5) связанность: сокращение связанности;
- 6) синтагматическая вариативность: бóльшая синтаксическая свобода [25].

М. Норд отмечает, что не все параметры применимы в каждом случае деграмматикализации и их выявление зависит от его типа (первичная/вторичная деграмматикализация).

М. Хаспельмат не считает эти редкие примеры случаями деграмматикализации, которые он также предлагает классифицировать в связи с их разнородностью, и вместо этого использует термин «антиграмматикализация», подразумевающий изменения, ведущие от конечной точки к начальному положению грамматикализации и проходящие те же промежуточные этапы, что и при грамматикализации [11. С. 27—28]. Под тем же термином «антиграмматикализация» Л. Бринтон и Э. Трауготт понимают изменения, которые

постепенно ведут от менее грамматического к более грамматическому, в результате чего увеличивается автономность формы и зачастую понижается её продуктивность [26]. Как отмечают исследователи, антиграмматикализация не включает потерю грамматической категории. Примером этого довольно редкого явления является английское *'s*, служащее показателем притяжательного (родительного) падежа [26. С. 104; 11. С. 29]. Эта морфема носит статус одной из самых спорных в системе существительных в ряде германских языков, включая английский, и требует обращения к этимологии.

Как отмечает М. Норд, морфема *'s* восходит к среднеанглийскому суффиксу родительного падежа *-s/-es* [27. С. 1]. Он прибавлялся не ко всем существительным, а лишь к существительным мужского и среднего рода с основой на *-a*. Однако в XIII веке притяжательные местоимения стали употребляться после существительных в общем падеже, обозначавших обладателей, например, *the pupil his book* (книга ученика). Впоследствии подобные словосочетания подвергались фонетическому сокращению: *the pupil'is book*. Наконец, притяжательное местоимение упростилось до *-s* и в XV—XVI веках превратилось в аффикс — показатель принадлежности [28. С. 223]. Таким образом, этот пример деграмматикализации можно подвергнуть критике ввиду очевидного упрощения притяжательного местоимения *his* и возможной омонимии существующей в современном английском языке морфемы *'s* и окончания родительного падежа в среднеанглийском языке. В таком случае развитие данной морфемы можно рассматривать как пример грамматикализации — переход от лексического знака (местоимение) к грамматическому (морфема-показатель категории падежа).

М. Хаспельмат также ссылается на превращение инфинитивного *to* в проклитику как один из примеров антиграмматикализации [11. С. 29]. Если обратиться к этимологии этого слова, можно обнаружить, что в древне- и среднеанглийский периоды слово *to* являлось предлогом и только с течением времени стало осмысляться как особая частица при инфинитиве [29]. Будучи переосмысленным, этот предлог утратил свое первоначальное значение и стал выполнять лишь грамматическую функцию показателя неопределенной формы глагола, подобно окончанию *-ть* в русском языке. На первый взгляд может показаться, что это типичное развитие единицы при грамматикализации, однако, как отмечает О. Фишер в своем исследовании, к концу среднеанглийского периода развитие пошло в обратную сторону: исчезли все структуры, используемые в древнеанглийский период (усиление при помощи другого предлога: *for to + Inf.*, ср. совр. *in order to* 'для того чтобы'), характеристики, присущие грамматикализации, а также произошли новые изменения, свидетельствующие о возрождении семантической независимости единицы *to*: появление расщепленного инфинитива (*I need to quickly finish this work* 'Мне нужно быстро завершить эту работу'), отсутствие сужения сферы распространения *to* при использовании двух инфинитивов (*I need to go and finish this work* 'Мне нужно пойти и завершить эту работу') и отсутствие потери

семантической целостности [30]. В целом, аргументы в пользу признания этого примера случаем деграмматикализации весьма убедительны, однако только при глубоком анализе истории развития инфинитива с *to* с конца среднеанглийского периода до настоящего времени, так как рассмотрение более ранних этапов развития единицы позволяет проследить все этапы классического пути грамматикализации — от единицы с локативным значением до грамматической единицы, лишенной лексического значения.

Другим спорным примером деграмматикализации служит английский глагол *dare* («осмелиться»). Обращаясь к истории данной единицы, Ф. Бетс (1999) отмечает, что она восходит к древнеанглийскому полнозначному глаголу, который приобрел модальные свойства, сохранившиеся до раннеанглийского периода [31]. К этим модальным свойствам относятся отсутствие формы инфинитива, усиливающееся деонтическое значение и употребление без вспомогательного глагола *do*. По утверждению Ф. Бетс, в современном английском языке *dare* используется исключительно как полнозначный глагол [31]. Тем не менее, при обращении к словарю можно обнаружить модальное значение глагола *dare* ‘иметь смелость сделать что-либо’, обычно используемого с инфинитивом, причем часто в форме отрицания: *a story he dare not write down* ‘история, которую он не осмелился записать’¹. Особенность этого глагола в том, что он может иметь форму прошедшего времени (*dared*), но в форме третьего лица единственного числа в настоящем времени не прибавляет окончание *-s*. Его по праву можно назвать полумодальным глаголом, так как он может функционировать и как модальный, и как самостоятельный глагол.

Э. Трауготт, будучи сторонником идеи однонаправленности грамматикализации, отрицает факт становления полнозначного глагола *dare*, считая его по-прежнему модальным [33]. Однако, даже если предположить, что модальный глагол *dare* вышел из употребления, этот случай не является примером деграмматикализации, так как употребления модального и полнозначного глаголов всегда сосуществовали, что означает отсутствие доказательств того, что (новый) полнозначный глагол был образован от модального. Вслед за Э. Трауготт М. Хаспельмат не рассматривает глагол *dare* как пример, опровергающий идею однонаправленности грамматикализации, и называет тип изменений, при котором более грамматикализованные употребления становятся менее частотными или устаревают, а менее грамматические употребления возрастают, сокращением (англ. *retraction*) [11. С. 33]. С мнением этих лингвистов сложно не согласиться, так как в соответствии с определением деграмматикализации, приведенным выше, необходимо развитие от более грамматикализованных функций к менее грамматикализованным, что не наблюдается в случае с глаголом *dare*. Параллельное существование модального и полнозначного глагола *dare*, в свою очередь, не позволяет достоверно

¹ URL: <https://www.lexico.com/definition/dare>

определить этимологию последнего. В связи с этим сделать однозначный вывод о наличии или отсутствии деграмматикализации представляется невозможным.

Помимо обнаружения и анализа единиц, подверженных противоположным грамматикализации процессам, противниками идеи однонаправленности предпринимались попытки их классифицировать несмотря на то, что подобные единицы проходят эти процессы лишь в отдельных языках, не являясь системными. Например, М. Норд, кроме вышеупомянутого деления деграмматикализации на первичную и вторичную, вводит два подтипа вторичной грамматикализации: в одном из них наблюдается только сокращение связанности, а во втором имеют место и другие изменения. Также лингвист классифицирует деграмматикализацию в рамках уровней Андерсена и утверждает, что она наблюдается на трех из них:

1) уровень содержания: переход от грамматического содержания к лексическому — деграммация (англ. *degrammation*);

2) содержательно-синтаксический уровень: переход от «более грамматического» к «менее грамматическому» или движение за пределами парадигмы, сопровождаемое изменением грамматического содержания, — дефлексионализация (англ. *deinflectionalization*);

3) морфосинтаксический уровень: переход от связанной морфемы (аффикс, клитика) к свободной — ослабление связанности, «дебондинг» (англ. *debonding*) [25].

Деграмматикализация на первом уровне является первичной, а на втором и третьем уровнях имеет место деграмматикализация первого и второго подтипов вторичной грамматикализации соответственно. В исследовании М. Норд рассматриваются примеры деграмматикализации на каждом из вышеупомянутых уровней.

На уровне содержания в качестве примера деграммации приводится слово *wotte* в пенсильванско-немецком диалекте, используемом в графстве Ватерлоо (Канада). Данный полнозначный глагол со значением волеизъявления стал результатом развития формы прошедшего времени сослагательного наклонения модального глагола *welle* («хотеть») и активно используется в качестве синонима глагола *winsche* («желать»). Доказательством деграмматикализации служит отсутствие многих морфосинтаксических свойств, не присущих *wotte* как модальному глаголу, и семантический сдвиг от модального значения («хотел бы») до лексического («желать»). Задолго до публикации работы К. Лемана этот глагол был детально исследован австралийским лингвистом К. Барридж [33]. Примечательно, что она не употребляет термин «деграмматикализация» в отношении глагола *wotte*. В то же время исследователь и не ссылается на другие термины, а лишь доказывает, что это истинный случай обратного грамматикализации процесса, нарушающий принцип однонаправленности.

На содержательно-синтаксическом уровне, на котором происходит так называемая «дефлексионализация», М. Норд приводит в пример морфему ‘s

в английском и шведском языках, служащую для образования генитива (родительного падежа) и представленную ранее в этой статье. В данном случае произошел переход от аффикса к клитике, который рассматривается как пример дефлексионализации, однако этот случай является достаточно спорным и может быть рассмотрен как пример грамматикализации (см. выше).

На морфосинтаксическом уровне одним из примеров деграмматикализации служит английский суффикс *-ish*, использующийся в качестве свободной морфемы, которая может быть отделена от прилагательного. По мнению М. Норд, этот случай не стоит считать примером лексикализации аффикса (подобно *isms*) по двум причинам. Во-первых, лексикализованные аффиксы становятся, как правило, частью знаменательных слов, преимущественно глаголов и существительных. Во-вторых, лексикализованные суффиксы становятся гиперонимами всех слов, содержащих данные суффиксы (например, *isms*: суффикс *-ism* встречается во всех словах, обозначающих некие идеологии: *communism, fascism*) [25]. Однако при обращении к словарю можно найти несколько значений самостоятельного слова *ish*. Как наречие оно может иметь значение «в некоторой степени» и используется в разговорной речи с 1980-х гг. Как существительное это слово может служить сокращением от слова *issue* ‘выпуск (журнала)’, появившемся в языке в 1940-х гг., или же являться эвфемизмом (ср. *shit* ‘чёрт’), образованным в 1990-х гг.

2

Оба значения существительного *ish* также употребляются в разговорной речи, причем второе характерно для американского варианта английского языка. Таким образом, следуя классическому пониманию термина «лексикализация», рассматриваемую единицу можно обоснованно считать лексикализованной, так как морфема стала самостоятельным словом, наделенным лексическим значением, что, как очевидно из словарной статьи, произошло в языке относительно недавно. Вопрос о том, иллюстрирует ли данный случай противоположный грамматикализации процесс, потребует глубокого анализа исторического развития единицы с более раннего периода до современного состояния.

Заключение

Обзор зарубежной литературы по теме грамматикализации позволяет сделать вывод о том, что найденные примеры обратных грамматикализации процессов случайны, не образуют отдельные семантические группы, а также не обнаруживают кросс-лингвистического сходства. Более того, некоторые примеры представляют собой достаточно редкие, архаичные или разговорные формы, что также позволяет считать обратный грамматикализации процесс исключением. На основании этих выводов целесообразно признать обоснованной идею однонаправленности грамматикализации, широко распространенную

² URL: <https://www.lexico.com/definition/ish>

среди большинства современных лингвистов. В то же время стоит признать обоснованность некоторых случаев, противопоставляемых грамматикализации, так как отдельные единицы действительно проходят в своем развитии обратный путь от грамматической до лексической единицы.

В отечественной и зарубежной лингвистике наряду с исследованиями, в которых по меньшей мере упоминается такое свойство грамматикализации, как однонаправленность, существуют и работы, в которых этот вопрос вовсе не освещается. С одной стороны, это позволяет заключить, что однонаправленность воспринимается как данность, неотъемлемое свойство рассматриваемого процесса, не подлежащее анализу. С другой стороны, это может свидетельствовать об отсутствии сформированной точки зрения относительно этого вопроса.

Наиболее часто проблема однонаправленности грамматических изменений затрагивается в работах американских и европейских лингвистов. Среди них есть как сторонники, так и противники принципа однонаправленности. Вторая группа исследователей считает возможным развитие единиц в обратном грамматикализации направлении и использует такие термины, как лексикализация, деграмматикализация и антиграмматикализация. Кроме анализа примеров деграмматикализации, некоторые лингвисты предприняли попытку ее классификации, а также описания с точки зрения разных параметров. Отмечено, что деграмматикализация может проявляться на уровне содержания, на содержательно-синтаксическом и морфосинтаксическом уровнях. Однако, принимая во внимание хронологические рамки изданных ими работ, можно сделать вывод о тенденции к активному выявлению и анализу примеров противоположного грамматикализации процесса при сохранении общей тенденции к принятию идеи однонаправленности. Исследователями отмечается, что анализируемые примеры единичны, хотя и противоречат общепринятому свойству грамматикализации.

Библиографический список

1. *Hopper P.J., Traugott E.C.* Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
2. *Meillet A.* L'évolution des Formes Grammaticales // *Scientia (Rivista di scienza)*. 1912. Vol. 12. No. 26. P. 384—400. (Reprinted in *Meillet A.* *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris: Honoré Champion. 1965. P. 130—148).
3. *Kiparsky P.* Grammaticalization as optimization // *Grammatical change origins, nature, outcomes*, D. Jonas, J. Whitman, A. Garrett (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 15—51.
4. *Ramat P.* Thoughts on degrammaticalization // *Linguistics* 30. 1992. P. 549—560.
5. *Newmeyer F.J.* *Language form and language function*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
6. *Lightfoot D.* *The development of language: Acquisition, change, and evolution*. Oxford: Blackwell, 1999.
7. *Campbell L.* (ed.). Grammaticalization: A critical assessment // *Language Sciences*. 2001. Special issue. Vol. 23. no 2—3. P. 113—166.

8. *Janda R.D.* Beyond “Pathways” and “Unidirectionality”: on the discontinuity of language transmission and the counterability of grammaticalization // *Grammaticalization: A Critical assessment // Language Sciences*. 2001. Special issue. Vol. 23. no 2—3. P. 265—340.
9. *Joseph B.D.* Is there such a thing as “grammaticalization”? // *Language Sciences*. 2001. Special issue. Vol. 23. no 2—3. P. 163—186.
10. *Haspelmath M.* Why is grammaticalization irreversible? // *Linguistics*. 1999. no. 37 (6). P. 1043—1068.
11. *Haspelmath M.* On directionality in language change with particular reference to grammaticalization // *Up and down the cline. The nature of grammaticalization*. O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.). Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 17—44.
12. *Norde M.* Degrammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2009.
13. *Petré P.* Unidirectionality as a cycle of convention and innovation: Micro-changes in the grammaticalization of [be going to INF] // *Belgian Journal of Linguistics*. 2016. no. 30 (1). P. 115—146.
14. *Willis D.* Degrammaticalisation // *Cambridge handbook of historical syntax*. A. Ledgeway, I. Roberts (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
15. *Майсак Т.А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
16. *Никуфорова С.А.* Проблемы грамматикализации в немецком языке // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2012. Вып. 4. С. 197—203.
17. *Шутова С.В.* Грамматикализация: от лексического к грамматическому знаку (на материале немецкого языка) // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2015. no 4 (20). С. 17—26.
18. *Givón T.* Serial verbs and syntactic change: Niger-Congo // *Word order and word order change*. Ch. N. Li (ed.). Austin: University of Texas Press, 1975. P. 47—112.
19. *Lehmann Ch.* Thoughts on grammaticalization: A Programmatic Sketch. Köln, 1982.
20. *Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F.* Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
21. *Cowie C.* Grammaticalization and the snowball effect // *Language and communication*. 1995. no. 15 (2). P. 181—193.
22. *Hopper P.J., Traugott E. C.* Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
23. *Lindström T.* The history of the concept of grammaticalisation. Sheffield: University of Sheffield, 2004.
24. *Kurylowicz J.* The evolution of grammatical categories // *Diogenes*. 1965. no. 51. P. 55—71.
25. *Norde M.* Degrammaticalization. Three common controversies // *Grammaticalization and Language Change: New Reflections*. K. Davidse, T. Breban, L. Brems, T. Mortelmans (eds.). Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2012. P. 73—110.
26. *Brinton L. J., Traugott E. C.* Lexicalization and language change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
27. *Norde M.* The History of the Genitive in Swedish. A Case Study in Degrammaticalization. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 1997.
28. *Аракин В. Д.* История английского языка. М.: Физматлит, 2003.
29. *Аматов А.М., Гурова Ю.И.* Процесс становления английского инфинитива с точки зрения исторической лингвистики // *Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки»*. 2012. Вып. 15. no. 18 (137). С. 32—39.
30. *Fischer O.* Grammaticalisation: Unidirectional, non-reversible? The case of *to* before the infinitive in English // *Pathways of change: Grammaticalization in English (=Studies in Language Companion Series, 53)*. O. Fischer, A. Rosenbach, D. Stein (eds.). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 149—169.
31. *Beths F.* The history of *dare* and the status of unidirectionality // *Linguistics*. 1999. no 37(6). P. 1069—1110.

32. Traugott E. C. Legitimate counterexamples to unidirectionality. Freiburg: Freiburg University, 2001.
33. Burridge K. From modal auxiliary to lexical verb: The curious case of Pennsylvania German *wotte* // Historical linguistics. R.M. Hogg, L. van Bergen (eds.). Vol. 2. Germanic linguistics. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 19—33.

References

1. Hopper, P.J. & Traugott, E.C. (2003). *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Meillet, A. (1912). L'évolution des Formes Grammaticales. *Scientia (Rivista di scienza)*, 12 (26), 384—400. (Reprinted in Meillet, A. (1965). *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris: Honoré Champion, 130—148).
3. Kiparsky, P. (2011). Grammaticalization as optimization In D. Jonas, J. Whitman, A. Garrett (eds.) *Grammatical change origins, nature, outcomes*. Oxford: Oxford University Press. pp. 15—51.
4. Ramat, P. (1992). Thoughts on degrammaticalization. *Linguistics*, 30, 549—560.
5. Newmeyer, F.J. (1998). *Language form and language function*. Cambridge, MA: MIT Press.
6. Lightfoot, D. (1999). *The development of language: Acquisition, change, and evolution*. Oxford: Blackwell.
7. Campbell, L. (ed.) (2001). Grammaticalization: A critical assessment. *Language Sciences*, Special issue, 23 (2—3), 113—166.
8. Janda, R. D. (2001). Beyond “Pathways” and “Unidirectionality”: on the discontinuity of language transmission and the counterability of grammaticalization. In: L. Campbell (ed.), *Grammaticalization: A Critical assessment (special issue of Language Sciences, Special issue 23(2—3))*, 265—340.
9. Joseph, B. D. (2001). Is there such a thing as “grammaticalization”? *Language Sciences*, Special issue, (23 (2—3)), 163—186.
10. Haspelmath, M. (1999). Why is grammaticalization irreversible? *Linguistics*, 37 (6), 1043—1068.
11. Haspelmath, M. (2004). On directionality in language change with particular reference to grammaticalization In O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.) *Up and down the cline. The nature of grammaticalization*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins. pp. 17—44.
12. Norde, M. (2009). *Degrammaticalization*. Oxford: Oxford University Press.
13. Petré, P. (2016). Unidirectionality as a cycle of convention and innovation: Micro-changes in the grammaticalization of [be going to INF]. *Belgian Journal of Linguistics*, 30 (1), 115—146.
14. Willis, D. (2016). Degrammaticalisation. In: A. Ledgeway, I. Roberts (eds.). *Cambridge handbook of historical syntax*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Maisak, T.A. (2005). Grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
16. Nikiforova, S.A. (2012). Grammaticalization problems in German. *The Bulletin of the Adyge State University, the series “Philology and the Arts”*, 4, 197—203. (In Russ.).
17. Shustova, S.V. (2015). Grammaticalisation: from lexical to grammatical sign (as exemplified in German). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 4 (20), 17—26. (In Russ.).
18. Givón, T. (1975). Serial verbs and syntactic change: Niger-Congo In Ch.N. Li (ed.) *Word order and word order change*. Austin: University of Texas Press. pp. 47—112.
19. Lehmann, Ch. (1982). *Thoughts on grammaticalization: A Programmatic Sketch*. Köln.
20. Heine, B., Claudi, U. & Hünnemeyer, F. (1991). *Grammaticalization: a conceptual framework*. Chicago: University of Chicago Press.
21. Cowie, C. (1995). Grammaticalization and the snowball effect. *Language and communication*, 15 (2), 181—193.
22. Hopper, P. J. & Traugott, E. C. (1993). *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

23. Lindström, T. (2004). *The history of the concept of grammaticalisation*. PhD thesis. Sheffield : University of Sheffield.
24. Kuryłowicz, J. (1965). The evolution of grammatical categories. *Diogenes* 51, 55—71.
25. Norde, M. (2012). Degrammaticalization. Three common controversies In K. Davidse, T. Breban, L. Brems, T. Mortelmans (eds.) *Grammaticalization and Language Change: New Reflections*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins. pp. 73—110.
26. Brinton, L.J. & Traugott, E.C. (2005). *Lexicalization and language change*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Norde, M. (1997). *The history of the genitive in Swedish. A Case Study in Degrammaticalization*. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam.
28. Arakin, V.D. (2003). *The history of the English language*. Moscow: Fizmatlit. (In Russ.).
29. Amatov, A.M. & Gurova, Yu.I. (2012). Diachronic study of the infinitive constructions from the historical linguistics perspective. *Nauchnye vedomosti [Scientific bulletin. The series "The humanities"]*, 15, 18 (137), 32—39. (In Russ.).
30. Fischer, O. (2000). Grammaticalisation: Unidirectional, non-reversible? The case of *to* before the infinitive in English In O. Fischer, A. Rosenbach, D. Stein (eds.) *Pathways of change: Grammaticalization in English (=Studies in Language Companion Series, 53)*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. pp. 149—169.
31. Beths, F. (1999). The history of *dare* and the status of unidirectionality. *Linguistics*, 37(6), 1069—1110.
32. Traugott, E.C. (2001). *Legitimate counterexamples to unidirectionality*. Freiburg: Freiburg University.
33. Burridge, K. (1995). From modal auxiliary to lexical verb: The curious case of Pennsylvania German *wotte*. In: R.M. Hogg, L. van Bergen (eds.), *Historical linguistics, Vol. 2. Germanic linguistics*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins. pp. 19—33.

Сведения об авторах:

Новоспасская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: novospasskaya-nv@rudn.ru.

Авагян Асмик Арменовна, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; преподаватель Российского государственного университета туризма и сервиса; *e-mail*: 1042190102@rudn.ru.

Information about the authors:

Natalia V. Novospasskaya, PhD in Philology, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *e-mail*: novospasskaya-nv@rudn.ru.

Asmik A. Avagyan, PhD student of the General and Russian Linguistics Department, Philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); lecturer of Russian State University of Tourism and Service; *e-mail*: 1042190102@rudn.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-105-120
UDK 811.161.1'373:685.34.012

Research article / Научная статья

Fashion Vocabulary: Borrowing, Adapting and Rethinking

Ekaterina M. Nedopekina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
Corresponding author: nedopekina_em@rudn.ru

Abstract. Fashion is a rather significant mechanism that organizes the life of any society and regulates the social behavior of people. It subordinates not only the choice of clothing, interior, personal hygiene items, gastronomic tastes, musical preferences, but also the way of thinking, the formation of criteria for assessing the phenomena of reality. At the same time, fashion is not only a powerful social regulator, but also a significant cultural phenomenon, the study of which is of particular importance nowadays. In this context, the vocabulary of fashion is interesting, as, on the one hand, it enriches the Russian language due to the abundant borrowing of foreign words, on the other hand, it indicates how actively the Russian language adapts new names for fashion items, and demonstrates how Russian mentality and culture accept this vocabulary. In order to consider the Russian vocabulary in the sphere of “fashion” in all three aspects, it is important to trace the derivation of the lexical meaning of the denotations of the “fashion” semantic field in their connection with the historical period and the change in the native speakers’ way of thinking in different historical times of the country. To this end, it is necessary to turn to the etymology of the basic elements of the Russian wardrobe, identify their coherence with the gender of their owners and trace how this coherence has been changing over time, as well as analyze the ways of grammatical adaptation of borrowed vocabulary in the Russian language, and finally, note the functional specifics of the same lexemes in Russian and other donor languages.

Key words: fashion, clothing, vocabulary, borrowing, adaptation, assimilation, grammar, derivation

Acknowledgment:

The author is grateful to A.M. Sofiyaskaya for help in collecting research material.

Article history:

Received: 30.07.2020

Accepted: 01.12.2020

For citation:

Nedopekina, E.M. (2021). Fashion Vocabulary: Borrowing, Adapting and Rethinking. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 105—120. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-105-120

© Недопекина Е.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 811.161.1'373:685.34.012

Лексика сферы моды: заимствование, адаптация и переосмысление

Е.М. Недопекина

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
nedopekina_em@rudn.ru

Аннотация. Мода — довольно значимый механизм, организующий жизнь общества и регулирующий поведение людей в нем. Она подчиняет своему влиянию не только выбор одежды, интерьера, предметов личной гигиены, гастрономические, музыкальные предпочтения, но и образ мысли, формирование критериев оценки явлений действительности. При этом мода не только мощный социальный регулятор, но и значимый культурный феномен, изучение которого в наши дни приобретает особую важность. В этом контексте интересна лексика моды, которая, с одной стороны, обогащает русский язык за счет обильного заимствования иностранных слов, с другой стороны, свидетельствует о том, как активно русский язык адаптирует новые названия предметов моды, и с третьей стороны, демонстрирует, каким образом русская ментальность и культура принимают эту лексику. Для того, чтобы рассмотреть русскую лексику сферы «мода» во всех трех аспектах, важно проследить деривацию лексического значения денотатов семантического поля «мода» в их связи с исторической эпохой и изменением мышления носителей языка в разные исторические периоды жизни страны. С этой целью необходимо обратиться к этимологии базовых элементов русского гардероба, выявить их связь с гендерной принадлежностью их обладателя и проследить как эта связь меняется со временем, а также проанализировать способы грамматической адаптации заимствованной лексики в русском языке, наконец, отметить функциональную специфику одних и тех же лексем в русском языке и языке-доноре.

Ключевые слова: мода, одежда, лексика, заимствование, адаптация, ассимиляция, грамматика, деривация

Финансирование. Благодарности.

Автор выражает благодарность А.М. Софийской за помощь в сборе материала исследования.

История статьи:

Дата поступления: 30.07.2020

Дата приема в печать: 01.12.2020

Для цитирования:

Недопекина Е.М. Лексика сферы моды: заимствование, адаптация и переосмысление // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 105—120. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-105-120

Introduction

The use of borrowings in the semantic field «fashion» is dictated by the need to name clothing items which appeared as a result of the import of a huge number of different goods in the Peter and Catherinian eras, when the names of the basic wardrobe were excepted by the Russian language. A similar linguistic situation

developed after the collapse of the Soviet Union, when a stream of information, new cultural phenomena, household items, including wardrobe items that required naming in Russian, poured into Russia from the West. The vocabulary of a foreign fashion discourse, interacting with proper Russian names, represents a significant layer of words, which today is characterized by widespread use among Russian native speakers and great internal dynamism. The chronological sequence of the penetration of borrowings in the field of fashion into the Russian language is due to gradual expansion of Russia's ties with different countries and their nations. At all historical stages, the adaptation of foreign vocabulary took place under the influence of two processes: on the one hand, overcoming the conservatism of the linguistic structure, which seeks to create terms with common Slavic roots (purity of the language), on the other hand, the mobility of the national vocabulary, its flexibility (living nature of the language). It is also important that the very nature of borrowings dictates the need for their translation, carried out in the process of transferring a word to a foreign language environment, its certain cultural adaptation [1; 2]. This determines the specificity of the «fashion» terms in the space of the Russian-language linguistic culture.

This study shows how deeply borrowed «fashion» terms penetrated into the Russian language, how firmly these words have become established in our everyday speech. The widespread use of borrowings in such a linguistic area as «fashion» concerns everyday life and serves as a reflection not only of the dialogue of unrelated cultures, but also as a means of intercultural communication. However, despite the powerful influx of borrowings, which can lead to the «erosion» of the Russian word, language as a self-developing mechanism is able to get rid of unnecessary things.

Wardrobe Item Names and their Gender

As a matter of priority, it is necessary to highlight common words such as *рубаша* [rubakha] 'shirt', derived from the common Slavic **rpъbъ* — *рубъ* — «clothes made of coarse fabric», Serbo-Croatian *рубъ* — «seam», Latvian *rūobs* — «notch», German *Rant Rant* — «edge, hem». *Рубаша* 'shirt' literally means «hemmed clothes (with a border)» [3. P. 346]. The modern meaning of *рубаша* (*рубашка* [rubashka] after a change in the period of the second palatalization) has some shades of the previous meaning: «an item made of dense fabric for the upper body». According to the explanatory dictionary by D.N. Ushakov, *рубашка*'s one of the meanings is «clothing made of lightweight fabric for the upper body, used as both underwear and outerwear» [4. P. 604]. This definition clarifies the original meaning of the borrowing «рубашка» as underwear, which expands the original interpretation, but corresponds to it, since the way of wearing the item is the same; and as a garment to be worn on the upper body, which also still corresponds to and refines the original understanding. However, S.I. Ozhegov notes that the polysemy of this word makes it possible to distinguish meanings by gender. Thus, S.I. Ozhegov asserts that a shirt

as underwear is an attribute of only a woman's wardrobe, while a shirt as an outwear is a man's outfit [5. P. 674].

It is worth noting that such distinctions have come into use relatively recently, and, as the British sociologist J. Entwistle believes, «clothing is one of the most accurate and profitable examples, with the help of which it is possible to show and explain how the body is connected with the gender and what makes it feminine or masculine. Therefore, any discussion about the phenomenon of fashion should concern the question of what means fashion uses to state the difference between the two sexes, male and female, and how it provides clothes/body with the connotations of masculinity and femininity» [6. P. 146]. Thus, gender codes inscribed in garments act not only at the object-conceptual level, but also at the abstract-linguistic level.

In view of the presence of this phenomenon, it is worth considering other names, for example, кофта [kofta] 'sweater jacket'. Since there are references to the Swedish lexeme kofta, Danish kofte — «*short dress or raincoat*», Norwegian kufta — «*wide clothing, travel raincoat*», kufte — «*women's sweater jacket*», this word cannot be considered as Russian and it follows that it has western origin. The source of the Slavic and Scandinavian words, perhaps, is the Lower German Bremen variant kuft — «*coarse wool caftan*», Baltic-German kuft — «*home jacket, pajamas*». Some researchers attempted to establish the connection of these words with the Turkic kaftan [7. P. 355]. Others suggest (which is less likely) a connection with the Persian-Turkish kufter — «*fabric*» [8. P. 537]. However, despite the differences in opinions of the etymology of this name, in all cases there is a tendency to change its lexical meaning in Russian environment. As a result, regardless of the actual way of the term's penetration into the language, there is a differentiation from the name of a specific element of women's clothing with a certain style, fabric, and purpose to the modern generalized gender-neutral name of any short upper part of clothing included in the thesaurus only of the colloquial and everyday functional style. So, the explanatory dictionary by T.F. Efremova gives the following definition: «1. Short — usually waist-length or hip-length — women's clothing. 2. outdated. Women's home clothes, worn over a shirt at night. 3. Short loose men's clothing made of soft fabric. <...>» [9. P. 436].

Пиджак [pidzhak] 'jacket' is another example of a diachronic change in the gender focus of a wardrobe item. The name is borrowed from the English language, where *pea-jacket* — «jacket, short coat» from the Middle Dutch *pîe* — «biker jacket» (hence the dialect/colloquial «спинжак» [spinzhak] — «the one that covers the back») — was used to refer to outwear of each sex. The modern meaning is «the upper part of a classic suit», in the official sense-male only; the female version of a similar product is called *жакет* [zhaket] 'ladies' jacket'. On websites that sell garments or publish materials on the topic of wearing a costume, in catalogues, books devoted to fashion poetics, these elements have a strictly indicated context of use. Suffice it to mention the colloquial mnemonic rule «Jack wears a jacket,

Caddis wears a jacket for ladies», which simplifies memorizing the use of these names even at the everyday level.

Other elements with a high degree of assimilation, such as, for example, *блузка* [bluzka] ‘blouse’, being originally a male wardrobe item, gradually change gender focus. «*Блуза*» [bluza] ‘blouse’ was borrowed in the first third of the 19th century from French, in which *blouse* comes from Middle Latin *pelusia* — «Pelusian (clothing)» (from the name of the Egyptian city Pelusium). At first, the word meant men’s clothing [10. II. P. 145]. In the 1900—1910s, blouses were considered a part of lingerie, because they had very complex decorations in the form of embroidery or lacing, and these very elements were characteristic of underwear. Therefore, for a long time, this element as a part of a daily outfit was considered exclusively masculine. Explanatory dictionaries in the late 20th century define a blouse as a lexeme with the meaning «outwear made of thin fabric in the form of a short fitted shirt, a women’s light jacket» [9. P. 193]. The men’s version of the blouse received the nomination «рубашка» ‘shirt’ regardless of the presence of patterns and decorations on it. The same is observed in the lexical meaning of the word *туника* [tunika] ‘tunic’. Etymologically, *туника* ‘tunic’ (coll. «исподнее» ‘underwear’) is «a shirt (mainly for men) in the form of a bag without shoulder seams, which was worn under outwear» [11. P. 463]. The actual meaning implies a different meaning — «mainly a short dress or an elongated sweater jacket worn by women» [5. P. 812]. A special kind of a sweater jacket is «толстовка» [tolstovka] ‘sweat-shirt’ (from the name of the Russian writer Leo Tolstoy) — a term introduced to imitate the style in the writer’s clothes, means «a wide long men’s blouse, pleated and with a belt». Currently it is an attribute of both male and female wardrobe.

«*Костюм*» [kostyum] until the 18th century, *костюм* [kostyum] ‘suit’ had the following interpretation: «constantly worn clothes, the usual daily combination of its parts», also 1. «A set of men’s clothing, consisting of trousers, a jacket, a shirt, a tie». 2. «Fancy, carnival ensemble. Theatrical costume» [12. P. 779]. Later, the dictionary by D.N. Ushakov introduces two meanings, one of which has a clear indication to «femininity»: 1. «A complete set of men’s dress. Lounge suit». 2. «Women’s outer dress, consisting of a jacket and a skirt» [4. P. 248]. This confirms the theory of manipulation of fashion by gender boundaries.

A similar process is observed in the change in the lexical meaning of the word «брюки» [bryuki] ‘trousers’ borrowed from the Old French *broc* — «clothes for the legs and body». The modern interpretation suggests the following: «the lower part of the classic costume» [4. P. 46]. From the point of view of psycholinguistics, the term «брюки» ‘trousers’ is more often used to nominate classic styles; for other varieties of this garment the onym «штаны» ‘pants’ is used.

This distinction is due to the relatively late introduction of the term «брюки» ‘trousers’. In the 18th century during the period of Peter the Great’s reforms, it meant «sailor’s pants» (hence the derivative word in naval terminology «брюканец» [brukanets] ‘mast shin pad’ later appears (i.e., «брюки» ‘trousers’, entering the *usus*, become a productive model). In the 19th century trousers were

actually an indicator of the social status of a man, and apart from the courtiers, they were also worn by representatives of the highest aristocracy. For this reason, according to the law of tradition, the transformation of pants into trousers was slow; however, the Russian language today allows both variants in colloquial speech and the variant «брюки» ‘trousers’ is used as a description of any model of the lower part of clothing in written speech. Nowadays, both names are used outside the context of the gender of the person who wears these clothes.

An interesting example within the framework of this topic is the common name for a woman’s dress — *сарафан* [sarafan] ‘pinafore dress’, which comes from the Persian *sarāpā* or *sarāpāi* «dressed from head to toe» — a direct borrowing from the Turkic languages with the same lexical meaning. In modern dictionaries and in the everyday sense, we meet the interpretation of «a women’s dress without sleeves for the spring-summer period, which is worn on top of a sweater jacket or independently» [5. P. 686]. For a long time, from the end of the 19th to the end of the 20th century, the name «сарафан» ‘pinafore dress’ almost completely replaced *платье* [plat'ye] ‘dress’ and its derivatives. And in the beginning of the 21st century a pinafore dress as a type of sleeveless dress became widespread, and even a special type of cropped dress was released, which was named «бэби-долл» (after the name of the cut) from English *baby-doll* — «doll dress».

A similar derivation of the meaning can be observed in the lexeme «бахилы» [bakhily] ‘shoe covers’. Etymologically — «boots with high tops» [13]. Initially, in Russia, peasants called any shoes that were intended only for work, but were unsuitable for walking *shoe covers*. According to Mikkola [14. P. 82], the lexeme is borrowed from the Middle Latin *bacle* — «women’s shoes», which he compares with the Greek *βακνίδες ἑίδος ὑποδημάτων* [7. P. 136]. Today this word is synonymous to «бродни» [bodni] ‘wading boots’, «болотники» [bolotniki] ‘waterproof boots’ — «soft rubber (formerly leather, yuft from a single piece) boots with very long tops that cover the thighs; designed for walking in swamps, water; used by fishermen and hunters. A more common meaning in everyday life is «special protective covers or stockings worn over shoes indoors for sanitary and hygienic purposes» [15].

Similar changes are observed in the transformation of the meaning of the lexeme «балахон» [balakhon] ‘hoody’. By origin, *балахон* ‘hoody’ is a Turkic word that came into the Russian language at the beginning of the 17th century, meaning «a kind of peasant’s caftan». Later, its interpretation added the following meaning — «the type of loose overcoat of straight cut» [13. P. 86]. This Turcism was especially widespread dialectally, where many new forms and meanings of the word are known: *балахонец* [balakhonets] and *балахонщик* [balakhonshchik] ‘hoodies’ master and trader’, *балахонники* [balakhonniki] ‘monks’, *балахонина* [balakhonina] ‘woolen, thin and rare fabric for hoodies’, *балахонник* [balakhonnik] ‘poor man, beggar’, *балахончик* [balakhonchik] ‘women’s sweater jacket’, *балахоня* [balakhonya] ‘loose outer garment’ and ‘a man in long and wide clothes’, *балахонский* [balakhonskiy] ‘monastic’, *балахонничать* [balakhonnichat’] ‘to be

engaged in sewing hoodies'. In its modern meaning, the word does not carry a negative or demeaning emotional and expressive connotation. On the contrary, this type of clothing is popular among young people adherent to hip-hop and rap subcultures.

Among the original names of the wardrobe, it is worth noting the appearance of such warm outdoor wear as *душегрея* [dushegreya] 'women's warm sleeveless jacket'. The modern name is *душегрейка* [dushegreyka] 'women's warm sleeveless jacket' (outdated *душегрея*; in the 12th century after the fall of the reduced sounds and the loss of the final *-<и>* in verbs with a vowel stem in the imperative mood «*грей*» instead of «*греи*» + suf. *-к*) was preserved in dialects with the same meaning — «women's warm jacket, usually sleeveless, with gathers at the waist» [5. P. 179]. At the end of the 18th century this word was replaced by the identical «*телогрейка*» [telogreyka] 'quilted jacket', which was associated with the weakening of the role of the church and the corresponding spiritual teachings, when the change in state ideology led to a change in the language paradigm. In this regard, at about the same time, such a kind of warm jacket as a *ватник* (coll.) [vatnik] 'winter cotton-padded jacket' or a wadded jacket' appears. This concept appeared among the soldiers of the Russian army during the Russian-Turkish war of 1877—1878. Order of the Military Department № 199 for 1885 offered the Cossack a choice to have a sheepskin coat or a wadded beshmet. Short fur coats were much more practical, and were obligatory in the army until 1900. However, sheepskin coats did not fit into the pack, and from 1901 the Cossacks were obliged to have wadded jackets [16. P. 27].

Special gender distinctions in the meanings of words are found in the names of accessories. The word «чепчик» [chepchik] 'bonnet' comes from *чепец* [chepets] (proto-Slavic **čepьсь* related to Lithuanian *kepùrė* — «cap») — «a female headwear, which is a knitted or sewn cover that hides hair, may have ties under the chin» [7. P. 333]. Until the 17th century it was the item of summer women's and children's wardrobe, and then, until the end of the 19th century, the bonnet was a household headdress for women. It had the shape of a soft bonnet, decorated with ruffle, ribbons, lace and artificial flowers. Currently, this accessory and its corresponding name are used only to designate a headdress made of one-layer, usually cotton, fabric for newborns.

A number of names for a headdress, which was originally worn only by men, are the words *сомbrero* [sombbrero] 'sombbrero', *эспаньерка* [espanierka] 'fore-and-aft cap', *цилиндр* [tsilindr] 'top hat'. *Сомbrero* 'sombbrero' is a «national Mexican hat with large brims» [17], *эспаньерки* 'fore-and-aft caps' are «envelope caps», *цилиндр* 'top hat' comes from German *Zylinder* (Latin *cylindrus*, dating back to the Greek *kylindros*). These lexemes are similar in that they can currently be part of the female image.

The described names have been used for a long time: from the moment of borrowing to the present day. Today, most of them have broader semantics than when they were borrowed. It should be noted that the linguistic tradition of the

fashion sphere tends to deductiveness, that is, the selection and use of a number of private onyms instead of a more general one. Thus, instead of a general *шляпа* ‘hat’ or *брюки* ‘trousers’, such borrowings as *бейсболка* ‘baseball cap’, *рэперка* ‘rapper cap’, *кепка* ‘cap’, *бандана* ‘bandanna’, *панамы* ‘bucket hat’ or *джоггеры* ‘joggers’, *карго* ‘cargo pants’, *палаццо* ‘palazzo pants’, *кюлоты* ‘culottes’, etc. are included in the usus.

At the same time, the above examples indicate that over time, a word can change not only gender and age. These changes are due to historical phenomena, social norms, they are gradually recorded in dictionaries and encyclopedias. The listed names of clothes and their meanings demonstrate the gender division of society, which, as we approach the present day, is leveled. J. Entwistle notes that modern fashion styles are becoming more androgynous due to extralinguistic factors: a change in the political and ideological system, a change in gender roles, emancipation [6. P. 241]. Undoubtedly, all these phenomena are reflected in the language.

Names of Clothing Items and their Phonetic and Grammatical Assimilation

Since the 21st century fashion industry has given rise to more and more diverse styles and models of the same type of clothing, which explains the need for their nominative distinction. This contributes to a significant influx of foreign-language lexemes into the Russian language and the rapid rate of their assimilation, but at the same time leads to a serious grammatical adaptation of new units: «doubling» of the plural form, unusual patterns of stem concatenation, phonological inconsistencies, etc.

Phonetic Assimilation of Borrowed Names of Fashion Items

A fairly common way of assimilating foreign lexical units in the Russian language is their phonetic adaptation. Many names for clothing and accessories came to Russia from the Anglo-American fashion tradition, so their name in Russian begins to be pronounced either in accordance with the articulatory characteristics of the source language, or in accordance with the laws of the recipient language.

For example, the name of trousers *брюки-бэгги* (багги) [bryuki-beggi] ‘baggy trousers’ from English *bag* — «bag» + adjective suffix *-y* — *baggy*. A feature of the pronunciation of this term is the stressed sound $\Lambda/\text{æ}$ in the first syllable — *багги/бэгги* [‘bagi] / [‘bægi]. The phonetic position of the first vowel in American English in the word *baggy* is weak, so different pronunciation options may have a normalized ([‘bægi]) or dialectal African American territorial pronunciation ([‘bagi]); in some cases we find [‘bΛgi]. The latter two cases observe the pronunciation of the phoneme [æ], typical of the African American population living in the western states and following a special style in music and lifestyle

(underground). This explains the fluctuations in the pronunciation of the vowel sound in the first syllable in Russian as the recipient language.

Thus, the process of borrowing lexemes denoting the names of clothes, common in the American subculture, still presupposes variability in the pronunciation of individual lexical units due to the psychological need of Russian-speaking followers of this culture to convey the authenticity and originality of sounds in the borrowed words. Similar phonetic fluctuations are found in the nomination of subjects such as *durag* [durag/duræg], *snapback* [snæpbek/snæpbæk], etc.

«Doubling» of Plural Forms of Nouns Denoting Items of Clothing

«Doubling» of the plural is one of the most characteristic features of the grammatical assimilation of lexical borrowings in Russian environment. It is expressed in the fact that the word in the source language has the label «plural». However, the recipient language considers such a word as the basis for further affixation. Therefore, in the process of the entry of a foreign non-declining plural noun into the Russian language, it loses its original morphemic seams and acquires the plural ending of the recipient language in accordance with its grammatical laws. As a result, the word is no longer felt by Russian speakers as foreign. The most common examples of words in which the number is «doubled» are the names of various types of trousers, since, by analogy with the words «брюки» ‘trousers’, «штаны» ‘pants’, the borrowed word form acquires a plural ending.

The name *чиносы* ‘chinos’ came into Russian from the American version of the English language, where *chinos* (pl.) comes from *China* + plural suffix *-s*, added by analogy with common *jeans*, *trousers*, *pants* that do not have a singular form. This type of trousers appeared in the 19th century as part of the uniform of the American army and got its name from the cotton imported from China from which these trousers were sewn. It is worth noting that this is an example of a kind of grammatical pleonasm. In the English language *chinos* is labeled «plural», in Russian, the calque «чинос» ‘chinos’ acquires a common plural ending, — <ы>. A similar process of grammatical assimilation of borrowing can be seen in the words *джинсы* ‘jeans’, *броги* ‘brogues’, *брюки* ‘trousers, pants’. In modern Russian colloquial speech and the Internet space, both variants of the name *чинос/чиносы* ‘chinos’ are used; in written sources, for example, in the media and clothing catalogues, only the name «чинос» ‘chinos’ is acceptable. This lexeme has no grammatical paradigm, it does not change in cases and number.

Another striking example of «doubling» the inflection of the plural number is *слаксы* ‘slacks’. Despite a certain similarity in functionality and lexical content of the terms *слаксы* ‘slacks’ and *чинос* ‘chinos’, the linguistic characteristics of these terms still have some differences. The main difference is that there is no invariant for the name «слаксы» ‘slacks’. In this case, English calque *slacks*, by analogy with *чинос* ‘chinos’, will not be an example of variability, since the name came to spoken language and the Internet in the plural, adapted to the rules for the formation of the

plural in Russian, i.e. with the ending <Ы> and, accordingly, with the full declension paradigm. In the articles of fashion magazines we can find case forms: «обладатель слаксов» ‘slacks owner’, «преимущество перед слаксами» ‘advantage over slacks’ and so on. However, due to the similarity of the context of the use of chinos and slacks in more official sources, the second name will more often be replaced by the first or another, more neutral synonym, since the name «слаксы» ‘slacks’, which does not allow a tracing invariant, has rather a colloquial functional-style colouring.

The model of trousers [kyuloty] *кюлоты* ‘culottes’ has similar grammatical features. However, this type of clothing has a number of additional characteristics, both intraword and extralinguistic. *Кюлоты* ‘culottes’ are «short pants fastened under the knee, in the past were part of the aristocratic wardrobe. Culottes were worn with stockings and shoes with buckles» [15]. In their modern form, culottes differ not only in style, but also in gender. This type of trousers is characterized by a special straight, flared cut to the bottom, which makes them look like a skirt (in colloquial speech, the equivalent of a trouser-skirt is acceptable), therefore culottes are considered women’s outfit.

The borrowing nature of the modern name of these trousers suggests that the revival of this term was facilitated by the English language, in which *culottes* are taken directly from French by direct borrowing. Just like the English *culottes*, the Russian word «*кюлоты*» has a grammatical characteristic of plural number, however, given the relative popularity of the term since the 18th century, the plural ending <Ы> is attached directly to the stem, but not to the whole word form (as in the words *джинсы* ‘jeans’, *слаксы* ‘slacks’, etc.). Thus, the English version is an intermediary between the original French *culotte* (singular), which goes back to the French *culot* — «the lower part of any clothes» [18]; and Russian «*кюлоты*» (plural). The penetration of this lexeme into the English language in the plural can be explained by two processes. The first is associated with the use of this word in the composition of phraseological units and set expressions. The most popular of them in Western Europe in the 18th century was a combination of «*sans-culottes*» (‘without culottes’, ‘without a pair of pants’), which meant «the lower strata of the population who wore working clothes, but not breeches — a symbol of the aristocracy of that time» [19. P. 2—3]. The second process is the assimilation of new words under the law of analogy. Then, English *culottes* > French stem *culotte* + plural suffix –s was subjected to grammatical development by analogy with *pants*, *trousers*, etc.

Weak or Partial Assimilation of Grammatical Borrowings in the Names of Fashion Items

Due to the increase in the variety of clothing models, the language is enriched with borrowed vocabulary, which, however, is not always fully mastered. The examples below show the most frequent linguistic features of borrowing, which are

manifested in the specifics of word formation. As a rule, these denotations are included in the *usus* and are mastered in the case of frequent use in fashion magazines and on sites dedicated to clothing. For example, if a style comes into fashion, it is widely described.

The prototype of *пуловер* [pullover] ‘pullover’ is a knitted sweater worn by Scottish and Irish sailors in the 19th century when they went to sea. Sailors and fishermen’s wives knitted comfortable sweaters that were worn over undershirts. Due to the lack of a fastener, the predecessors of pullovers warmed the body better, protected it from the wind. Modern pullover models appeared in the 1980s in England. They were worn by tennis and golf players who called them «buttonless jackets». The absence of fasteners and the narrow fit provided the athletes with comfort during the competition. Following the athletes, the pullover entered the wardrobe of their fans, and then the mass consumer. The lexico-semantic way of this term’s borrowing presupposes the fusion of the elements of the former phrase: «*pull over*» transforms into «*пуловер*» ‘pullover’. In the source language, the phrase consists of a combination of a verb and a particle. Since the phrasal verb in the English language is an integral semantic unit, the process of the unit’s transition to the Russian language, in which there are no similar grammatical formations, proceeded according to the type of conversion. In the recipient language, «*пуловер*» ‘pullover’ is characterized as a masculine noun, singular. This form is determined by zero inflection after the consonant by analogy with common nouns of this type: *дом* ‘house’, *стол* ‘table’, *стул* ‘chair’. At the same time, there is a transition of stress, which in the English version falls on the first syllable of the second component of the phrase *over*, in Russian — either on the second syllable of the unit or on the last. Fluctuations of stress can be associated both with the ongoing process of the unit acquisition in Russian, and with a number of internal reasons: rhythmic convenience, physiology of respiration, articulation data, and others.

Despite the fact that most fashion terms come from American English, the word *джермпер* [dzhemper] ‘jumper’ came from British English through direct borrowing and, unlike many similar names, has acquired a declension paradigm (case, number). In the terminology of world fashion, the British version of the name of this product is considered almost dialectal, and international fashion publishers use Americanisms: *raglan sleeve sweater* («sweater jacket with raglan sleeves»), *grandpa sweater* («grandfather’s sweater»), *half-zip sweater* («zipped collar sweater jacket»), *crew neck sweater* («sweater jacket with a round neck»), *set-in sleeve sweater* («sweater jacket with visible seams on the sleeves in the shoulder area»), *mock turtleneck sweater* («sweater jacket with a high collar that fits the neck»), which allows differentiating different models. However, in Russian, «джермпер» [dzhemper] ‘jumper’ is the exact lexical analogue of the English word, as it reproduces the association of British people who believe that *свитер* [sviter] ‘sweater’ is «a product made of denser materials that is used exclusively in cold weather» [20. P. 1473], and *джермпер* [dzhemper] ‘jumper’ is a «light» version of a sweater for daily wear over a shirt, blouse, or other kind of garment with a collar, which are not customary to be worn separately [21].

Most English-speaking etymologists and compilers of explanatory dictionaries consider *jumper* to be a hyponym of the word *свитер* ‘sweater’ and a hyperonym of semantically similar words *пуловер* ‘pullover’ and *кардиган* ‘cardigan’, that is, they are cohyponyms of the word *джермер* ‘jumper’.

Another interesting example is the term *жакет* ‘jacket’. It derives from the Middle French noun *jaquette*, which meant «small or light tunic», but the modern meaning differs from this definition. Until the 2000s, *pea-jacket* and *jacket* were attributes of men’s and women’s wardrobes, respectively; later, in order to save speech efforts, the first option was abolished. Due to the increased propaganda of fashion without pronounced gender characteristics, the tendency to differentiate gender disappeared, and only the name *jacket* of broad semantics remained in English-speaking countries. It is used in the general sense of «men’s/women’s jacket» [20. P. 769], «coatee», «coat» or with an additional element *bomber jacket* («bomber»), *down jacket* («puffer jacket»), *bed jacket* («top of pajamas») to denote a wide range of these clothes’ models.

In Russian, the words *пиджак* [pidzhak] ‘jacket’ and *жакет* [zhaket] ‘ladies’ jacket’ are not perceived as one root. The word *пиджак* ‘jacket’ has existed in Russian for quite a long time, therefore it has a high degree of assimilation: phonetic and graphic, and is not associated with the original *pea-jacket*. In addition, these words designate items of clothing intended for people of different genders: a *пиджак* ‘jacket’ — for men, and *жакет* ‘ladies’ jacket’ — for women.

In English, the word *jacket* is the main, generic component for many types of outerwear. For example, *бомбер* [bomber] ‘bomber jacket’, a type of jacket designed for the US Air Force pilots during World War II, evolved from the combination *flight jacket* «pilots’ coat», which later became *bomber jacket*, as it was worn by heavy bomber pilots. Over time, the colloquial short name *bomber* was stuck behind a jacket of this cut, but in written speech only *bomber jacket* is possible. This example illustrates the process of simplifying the name in the recipient language by cutting off one of its components.

However, the simplification of the lexical unit when borrowing may not occur. Thus, the concept *кроп топ* ‘crop top’ came to the Russian language as a composite unit. It is noteworthy that in English, *crop top* and its derivatives denote any kind of cropped upper part of clothing, adding, depending on the style, other components to the general name (*tummy top*, *midriff-baring top*), while the Russian language for designating a sweater without sleeves uses «тон» ‘top’ or colloquial «майка» ‘sleeveless undershirt’, and «кроп-топ» ‘crop-top’ is defined as «any sweater with a shortened cut (to the waist line), regardless of the length of the sleeves» [22].

The gender of borrowings needs a separate discussion. Thus, for example, in the word *худи* [hudi] ‘hoody’, we find fluctuations between the signs of the neuter (as a general rule, like *пальто* ‘coat’, *кепи* ‘cap’) and the feminine gender (by analogy with the word *толстовка* ‘sweatshirt’). This feature is observed in a large number of lexemes borrowed from the English language, since in English the gender of nouns is determined by the context; outside the context, most inanimate nouns are classified

as indeterminate gender (indefinite/undefined gender). In the Russian language, non-declining nouns of foreign origin, denoting inanimate objects, most often refer to the neuter gender (for example, *такси* ‘taxi’, *кашне* ‘muffler’). *Худи* ‘hoody’ is a word of foreign origin, non-declining and inanimate, that is, in full accordance with the specified rule, it can be considered a neuter noun (*удобное, красивое худи* ‘comfortable, beautiful hoody’). On the other hand, there is a rule according to which the grammatical gender is determined by the generic concept of a word, therefore, *худи* ‘hoodie’, like its generic concept *толстовка* ‘sweatshirt’, can be agreed in the feminine gender. However, many Russian speakers use the word *худи* ‘hoody’ as masculine, which can be explained by a psycholinguistic analogy with the most common word for the masculine *свитшот* ‘sweatshirt’, the models of which differ from the hoody only by the absence of the hood.

It is worth noting that a large number of the outwear names of the of men’s and women’s wardrobe (*sweatshirt, long sleeve, polo, sweater, body, cardigan, jodhpur*) popular among Russian fashionmongers, are examples of a calque and represent a direct transfer of the original name to the recipient language, which causes indeclinability of the majority of them.

Thus, the majority of modern borrowings in the field of fashion have a rather low degree of assimilation in the language owing to their infrequent, professional use in comparison with denotations of wider semantics. The rate of assimilation of a lexical unit in a language is significantly influenced by the factor of the product’s «trend» in the season, which determines how tightly borrowing will enter the usage of the speakers of the given language.

Hyper-Hyponymy of Borrowings Denoting Accessories

Borrowing process of names for handbags and jewellery differs from the process of adopting names for other fashion items in their constant variability. Unlike styles of clothing, fabrics, types of shoes, fashion for handbags, glasses and jewellery changes every season, which is due to the interest of designers in this category of accessories and their desire to create new trends. Therefore, some names of bags, jewellery and glasses, which have no analogues, are fixed in the language (*несессер* ‘toiletory case’, *борсетка* ‘man bag’, *шоппер* ‘shopper bag’, *чокер* ‘chocker’, *снуд* ‘snood’, etc.), while others are borrowed for a short period of time, which causes a low degree of their assimilation.

In general, this category of fashionable goods is interesting in the way that it more often than for other field concepts preserves the original sound and the presence of the generic name in the beginning and in the end of the compound lexical unit. So, using the example of lexemes, *шапка-бини* ‘beanie hat’, *шарф-снуд* ‘snood scarf’, *очки-вайфареры* ‘wayfarer glasses’, *серьги-кролеры/клаймберы* ‘crawler/climber earrings’, both tendencies can be distinguished. First, in all these words there is a practical transcription of the original word forms, i.e., a clear graphic and phonetic imitation of the word of the source language. Secondly, they demonstrate the

presence of a Russified part («шапка» ‘hat’, «очки» ‘glasses’, «серьги» ‘earrings’), which serves as a clarifying component, since in the recipient language the hyponymic component is perceived outside the context as an alien element that requires explanation. The declension paradigm in such words is observed only in the generic concept expressed by the Russian lexical unit.

Conclusion

The study showed that modern terms for clothing and accessories borrowed in modern Russian most often come from American and British variants of the English language, and also from Italian and French. In their lexical meaning and phonetic image, they bring cultural labels of their country of origin to foreign consumers. At first they are perceived as alien, but steadily they become a part of the life of a Russian person, and the language itself gradually begins to «grind» them according to its internal rules.

In foreign clothing names borrowed into the Russian language, there is currently a tendency to use a foreign hyponym as an analytical adjective, which indicates a transitional stage in the assimilation of the word by the language; at the same time, it helps a consumer who does not speak foreign languages to navigate when choosing the necessary product and not to get confused while reading a text in a fashion magazine. Nevertheless, many clothing and accessories names remain unchanged for the time being, they are transferred to Russian in the form of direct transliteration or calque, thereby demonstrating a rather weak degree of their prevalence among the mass buyer.

However, despite the tendency emerged in recent decades towards maintaining the purity of the Russian language, protecting it from unwanted and unnecessary foreign words, and preserving the strength of the language tradition, the process of lexical borrowing continues. It is supported by the texts in world fashion periodicals, speeches of fashion designers and fashion historians, the Internet space of fashion. This inevitably leads to the assimilation of the most common terms among Russian native speakers.

Библиографический список

1. *Лунькова Л.Н., Букина Л.М.* Семантические англицизмы французского интернет-форума // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 1. С. 92—101. doi:10.22363/2313-2299-2020-11-1-92-101.
2. *Перфильева Н.В., Ху Пэйтэй.* Словообразовательные модели неологизмов-заимствований в русском и китайском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2(4). С. 69—75.
3. *Крылов Г.А.* Этимологический словарь русского языка. СПб: ООО «Виктория плюс», 2004.
4. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995.

6. *Энтуисл Дж.* Модное тело. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. О.Н. Трубачёв. М.: Астрель—АСТ, 2004.
8. *Berneker E.* *Slavisches etymologisches Wörterbuch.* Heidelberg, 1908—1913.
9. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
10. *Шанский Н.М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1965.
11. *Тишков В.А.* Народы и религии мира. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Издание Общ-ва любителей российской словесности, 1994.
13. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
14. *Hesychii Alexandrini Lexicon*, hrsg. von Kurt Latte. А—Δ. Kopenhagen, 1953.
15. Энциклопедия моды и одежды. EdwART. 2011. Режим доступа: <https://rus-fashion-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 27.06.2020).
16. *Фролов Б.Е.* Материалы к «Военному лексикону кубанских казаков» // Дикаревские чтения: материалы Региональной науч. конф., Краснодар, 10—13 окт. 2003 г. / сост., науч. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: Крайбибколлектор, 2003.
17. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: ruscorpora.ru. (дата обращения: 20.07.2020).
18. *Calasibetta C.M., Tortora P.* *The Fairchild Dictionary of Fashion.* NY: Fairchild Books, 2010.
19. *Soboul A.* *The Sans-Culottes: The Popular Movement and Revolutionary Government, 1793—1794.* New York: Doubleday, 1972. pp. 2—3.
20. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary.* Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
21. Толковый online-словарь: Collins Online English Dictionary. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 27.06.2020).
22. Толковый online-словарь: Wiktionary. Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%BF-%D1%82%D0%BE%D0%BF> (дата обращения: 27.06.2020).

References

1. Lunkova, L.N. & Bukina, L.M. (2020). Semantic Anglicisms in French Internet Forum. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 92—101. doi:10.22363/2313-2299-2020-11-1-92-101. (In Russ.).
2. Perfilieva, N.V. & Hu, Peipei (2012). Word-building Patterns in Neologisms-Loanwords in Russian and Chinese. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3(4), 69—75. (In Russ.)
3. Krylov, G.A. (2004). *Etymological dictionary of the Russian language.* St. Petersburg. (In Russ.).
4. Ushakov, D.N. (1935—1940). *Explanatory dictionary of the Russian language: Vol. 1.* Moscow. (In Russ.).
5. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1995). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions.* Moscow. (In Russ.).
6. Enthuisl, J. (2019). *Fashionable body.* Moscow: New Literary Review. (In Russ.).
7. Vasmer, M. (2004). *Etymological dictionary of the Russian language* in 4 volumes, O.N. Trubachev (Tr., ed.). Moscow: Astrel—AST. (In Russ.).
8. Berneker, E. (1908—1913). *Slavisches etymologisches Wörterbuch.* Heidelberg. (In Germ.).
9. Efremova, T.F. (2000). *New dictionary of the Russian language.* Explanatory and derivational. Moscow: Russian language. (In Russ.).
10. Shansky, N.M. (1965). *Etymological dictionary of the Russian language.* Moscow: Publishing house of Moscow State University. (In Russ.).
11. Tishkov, V.A. (1998). *Nations and religions of the world.* Moscow: Great Russian Encyclopedia. (In Russ.).

12. Dal, V.I. (1994). *A dictionary of the living Russian language* (in 4 vol.). Moscow: Terra. (In Russ.).
13. *The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language: A—Ya* (1998). St. Petersburg: Norint. (In Russ.).
14. *Hesychii Alexandrini Lexicon* (1953). hrsg. von Kurt Latte. A—Δ. Kopenhagen.
15. *Encyclopedia of fashion and clothing*. EdwART. (2011). URL: <https://rus-fashion-dict.slovaronline.com/> (accessed: 27.06.2020).
16. Frolov, B.Ye. (2003). Materials for the “Military lexicon of the Kuban Cossacks” In *Dikarevskie readings: materials of the Regional scientific conference*, Krasnodar, 10—13 October, 2003, M.V. Sementsov (ed.). Krasnodar: Kribibkollector.
17. *National corpus of the Russian language*. URL: ruscorpora.ru (accessed: 20.07.2020).
18. Calasibetta, C.M. & Tortora, P. (2010). *The Fairchild Dictionary of Fashion*. NY: Fairchild Books.
19. *Cambridge Advanced Learner’s Dictionary* (2008). Cambridge: Cambridge University Press.
20. Soboul, A. (1972). *The Sans-Culottes: The Popular Movement and Revolutionary Government, 1793—1794*. New York: Doubleday. pp. 2—3.
21. Explanatory online dictionary: Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed: 27.06.2020).
22. Explanatory online dictionary: Wiktionary. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%BF-%D1%82%D0%BE%D0%BF> (accessed: 27.06.2020).

Сведения об авторе:

Недопекина Екатерина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: семантика, прагматика; *e-mail*: nedopekina_em@rudn.ru.

Information about the author:

Ekaterina M. Nedopekina, PhD in Philology, Associate Professor of General and Russian Linguistics Department, RUDN University; *academic interests*: semantics, pragmatics, discourse analysis; *e-mail*: nedopekina_em@rudn.ru.

Семиотика и поэтика текста Semiotic and Poetic Text Studies

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-121-136
УДК [811.161.1:811.111]’37:81’27:316.77

Научная статья / Research article

МОСТ как лингвокультурный символ

В.И. Карасик*, М.С. Милованова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 6
*vkarasik@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема символического осмысления реальности. Символическое осмысление концепта актуализируется на основании его понятийных, образных и ценностных признаков. Проанализированы дефиниционные, контекстуальные и аксиологические характеристики вербального выражения концепта МОСТ в русском и английском языках на материале толковых словарей, энциклопедических справочников, сборников пословиц и афоризмов, текстовых фрагментов из «Национального корпуса русского языка» и «Британского национального корпуса», поэтических текстов. Метафорическое осмысление моста осмысливается как возможность продолжить путь через некоторую преграду. Научная новизна исследования состоит в определении и описании основных векторов символического осмысления концепта «мост». Установлено, что применительно к этому концепту символически значимыми оказываются идеи перехода, возвышения, возможности либо невозможности возвращения, надежности либо ненадежности. Отсюда вытекают символические смыслы строительства и разрушения моста, восхождения на мост и падения с него.

Ключевые слова: символ, концепт, понятие, образ, ценность

Финансирование. Благодарности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2020

Дата приема в печать: 15.12.2020

Для цитирования:

Карасик В.И., Милованова М.С. (2021). МОСТ как лингвокультурный символ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 121—136. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-121-136

© Карасик В.И., Милованова М.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK [811.161.1:811.111]’37:81’27:316.77

BRIDGE as a Linguistic and Cultural Symbol

Vladimir I. Karasik*, Maria S. Milovanova

Pushkin State Russian Language Institute,
6, Ac. Volgin str., Moscow, Russian Federation, 117485

*Corresponding author: vkarasik@yandex.ru

Abstract. The paper deals with a linguistic and cultural conceptualization of reality. A symbolic dimension of a concept is analyzed on the basis of its notional, perceptive and axiological features. The concept BRIDGE has been described in its verbal representation in the Russian and English linguistic cultures. The material of the study includes definitions from dictionaries and encyclopedias, textual samples from the Russian and English national corpuses, proverbs and aphorisms and poetic texts. Metaphorically, a *bridge* is understood as an opportunity to move on along the road via some natural obstacles, usually rivers. Symbolically, the following ideas come to the fore when applied to the concept BRIDGE: crossing an obstacle, raising up, possibility or impossibility of coming back, safety or insecurity. The novelty of the research consists in the description of these vectors of conceptualization of a BRIDGE as a cluster of the symbolic meanings of building or destroying a bridge and going up or falling down from it.

Key words: symbol, concept, notion, image, evaluation

Financing. Acknowledgement.

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 19-012-00609 A “Modern Russian axiosphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code”.

Article history:

Received: 01.12.2020

Accepted: 15.12.2020

For citation:

Karasik, V.I. & Milovanova, M.S. (2021). Bridge as a Linguistic and Cultural Symbol. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 121—136. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-121-136

Введение

На протяжении тысячелетий люди строили мосты для преодоления естественных препятствий — водных потоков или пропастей — при прокладывании дорог, и поэтому закономерно мост стал осмысливаться как символ преодоления препятствий. Тот или иной фрагмент реальности становится символом, если его образ воплощает в себе существенную ценность для носителей лингвокультуры. Изучение символов как способов закрепления ценностей в коллективном сознании неоднократно привлекало к себе внимание лингвистов [1—12]. Заслуживают внимания словари символов [13—18] и исследования отдельных символов культуры [19—21]. Кванты переживаемого опыта — концепты — могут получить символическую значимость [22—26].

В основу данной работы положено предположение о том, что существуют определенные векторы осмысления моста как лингвокультурного символа и определенные модели поведения, соответствующие этим векторам и закрепленные в содержании прецедентных текстов и коммуникативных ситуаций. В качестве материала для исследования послужили данные толковых словарей и справочников и тексты художественной литературы.

Понятийные характеристики концепта МОСТ

Понятийные характеристики концепта «мост» описываются на основе словарных определений. В толковых словарях русского языка приводятся следующие дефиниции основного значения слова «мост»:

Словари БАС и БУС предлагают следующие дефиниции лексической единицы *мост*: Сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь и т. п. *Перен.* О том, что является посредствующим звеном между кем-, чем-либо (БАС); сооружение, которое служит для перевода дороги через какое-л. препятствие; сжечь [за собой] мосты — сознательно сделать абсолютно невозможным возврат к прежнему; наводить мосты — устанавливать контакты (БУС); помост, стилка, стлань, накат, всякого рода сплошная настилка из досок, бревен, брусьев, для езды и для ходьбы; сплошная постройка поперек реки, либо оврага, для перехода; такой мост бывает: деревянный, каменный, железный; на сводах, сваях, козлах; живой или плывучий, из бревенчатых плотов; наплавной, судовый или понтонный, на судах или лодках; летучий, висячий, перекинутый без средней опоры, на одних береговых устоях; нередко он же бывает и цепной, съёмный мост, ставится только временно, например на лето; разводный, строится для пропуска судов; подъемный, делается например через крепостные рвы и пр. (Даль).

В приведенных определениях выделены следующие признаки концепта «мост»: 1) сооружение, 2) С. для продолжения дороги, 3) С. через какое-либо препятствие, 4) С. соединяющее удаленные друг от друга места или жизненные ситуации, 5) С. сделанное из дерева, либо камня, либо металла, 6) С. постоянное либо временное, 7) С. имеющее различные конструкционные воплощения. Эти признаки неравнозначны по метафорической мощности: наиболее важной характеристикой моста является его функциональное предназначение.

В толковых словарях английского языка выделяются аналогичные признаки рассматриваемого концепта:

a structure built over a river, road etc. that allows people or vehicles to cross from one side to the other; something that provides a connection between two things (LDCE); a structure forming or carrying a road over a river, a ravine, etc., or affording passage between two points at a height above the ground; proverbial phr. to cross a (or the) bridge when one comes to it: to deal with a problem when or if it arises; to burn one's bridges (boats) behind one: to cut oneself off from all chance of retreat (OED).

В этих определениях выделены признаки: 1) сооружение, 2) С. над рекой, ущельем, дорогой, 3) С. позволяющее перейти или переехать на другую сторону, 4) С. возвышающееся над препятствием, 5) С. похожее по форме или по функции на такую конструкцию. Фразеологизм «сжигать мосты (или корабли)» соответствует такому же выражению в русском языке; но существует выражение «пересекать мост, когда подходишь к нему» — решать проблемы по мере их возникновения.

Идея моста как возвышения конкретизируется в понятиях «корабельный мостик» — высоко расположенная легкая палуба, где находятся приборы и откуда ведется командование судном — и «театральные подмостки» — сцена (БАС). Мост как настил из дерева или камня осмыслен в значении глагола «мостить» и слов «мостовая», «мощный». Существенные характеристики моста неразрывно связаны с характеристиками дороги [27].

Внутренняя форма слова *мост* не имеет достоверного этимологического объяснения, некоторые связывают ее с идеей перебрасывания (метать), другие полагают, что это заимствование из германских языков (жердь, шест, мачта) (Черных). Английское *bridge* и немецкое *Brücke* восходят к основе со значением «балка, бревно» (Klein; Kluge).

Таким образом, понятийные характеристики концепта МОСТ сводятся к определению функциональных и внешних признаков этого сооружения. В переносном смысле акцентируются предназначение моста и его позиция в вертикальном измерении.

Образные признаки концепта МОСТ

Образно-перцептивные признаки рассматриваемого концепта были установлены на основе анализа текстовых иллюстраций в «Национальном корпусе русского языка» (<https://ruscorpora.ru/new/>).

Уточняется внешний вид этого объекта в его различных конкретных воплощениях:

По чертежам флорентийца в ноябре в норвежском городе Ас был построен мост длиной 100 метров (О. Антонова).

И правда, изящные ажурные башенки и длинный арочный мост, отраженные в речной воде, вместе с разбитым на берегу парком составляют цельный образ, забыть который невозможно (В. Гаков).

Но как только мы перешли широкий деревянный мост, переброшенный через Золотой Рог, и очутились в Стамбуле, нас поразила необычная тишина и запустение (Н. Гумилев).

Показано, что мост является частью дороги:

Автомашина «Победа», как установлено, проследовала по проспекту Энгельса, далее через мост на Загородное шоссе (А. Азольский).

Обратим внимание на то, что многие мосты имеют имена собственные:

Мостов было много, но любимым был мост Петра Великого, не тяжёлый, напротив, изящно висящий, словно бы ни на что не опертый (И. Грекова).

В большом доме Глебов бывал не раз: у Моржа на десятом этаже, где из окна открывался вид на Крымский мост (Ю. Трифонов).

Друзья перешли Аничков мост, чуть замедлив шаги у ограды (С. Довлатов).

Имена собственные, как известно, подчеркивают уникальность и значимость объекта.

В ряде случаев акцентируется имя архитектора моста:

Здесь же, имея перед глазами Неву, невдалеке мост, построенный генерал-инженером Дестремом, дальше Петербургскую часть, а у ног тумбу, — император излучал гнев, не находивший применения (Ю. Тынянов).

Как и любой материальный объект, мост может быть разрушен:

Мост не выдержал напора толпы и рухнул в воду (Л. Чарская).

На следующий день выяснилось, что было сильное землетрясение, полностью разрушившее автомобильный мост через реку Нарын, через который доставлялось нам продовольствие (А. Городницкий).

Еще два человека числятся пропавшими без вести — снесло мост, на котором они наблюдали за стихией (Е. Маслова).

Мосты со временем требуют ремонта:

Ко мне заехал исправник с намерением обратить мое внимание на провалившийся мост в моих владениях, который мне решительно не на что было починить (И.С. Тургенев).

Во время войны мосты становятся стратегически важными объектами, которые нужно защищать, либо захватывать, а в случае отступления уничтожать:

Мы обороняем мост. Вчера немцы хотели переправиться на нашу сторону, но, подпустив их до середины моста, мы открыли такой адский огонь, что немцы должны были сломя голову бежать (Н. Постников).

Другая группа танков с ходу захватила мост через Дон, — охрана моста приняла советскую танковую часть за учебный отряд, оснащенный трофейными танками, часто пользовавшийся этим мостом (В. Гроссман).

Чтобы построить мост, надо годы работы и несколько тысяч человек, а чтоб взорвать его, достаточно часа и десятка человек (Ю. Домбровский).

Мы обращаем внимание на вибрацию моста:

Я перешел на ту сторону реки, горбатый мост без перил задрожал под моими ногами (А. Апухтин).

Известно, что войсковые подразделения не должны идти в ногу, переходя мосты, поскольку резонанс может привести к разрушению таких сооружений.

В переносном смысле мост осмысливается как средство для достижения определенной цели:

Сегодня как мост для трансплантации этого органа в России используется совершенно уникальное устройство, созданное здесь (А. Маева).

Н.И. Стороженко, к коему чувства мои — сыновняя любовь и признательность, ибо он поистине спас меня от голода и, как отец сыну, бросил верный мост, выхлопотал для меня у К.Т. Солдатенкова заказ перевести

«Историю скандинавской литературы» Горна-Швейцера и, несколько позднее, двухтомник «История итальянской литературы» Гаспарри (К. Бальмонт).

*А вот уж это — Курсистка не трунила над маниловским беспочвенным прожектерством: уповала, голубушка, на **мост** в социализм, — вот уж это было от Башуцкого или от лукавого (Ю. Давыдов).*

Акцентируется логическая связь идей или событий:

*Папа опять стал изъясняться вполголоса, как в музее возле картин. Но она сама, без всякой моей подсказки перекинула **мост** от конкретных событий к логическим выводам (А. Алексин).*

*Этот диалог необходим, потому что именно он позволяет поддерживать насыщенную связь времен, прокладывает **мост** от одной эпохи или культуры к другой, противодействует неумолимо надвигающемуся хаосу (А. Андреева).*

Интересны примеры, в которых метафорически подчеркивается необходимость выбора:

*Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою надо рвом и жду, когда он зарастет сам или затянет его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него **мост**? (А.П. Чехов).*

В приведенных примерах контекстуально уточняются характеристики моста как конструкции, как материального, географического, стратегического и культурного объекта, как средства для достижения определенной цели.

Обратившись к контекстуальным признакам рассматриваемого объекта в английском языке, находим следующие уточнения осмысления моста. Приводятся примеры, размещенные на сайте «Британского национального корпуса» (<https://www.english-corpora.org/bnc>). В примерах из газетных текстов авторы не были указаны.

Охарактеризован внешний вид мостов и прилегающих территорий:

*Scores of multinational companies have set up in the industrial parks on either side of the giant **bridge** that links Penang island to the mainland. Дюжины международных компаний обосновались на территории индустриальных парков по обеим сторонам гигантского моста, соединившего остров Пенанг с материком (здесь и далее перевод наш — В.К. и М.М.).*

*...although it is an elegant **bridge** it is actually built of concrete blocks. ... хотя это изящный мост, на самом деле он построен из бетонных блоков.*

Приводится описание множества конкретных мостов:

*George IV **Bridge** is one of Edinburgh's numerous viaducts built to span transverse streets at different levels. As the buildings rise from ground level, entrance from the **Bridge** gives access on the middle storeys. 'Мост Георга IV — один из многочисленных виадуков Эдинбурга, построенных, чтобы соединить поперечные улицы на разных уровнях. Поскольку у зданий разная высота, вход с моста дает возможность попасть сразу на средние этажи'.*

*To one side of the square is the former railway station and the **bridge** over the gardens is a former railway **bridge*** (S. Farrow). ‘На одной стороне площади находится бывший железнодорожный вокзал, и мост над парком — это бывший железнодорожный мост’.

*The driver lost his legs when the vehicle hit a motorway **bridge***. ‘Водитель потерял ноги, когда его автомобиль врезался в шоссе́нный мост’.

Показано расположение мостов на местности:

*Trains from Charing Cross, Waterloo East and London **Bridge** take 16 minutes to reach Greenwich or Maze Hill*. ‘Поезда с Чаринг Кросс, Восточного Ватерлоо и Лондонского моста идут 16 минут до Гринвича или Мейз-Хилла’.

*He heard many voices as people passed on the pathway from the **bridge** to the ramp* (E. Pargeter). ‘Он услышал множество голосов, когда люди шли по дорожке с моста к склону’.

*For example, if the car in front goes under a **bridge** it should take you two seconds to reach that point*. ‘Например, если автомобиль впереди пойдет под мостом, вы через две секунды будете на том месте’.

Назван материал, из которого сделаны мосты:

*The Magdalene **Bridge** over the River Cam is a cast-iron structure of 1823. It replaced an eighteenth-century **bridge** of stone*. ‘Мост Магдалины над рекой Кэм — это железная литая конструкция 1823 года. Раньше на этом месте был каменный мост XVIII века’.

*The question asked was: “Is this steel appropriate for safe use in the building of this **bridge**?” Unless an answer is given to the question, the report is useless* (W. Fisher). ‘Был задан вопрос: Эта сталь надежна для строительства этого моста?» Пока не получен ответ на этот вопрос, нет смысла в отчете’.

Мосты проектируются и требуют ухода:

*After Brunel’s death, and in more prosperous times, work was recommenced on a modified design, as a tribute to the great man whose career as an independent engineer had begun with this project, and the **bridge** was finally opened to traffic in 1864 (B. Bailey)*. ‘После смерти Брунела, в более удачные времена, работу возобновили по измененному плану в качестве дани уважения великому человеку, чья карьера независимого инженера началась с этого проекта, и мост был, наконец, открыт для движения в 1864 году’.

*A survey of these structures on the line has been carried out by a firm of consulting engineers, showing that only one minor **bridge** requires any structural repairs*. ‘Отчет об этих сооружениях на линии был составлен группой инженеро-консультантов, там было отмечено, что только один небольшой мост требовал существенного ремонта’.

Мосты могут разрушаться естественным путем либо в результате военных действий:

*Flooding affected two roads, nearby homes and local pubs. A **bridge** collapsed at Longcot near Swindon*. ‘От наводнения пострадали две дороги, ближайшие дома и местные пабы. Рухнул мост в Лонгкоте возле Суиндона’.

*Officials said unidentified saboteurs also used a dynamite-packed petrol tanker to blow up a **bridge** near the town of Mostar.* ‘Официальные лица сообщили, что террористы также использовали наполненный динамитом нефтяной танкер, чтобы взорвать мост у города Мостар’.

*The three corporals left in the hut were told ‘to do what you can’ for no one had appeared to blow the **bridge** (J. Ladd).* ‘Трем капралам, оставшимся в хижине, было сказано «сделать, что сможете», поскольку не оказалось никого, кто взорвал бы мост’.

Заслуживает внимания весьма частотное использование выражения «It’s water under the bridge» — ‘Много воды утекло с тех пор’ (по-английски уточняется — под мостом):

*Sensing he was going too far, the old man was more cautious. “Water under the **bridge**,” he mumbled.’ (J. Cox).* ‘Чувствуя, что он зашел слишком далеко, старик стал осторожнее и пробормотал: «Все давно прошло»’.

Since then, a lot of good writing and bad puns have passed under the bridge. ‘С тех пор об этом было написано много хороших произведений и плохих каламбуров’.

*His jockey Steve Raymont was just looking after an inexperienced horse, but I suppose it’s water under the **bridge** now (P. Flannigan).* ‘Жокей Стив Реймонт всего лишь следил за неопытной лошастью, но я думаю, с тех пор утекло много воды’.

Метафорически переход по мосту осмысливается как решение вопроса в нужное время:

*What would she do when the secret was out? She would cross that **bridge** when she came to it (M. Cole).* ‘Что же ей делать, когда секрет раскроется? Она подумает об этом позже, когда подойдет время’.

В английском языке часто используется выражение «to **bridge** the gap» — ‘преодолеть пробел, разрыв’, букв. ‘соединить мостом разрыв’:

*And he urged the heads to think how they could **bridge** the gap between Britain’s best and worst schools (A. Brown).* ‘Он заставил людей думать, как можно устранить разрыв между лучшими и худшими школами Британии’.

В переносном смысле «корабельный мостик» понимается как ответственность руководителя:

I see no captain on the bridge, no leader, no will to win or passion to play for the club (L. Andrews). ‘Я не вижу капитана на мостике, нет лидера, нет воли к победе и страсти играть за клуб’.

Метафорическое расширение концепта МОСТ прослеживается в следующем примере:

*Personally, I feel that the competition helps strengthen the **bridge** of practical experience that is so necessary between the classroom and the workplace.* ‘Лично я чувствую, что состязание помогает укрепить мост практического опыта, который так необходим для соединения учебной аудитории и рабочего места’.

Таким образом, в описании мостов суммируются их функциональные, материальные и внешние характеристики.

Ценностные признаки концепта МОСТ

Ценностные признаки рассматриваемого концепта были установлены на основе анализа пословиц, афоризмов и прецедентных текстов, в которых метафорически осмыслены характеристики этого артефакта.

Следует ценить в людях надежность (**каменный мост** — символ надежности):

Добрый человек лучше (надежнее) каменного моста (рус.); *Друг за тобой — это надежный мост* (голланд.); *Даже если перед тобой каменный мост, сначала проверь, надежен ли он* (корейск.).

Следует придерживаться проверенных путей (**известный мост** — символ надежности):

Иди по тому мосту, по которому прошли твои родственники (азерб.).

Следует обдумывать свои поступки (**разрушенный мост** — символ непоправимых действий):

Не сжигай мост, пока не перешел через него (англ.); *Разрушая мост, будь уверен, что умеешь плавать* (суахили).

Следует знать, что первопроходцы неизбежно идут на риск (идушие первыми символизируют жертвоприношение):

Идущий впереди — мост для идущего позади (груз.); *Тот, кому дано быть лидером, должен быть мостом* (валлийск.).

Следует знать, что нельзя перекладывать на других свои обязанности (**мост** — символ предназначения):

Бог дал нам руки, а мосты мы должны строить сами (нем.); *Без моста через реку не переправиться* (япон.); *Какой мост построишь, по такому и перейдешь* (даргин.).

Следует все делать вовремя (**хлипкий мост** — символ опасности):

Мост начинают чинить после того, как кто-то с него упал (сомалийск.).

Следует проявлять волю к победе (**хождение по зыбкому мосту** — символ испытания):

Еще не перешел мост, а уже потерял равновесие (вьет.).

Следует наращивать усилия в борьбе (**строить золотой мост** — ускорять развитие событий):

Отступающему врагу — золотой мост (исп.).

Следует знать, что чрезмерная осторожность может помешать успеху (**поиски моста** — символ лишней осторожности):

Пока умник ищет мост, глупец пересекает реку (перс.).

Следует знать, что грань между радостью и горем бывает почти незаметной (**мост** — символ перехода):

Не бывает длинным мост между радостью и горем (нем.).

В афористике символизируются другие ассоциативные признаки концепта МОСТ. Контрастируется различие между стеной, разъединяющей людей, и мостом, соединяющим их:

*Из всего, что воздвигает и строит человек, повинуюсь жизненному инстинкту, на мой взгляд, нет ничего лучше и ценнее **мостов** (И. Андрич); Люди так одиноки, потому что они строят стены, а не **мосты** (Дж. Ньютон); Стены, развернутые в разные стороны, становятся **мостами** (А. Дэвис).*

Противопоставляются **небо** и **земля**, **свет** и **тьма**, **мост** и **пропасть** (обрыв), при этом **мост** выступает **как знак спасения**:

*Вера — это радужный **мост между небом и землей**, всем на отраду; но из странников каждый видит его по-разному, в зависимости от места, где находится (И.В. Гёте); Могила — это всего лишь прикрытый **мост, ведущий от света к свету через малую тьму** (Г. Лонгфелло); Дьявол толкает к обрыву, Бог открывает **мосты**. Оказавшись на краю обрыва, смотри — где-то увидишь **мост** (М. Ильдан); Когда **мост** рассыпается под ногами, лучше смотреть вверх (Д. Квиллар); Нелегко перекинуть мост через пропасть, созданную гордостью (Дж. Голсуорси).*

Следует знать, что жизнь полна испытаний (**узкий мост** — символ опасностей):

*Весь мир — это очень **узкий мост**, и главное — не бояться (Нахман).*

Критически оцениваются ошибочные решения, несбывшиеся планы, упущенные возможности (**мост как символ правильного решения**):

*Труднее всего в жизни запомнить, какой **мост** надо перейти, а какой надо сжечь (Б. Рассел); **Мост** уже запланирован, теперь планируют реку (Х. Ягодзинский); Они все еще отважно переправляются через брод, хотя **мост** уже где-то построен (К. Ижиковский); В молодости мы собираем материал, чтобы построить **мост** на луну, дворец или храм, а к середине жизни мы используем его, чтобы возвести сарай для дров (Г. Торо).*

Отмечено, что спасение человечества обычно сопряжено с унижением и страданием (**мост как переход от отчаяния к надежде**):

*Если вы хотите стать **мостом надежды** для всего мира, будьте готовы к тому, что по вам пойдут толпы (Т. Барнетт).*

В пословицах, включающих образ моста, выражены советы ценить надежность в людях и обстоятельствах, проявлять настойчивость и трезво учитывать условия жизни. Афоризмы акцентируют предназначение мостов — укреплять связи между людьми и верить в лучшее, но вместе с тем в этих речениях констатируются типичные ошибки, которые неизбежно повторяются нами.

Символические смыслы концепта МОСТ в поэтических текстах

Символический потенциал концепта «мост» по-разному проявляется в поэтических текстах.

Главная символическая характеристика моста — это переход между мирами. Эта идея точно выражена в стихотворении Георгия Иванова:

*Видишь мост. За этим мостом
Есть тропинка в лесу густом.
Если хочешь — иди по ней
Много тысяч ночей и дней.
Будешь есть чернику и мох,
Будут ноги твои в крови —
Но зато твой последний вздох
Долетит до твоей любви.*

*Видишь дом. Это дом такой,
Где устали ждать покой,
Тихий дом из синего льда,
Где цветут левкой всегда.
...Поглядишь с балкона на юг,
Мост увидишь и дальний лес,
И не вспомнишь даже, мой друг,
Что твой свет навсегда исчез.*

Открывается многомерный символ перехода в иное бытие. Этот переход труден, цель почти недостижима. Противопоставляются архетипические символы «лес» и «дом», возникает фантастический образ ледяного дома, в котором цветут левкой, символ неувядающей красоты, обратим внимание — «цветут всегда», неотцветающий сад — аллюзия к раю, т.е. к вечной жизни за гранью смерти.

Мощный символический смысл прослеживается в образе «**Мост над бурными водами**». Этот образ опоры и поддержки выражен в известной песне американских певцов П. Саймона и А. Гарфанкела (автор текста — Пол Саймон):

Bridge over Troubled Water

*When you're weary, feeling small / When tears are in your eyes, I will dry
them all, all
I'm on your side, oh, when times get rough / And friends just can't be found
Like a **bridge over troubled water** / I will lay me down
Like a **bridge over troubled water** / I will lay me down
When you're down and out / When you're on the street
When evening falls so hard / I will comfort you
I'll take your part, oh, when darkness comes / And pain is all around
Like a **bridge over troubled water** / I will lay me down
Like a **bridge over troubled water** / I will lay me down
Sail on silver girl / Sail on by
Your time has come to shine / All your dreams are on their way
See how they shine / Oh, if you need a friend / I'm sailing right behind
Like a **bridge over troubled water** / I will ease your mind
Like a **bridge over troubled water** / I will ease your mind*

Подстрочный перевод: ‘Когда у тебя нет сил, и ты чувствуешь себя крохотной, когда в твоих глазах слезы, я осушу их все. Я на твоей стороне, когда приходят трудные времена и друзей просто не найти. Как мост над бурными водами, я спущусь к тебе, как мост над бурными водами, я спущусь к тебе. Когда ты, потеряв все, пойдешь по улице, когда вечер будет таким тяжким, я утешу тебя. Я возьму твои невзгоды, да, когда нахлынет тьма и кругом будет боль. Как мост над бурными водами, я спущусь к тебе, как мост над бурными водами, я спущусь к тебе. Плыви дальше, серебряная девочка, плыви. Пришло твое время — светись. Все твои мечты сбудутся, смотри, как они светятся. И если тебе нужен друг, я плыву за тобой. Как мост над бурными водами, я спущусь к тебе, как мост над бурными водами, я спущусь к тебе’.

Этот текст был адресован любимой девушке автора. По стилистике это gospel, духовное песнопение. Мы видим контрастное описание переживаний адресата и готовности лирического героя прийти на помощь. Возникают ассоциации с ангелом, который спускается к терпящему бедствие кораблю.

В иной тональности разворачивается повествование о сожжении мостов. В стихотворении Ю. Левитанского говорится о разрыве с прошлым:

*Горящими листьями пахнет в саду,
Прощайте, я больше сюда не приду,
Дымится бумага, чернеют листья —
Сжигаю мосты, **сжигаю мосты.**
Чернеют листья, тяжелеет рука,
Бикфордовым шнуром дымится строка,
Последние листья, деревья пусты —
Сжигаю мосты, **сжигаю мосты.**
Чернеют листья, тяжелеет рука,
Бикфордовым шнуром дымится строка,
Последние листья, деревья пусты —
Сжигаю мосты.
Прощайте. Прощальный свершаю обряд,
Осенние листья, как порох, горят,
И капли на стеклах, как звезды, чисты —
Сжигаю мосты, **сжигаю мосты.**
Я больше уже не приду в этот сад,
Иду, чтоб уже не вернуться назад,
До ранней зеленой, последней звезды —
Сжигаю мосты, сжигаю мосты.*

Символ горящих мостов многозначен и может относиться к разным жизненным ситуациям — разрыву личных отношений, уничтожению черновиков и свидетельств, аллюзии к кремации и др. Бикфордов шнур, впрочем, вызывает ассоциации с подрывом мостов во время войны.

Ситуация столкновения на узком мосту прослеживается во многих сюжетах, иронически описывающих нежелание соперников пойти на компромисс.

Обычно персонажами подобных текстов оказываются два барана. В результате подобных столкновений оба барана падают с моста в реку. Такой сюжет поучителен и воплощен в басне С. Михалкова:

Бараны

*По крутой тропинке горной / Шел домой барашек черный
И на мостике горбатым / Повстречался с белым братом.
И сказал барашек белый: / «Братец, вот какое дело:
Здесь вдвоем нельзя пройти, / Ты стоишь мне на пути».
Черный брат ответил: / «Ме, / Вы в своем, баран, уме?
Пусть мои отсохнут ноги, / Если я сойду с дороги!»
Помотал один рогами, / Уперся другой ногами...
Как рогами ни крути, / А вдвоем нельзя пройти.
Сверху солнышко печет, / А внизу река течет.
В этой речке утром рано / Утонули два барана.*

Узкий мост — это арена для столкновения тех, кто лишен здравого смысла. Такие персонажи являются мишенями для осмеяния.

Заключение

Символическое осмысление концепта актуализируется на основании его понятийных, образных и ценностных признаков. Применительно к концепту «мост» символически значимыми оказываются идеи перехода, возвышения, возможности либо невозможности возвращения, надежности либо ненадежности. Отсюда вытекают символические смыслы строительства и разрушения моста, восхождения на мост и падения с него.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Символ // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 607—608.
2. *Зубко Г.В.* Древний символ. Истоки. Смысловая структура. Эволюция. М.: Университетская книга, 2010.
3. *Иванов Н.В.* Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). М.: URSS, 2002.
4. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.
5. *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // *Семиосфера*. СПб.: Искусство, 2000.
6. *Пророков М.В.* Категория художественного образа и проблема символа // *Вестник МГУ*. Сер. 9. Филология. 1987. № 4. С. 39—47.
7. *Сафьянова И.В.* Специфика символа как тропа и условия реализации символического значения. СПб., 1997.
8. *Тодоров Ц.* Теории символа. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998.
9. *Фадеева И.Е.* Теория и культурно-историческая феноменология символа: дис. ...д-ра культурологии. СПб., 2004.
10. *Шатин Ю.В.* Миф и символ как семиотические категории // *Язык и культура: сб. статей Всерос. науч. филол. конф.* Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. С. 7—10.

11. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125—143.
12. Якушевич И. В. Семантико-семиотическая модель символа и его языковое варьирование в поэтическом тексте (на материале русской поэзии XIX—XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.
13. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
14. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994.
15. Копалинский В. Словарь символов. Калининград: Янтар. сказ., 2002.
16. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996.
17. Тресиддер Д. Словарь символов. М.: ГРАНД, ФАИР-ПРЕСС, 2001.
18. Флоренский П.А. Symbolarium (словарь символов). Вып. 1. Точка // Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 564—590.
19. Карпов Ю.Ю. Маска и образ // Этносемиотика ритуальных предметов: Сб. науч. ст. СПб., 1993. С. 16—27.
20. Купрякова В.С. Зеркало как символ роскоши и тщеславия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2012. № 3. С. 16—20.
21. Олянич А.В. Дар Востока — Западу: лингвосомиотика и аксиология веера // Лингвокультурные ценности в сопоставительном аспекте: коллективная монография / Науч. ред. В.И. Карасик, Н.А. Красавский. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2018. С. 134—157.
22. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2014.
23. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013.
24. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.
25. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
26. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004.
27. Ипполитов О.О. Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.

Лексикографические источники

БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М. —Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950—1965.

БУС — Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2016.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Терра, 1994.

Черных — Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1.

Klein — Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam: Elsevier, 1966.

Kluge — Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 25. Auflage. De Gruyter, 2012.

LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English. CD-ROM. Harlow: Pearson Education Limited, 2005.

OED — Oxford English Dictionary Second Edition on CD-ROM (v. 4.0). Oxford University Press, 2009.

References

1. Averincev, S.S. (1983). Symbol In: *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow.: Sovetskaya enciklopediya. pp. 607—608. (In Russ.).

2. Zubko, G.V. (2010). *Ancient symbol. Origins. Semantic structure. Evolution*. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.).
3. Ivanov N.V. (2002). *Problem aspects of linguistic symbolism (experience of theoretical analysis)*. Moscow: URSS. (In Russ.).
4. Losev, A.F. (1995). *The problem of symbol and realistic art*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
5. Lotman, Yu.M. (2000). *Symbol in the system of culture* In *Semiosfera*. St. Petersburg: Iskusstvo. (In Russ.).
6. Prorokov, M.V. (1987). The category of artistic image and the problem of symbol. *The Bulletin of Moscow State University. Series: Philology*, 4, 39—47. (In Russ.).
7. Safyanova, I.V. (1997). *The specificity of symbol as trope and conditions of symbolic meaning realization*. St. Petersburg. (In Russ.).
8. Todorov, S. (1998). *Theories of symbol*. Moscow: Dom intellektualnoy knigi. (In Russ.).
9. Fadeeva, I.E. (2004). *The theory of cultural and historic phenomenology of symbol* [dissertation]. St. Petersburg. (In Russ.).
10. Shatin, Yu.V. (2003). Myth and symbol as semiotic categories In *Language and culture: collection of philological conference articles*. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo. pp. 7—10. (In Russ.).
11. Shelestyuk, E.V. (1997). On a linguistic investigation of a symbol. *Topics in the study of language*, 4, 125—143. (In Russ.).
12. Yakushevich, I.V. (2015). *Semantic and semiotic model of symbol and its linguistic variation in a poetic text (on the material of Russian poetry of the XIX—XX centuries)*[dissertation]. Moscow. (In Russ.).
13. Bauer, V., Dyumotz, I. & Golovin, S. (1998). *Encyclopedia of symbols*. Moscow: KRON-PRESS. (In Russ.).
14. Kerlot, H.E. (1994). *Dictionary of symbols*. Moscow: REFL-book. (In Russ.).
15. Kopalinsky, V. (2002). *Dictionary of symbols*. Kaliningrad: Ember legend. (In Russ.).
16. Makovsky, M.M. (1996). *A comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: Image of the world and worlds of images*. Moscow: Vlados. (In Russ.).
17. Tresidder, D. (2001). *Dictionary of symbols*. Moscow: GRAND, FAIR-PRESS. (In Russ.).
18. Florensky, P.A. (1996). Symbolarium (dictionary of symbols). Issue 1 In *Collected works in 4 volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl. pp. 564—590. (In Russ.).
19. Karpov, Yu.Yu. (1993). Masque and image In *Ethnic semiotic of ritual objects: collection of articles*. St.Petersburg. pp.16—27. (In Russ.).
20. Kupryakova, V.S. (2012). A looking glass as a symbol of luxury and vanity. *Bulletin of St.Petersburg university of culture and arts*, 3, 16—20. (In Russ.).
21. Olyanich, A.V. (2018). The gift of the East to the West: linguistic semiotic and axiology of fan In *Linguistic and cultural values in a comparative aspect: Collective monograph*. V.I. Karasik, N.A. Krasavsky (eds.). Volgograd: PrinTerra-Dizayn. pp.134—157. (In Russ.).
22. Vorkachev, S.G. (2014). *Implementation of meaning: conceptualia selecta: monograph*. Volgograd: Paradigma. (In Russ.).
23. Dementev, V.V. (2013). *Communicative values of the Russian culture: The category of personality in lexis and pragmatics*. Moscow: Global kom. (In Russ.).
24. Karasik, V.I. (2013). *Linguistic matrix of culture*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
25. Kolesov, V.V. (2004). *Language and mentality*. St.Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.).
26. Slyshkin, G.G. (2004). *Linguistic and cultural concepts and meta-concepts: a monograph*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
27. Ippolitov, O.O. (2003). *The realization of the concept “road” in lexical and phraseological system of the language* [dissertation]. Voronezh. (In Russ.).

Dictionaries

Dal, V.I. (1994). *A dictionary of the living Russian language* (in 4 vol.). Moscow: Terra. (In Russ.).

Morkovkin, V.V., Bogachyova, G.F. & Luckaya N.M. (2016). *A comprehensive universal dictionary of the Russian language*. V.V. Morkovkin (Eds.). Moscow: AST-PRESS-KNIGA. (In Russ.).

A Dictionary of the modern Russian literary language (1950—1965) in 17 vols. Moscow—Leningrad: Izd-vo Akademii nauk USSR. (In Russ.).

Chernyh, P.Ya. (1999). *A historic and etymological dictionary of the Russian language in 2 vols*. Moscow: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).

Klein, E. (1996). *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. Amsterdam: Elsevier.

Kluge, F. (2012). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 25. Auflage. De Gruyter.

Longman Dictionary of Contemporary English (2005). CD-ROM. Harlow: Pearson Education Limited.

Oxford English Dictionary. Second Edition on CD-ROM (version 4.0) (2009). Oxford University Press.

Сведения об авторах:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»; сфера научных интересов: аксиологическая лингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика, дискурсология, лингвоперсонология. E-mail: vkarasik@yandex.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0001-8306-5317. eLIBRARY SPIN-код: 6068-6478.

Милованова Мария Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»; сфера научных интересов: проблемы синтаксиса, лингвокультурология, аксиологическая лингвистика. E-mail: mashamilov@yandex.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0002-0204-028X. eLIBRARY SPIN-код: 7639-5167.

Information about the authors:

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “Pushkin State Russian Language Institute”, Moscow. *Research interest*: Axiological Linguistics, Sociolinguistics, Language and Culture Studies, Pragmatics, Discourse Theory, Linguistic Personality Theory. ORCID: 0000-0001-8306-5317. eLIBRARY SPIN-код: 6068-6478.

Maria S. Milovanova, Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “Pushkin State Russian Language Institute”, Moscow. *Research interest*: Syntax Axiological Linguistics, Language and Culture Studies, Pragmatics. ORCID: 0000-0002-0204-028X. eLIBRARY SPIN-код: 7639-5167.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152
УДК 811.161.1'42:821.161.1–14:81'342

Научная статья / Research article

Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока

З.К. Темиргазина^{1*}, Г.К. Жакупова²

¹Высшая школа гуманитарных наук
Павлодарский педагогический университет,
140005, Республика Казахстан, Павлодар, ул. Мира, 60
*zifakakbaevna@mail.ru

²Назарбаев интеллектуальная школа,
140012, Республика Казахстан, Павлодар, ул. Ткачева, 16/2

Аннотация. Исследуется роль наблюдателя — субъекта акустического восприятия в поэтическом нарративе, в частности, в построении двоемирия в раннем цикле Александра Блока «Стихи о Прекрасной Даме». Акустические перцептивные данные положены в основу создания сложных мистико-философских символов и поэтических образов. Божественный, идеальный мир Прекрасной Дамы и реальный мир лирического героя противостоят друг другу в акустическом плане, что порождает оппозицию ГАРМОНИЯ — ДИСГАРМОНИЯ. Названная оппозиция реализуется в типичных для высшего мира музыкальных звуках, песнях, колокольном звоне. Реальный мир характеризуется другими звуками, немusикальными: стонами, скрипом, жалобами, плачем. Соответственно, эмоции ценностно различаются в зависимости от принадлежности тому или иному миру: в мире Прекрасной Дамы тихо смеются, радуются, в мире лирического героя плачут, стонут, жалуется. Значимым символом божественного мира является ТИШИНА. Мир Прекрасной Дамы, таким образом, гармоничен, музыкален и тих. Его важным элементом выступают голоса птиц: лебедей, журавлей, орлов. Обоняние, осязание и вкус играют незначительную роль в создании блоковского двоемирия. Температурные ощущения участвуют в формировании символа ХОЛОД как враждебного божественному миру явления. Таким образом, концепция двоемирия в ранней лирике Блока воплощается в ряде акустических оппозиций и акустических символах тишины, песни, колокольного звона.

Ключевые слова: гармония, дисгармония, акустическая оппозиция, поэтический нарратив, наблюдатель, символ, синестетический троп, А. Блок

История статьи:

Дата поступления: 07.01.2021

Дата приема в печать: 10.01.2021

© Темиргазина З.К., Жакупова Г.К., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Темиргазина З.К., Жакупова Г.К. Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 137—152. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152

UDK 811.161.1'42:821.161.1—14:81'342

Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok

Zifa K. Temirgazina^{1*}, Gulzhan K. Zhakupova²

¹Graduate School of Humanities
Pavlodar Pedagogical University,
60, St. Mira, Pavlodar, The Republic of Kazakhstan, 140005

*Corresponding author: zifakakbaevna@mail.ru

²Nazarbayev Intellectual School,
16/2, St. Tkacheva, Pavlodar, The Republic of Kazakhstan, 140012

Abstract. The article studies the role of the observer — the subject of acoustic perception of poetic narrative, in particular, in the construction of a dual reality in the early work by Alexander Blok “Poems about the Beautiful Lady”. Acoustic perceptual data is the basis for the creation of complex mystical and philosophical symbols and poetic images. The divine, ideal world of the Beautiful Lady and the real world of the lyric hero are in opposition to each other in acoustic terms, which give rise to the opposition HARMONY — DISHARMONY. The opposition is realized in musical sounds, songs, and bell ringing typical of the upper world. The real world is characterized by other sounds, non-musical: groans, creaks, complaints, and crying. Accordingly, emotions also differ in value depending on belonging to one or another world: in the world of the Beautiful Lady they quietly laugh, rejoice; in the world of the lyrical hero they cry, moan, complain. SILENCE is a significant symbol of the divine world. The world of the Beautiful Lady is thus harmonious, musical and quiet. Its important element is the voices of birds: swans, cranes, eagles. Smell, touch and taste play a minor role in the creation of the Blok’s dual reality. Temperature sensations participate in the formation of the COLD symbol as a phenomenon hostile to the divine world. Thus, the concept of dual reality in Blok’s early lyrics is embodied in a number of acoustic oppositions and acoustic symbols of silence, song, and bell ringing.

Key words: harmony, disharmony, acoustic opposition, poetic narrative, observer, symbol, synesthetic trope

Article history:

Received: 07.01.2021

Accepted: 10.01.2021

For citation:

Temirgazina, Z.K. & Zhakupova, G.K. (2021). Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 137—152. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152

Введение

Специфика лирики как рода литературы заключается в выведении на первый план художественного произведения субъективного переживания. Развитие поэзии, характеризуясь подвижностью и смещением жанровых границ, включением в пространство лирического текста особенностей эпоса и драмы (конечно, с сохранением собственной родовой специфики), вызывает необходимость тщательного изучения проблемы повествовательности в лирике, связанной с повествователем-нарратором, фигурой наблюдателя.

Б. МакХейл объясняет недостаточное внимание нарратологии к поэтическим текстам отсутствием в современной теории литературы четкого представления о том, что такое поэзия, каковы ее специфические черты [1]. В широком толковании нарратология — это не только учение об эпическом тексте, но и о повествовании как одном из базовых способов оформления, хранения, передачи человеческого опыта. «Именно понятие нарратива было обобщено и расширено и в то же время специфицировано в спектре вопросов, которые включают исследование способов, посредством которых мы организуем нашу память, намерения, жизненные истории, идеи нашей самости или персональной идентичности», — так поясняют Й. Брокмейер, Р. Харре подобное расширенное толкование термина «нарратив» [2. С. 29].

Мы придерживаемся точки зрения МакХейла о нарративном характере поэзии, включающего в нарратив не только эпические и лиро-эпические произведения, построенные на развитии события, имеющие сюжет и фабулу, но и лирические.

Наблюдатель в нарративе

Наблюдатель в нарративном режиме интерпретации — это субъект вторичного дейксиса, в отличие от говорящего в непосредственной речевой коммуникации, который является субъектом первичного дейксиса. Наблюдатель имеет право идентифицировать объекты и участки пространства или времени через местоположение самого себя, а отрезки времени — через отношение к своему настоящему моменту. Он выступает в нарративной ситуации в разных ролях: как субъект речи, как субъект дейксиса, как субъект восприятия и субъект сознания. Роли наблюдателя обнаруживаются в семантике языковых единиц и грамматических категорий. Слова и категории, семантика которых предполагает говорящего, — это эгоцентрические элементы, эгоцентрики, или, по определению Е. В. Падучевой, дейктические элементы языка [3. С. 34]. Исследователи говорят об эксплицитности и имплицитности выражения дейксиса в языке, характеризуя его как «эксплицитную и имплицитную ссылку в семантике языковой единицы на лицо, место и время события с позиции наблюдателя, имеющего субъективно далекую или близкую локализацию в пространстве и во времени по отношению к оцениваемому событию» [4. С. 70].

Таким образом, фигура наблюдателя приобретает особое значение в моделировании пространства и времени поэтического нарратива. Существенными

характеристиками наблюдателя в этом случае становятся перцептивные способы наблюдения за пространством, способы фиксации акустических характеристик моделируемой ситуации, позиция наблюдателя в пространстве относительно объекта, обеспечивающая ему доступность слухового восприятия. Иначе говоря, наблюдатель как субъект восприятия (акустического, визуального, обонятельного и т.д.) является ключевой фигурой авторского сознания в моделировании художественного пространства и времени, проявляя себя в языковых единицах определенной семантики, зачастую превращаемых авторским воображением в соответствии с художественными задачами в семиотические элементы — знаки, поэтические символы.

Двоемирие в лирике Блока

Русскому символизму, связанному с идеями немецкого романтизма [5; 6], свойственна концепция двоемирия, согласно которой параллельно сосуществуют два мира: реальный, окружающий нас мир и идеальный мир мечты, причем окружающий мир представляется тенью, символом, познать который можно лишь мистическим путем. «Символизм давал одну из двух интерпретаций „земли“ и „человека“. Это, с одной стороны, типично романтическое осмысление „земного“ как антитезы „небесного“ или (в субъективистско-солипсическом варианте) как антипода мира лирического „я“. Эта линия реализуется либо как полное игнорирование „суетливых дел мирских“ („Стихи о Прекрасной Даме“, первые сборники стихов Вяч. Иванова, лирика Ю. Балтрушайтиса и др.), либо как „бодлерианское“ изображение земных «цветов зла»...» [7. С. 511].

Поэты и писатели Серебряного века по-своему переосмыслили эту идею, создав индивидуальные образы неоромантического двоемирия [7; 8]. Молодому Блоку свойственна философско-мифологическая трактовка двоемирия [9; 10]. Он был очень увлечен религиозно-мистической философией Вл. Соловьева, центральным образом которой выступала идея Божественной Софии — Души Мира, Вечной Женственности. В соловьевской софиологии только она может спасти окружающий разрушающийся и разлагающийся мир, принести духовное обновление и примирение обоим мирам: реальному и божественному.

Блок в «Стихах о Прекрасной Даме» воплощает идею Софии, Вечной Женственности в образе Прекрасной Дамы. Символизм Блока воплощается в концепции двоемирия, в которой обыденная жизнь — это бледное отражение запредельного, потустороннего, «сверхчувственного», в использовании символов, типичных для двух различающихся миров, в культе Вечной Женственности, в поэтике звуков, ритма, музыки, мелодий стиха. «Стихи о Прекрасной Даме» — одно из самых глубоких явлений символистского искусства в России и вместе с тем — произведение удивительной самобытности, в отечественной традиции по существу уникальное [11. С. 119].

Особенно значимой для нас в методологическом плане становится фигура субъекта восприятия — наблюдателя, так как целью нашего исследования является анализ основных чувственно-перцептивных способов моделирования двоemiрия в цикле «Стихи о Прекрасной Даме» Блока.

С. Ульман, исследовавший лексику восприятия, говорил о таком типичном явлении, как «перенос из сферы физического восприятия в сферу умственную», что позволяет репрезентировать этап взаимодействия информации, поступившей в ходе обработки перцептивными системами организма, с когнитивным механизмом и упорядочить ее согласно схеме и специфике преобразования в удобное для дальнейшего использования готовое знание [12. С. 6]. Именно благодаря органам восприятия (зрительного, слухового, осязательного, вкусового и обонятельного) в сознании человека складывается перцептивный образ того или иного предмета, а также картина мира в целом [13]. Чувственно-сенсорная деятельность вербализуется человеком в различных языковых единицах, обозначающих процесс восприятия, перцептивное состояние, перцептивные результаты, которые образуют часть языковой картины мира, семантическое поле восприятия. Таким образом, предметом исследования становятся не отдельные языковые единицы с семантикой восприятия, а речевая продукция (высказывание) той личности — автора, нарратора, который воспринимает объективную действительность, наблюдает за происходящим, используя различные органы. Он не только воспринимающий субъект, но и автор речевого сообщения о ситуации восприятия и ее интерпретации. Исходя из понимания художественного текста как одной из форм речевой деятельности, мы разделяем мнение, принятое в литературоведении, о том, что безличного повествования не бывает. В текстах, написанных от первого лица, субъект восприятия и нарратор совпадают. Любой текст имеет субъект восприятия и рассматривается как продукт данного восприятия, представленного в формуле «восприятие + речь», где речь отражает ситуацию восприятия, информирует о ней, о ее актантах и об отношении нарратора к этой ситуации [14. С. 27].

Выявление субъектно-перцептивных способов проявления авторского сознания в лирическом тексте поможет вникнуть в поэтическую технику создания того или иного художественного образа, знака, символа, поскольку в основе их возникновения лежат данные восприятия: акустического, зрительного, осязательного, обонятельного и т.п. [15]. Процесс восприятия репрезентуется разнообразными лексическими и грамматическими средствами: глаголами восприятия, именами существительными, прилагательными, наречиями, в значении которых прямо или косвенно содержится сема акустического или другого вида восприятия. Проанализировав стихотворения цикла о Прекрасной Даме в НКРЯ (Национальном корпусе русского языка, подкорпус «поэтический»), мы выявили эти языковые индикаторы, определили частотность их употребления, рассмотрели их роль в построении художественного мира Блока, в создании отдельных образов и символов. Статистические

данные помогли установить место и роль различных видов перцепции в авторском сознании поэта как субъекта восприятия — наблюдателя.

Акустическо-символический способ моделирования миров

О важности акустической перцепции в моделировании символично-мистической концепции двоемира Блока говорит частотность употребления слов с акустической семантикой, обозначающих процесс слухового восприятия (*слушаю, слышу* и т.п.), осуществление звукового действия (*петь, шепчутся*), результат звукового действия (*звон, звуки, зов*), инструмент/ средство для произведения звуков (*колокол, струны*). См. таблицу 1.

Таблица 1 / Table 1

**Языковые средства акустического моделирования двух миров /
Language tools for acoustic modeling of two worlds**

1	Языковые средства	Мир лирического героя	Мир Прекрасной Дамы
1.1	Глаголы и прилагательные слухового восприятия	<i>слышу (5), слушаю (3), слышал (3), услышать (3), внимлет слух (2), слышны (2), слушая, слышав, внимлет крикам, приклонил ухо, чует, слухом ловит, донеслось до слуха, напрягал слух, (звуки) почудились (всего 27 употреблений)</i>	
1.2	Глаголы звукового действия	<i>скрипнуть (6), кричат (3), плакать (4), шуметь (2), гудят (2), хохотал, заплакали, завоет, шуршат, каркает, стучать (23 употребления)</i>	<i>шептать (13), петь (9), звенеть (3), звучать (3), смеяться (3), пошепчи, посмейся (33 употребления)</i>
1.3	Слова, обозначающие результат звукового действия	<i>голос (16), звуки (10), отзвук (2), зов (5), шорох (5), стук (4), шум (4), стон (2), шумные, прошлый вой, былые стоны, жалоба, визг, клики, плач, ропот, скрип двери, крик, гул, гомон, эхо, уличный треск, конский топот, лёгкий посвист, звон копыт, (66 употреблений)</i>	<i>песня (20), звон (8), смех (6), певучий (3), шепот (3), звонкий, созвучно, созвучие, шептанье, журавлиный крик, голос птичий, крылатых голоса, песни лебединой, клекот орлов, крики орлов (50 употреблений)</i>
1.4	Названия инструмента или средства произведения звуков	<i>цепи бренчат; (дверь открылась,) звеня стеклом (2 употребления)</i>	<i>колокольный звон/ зов/ звуки (8), колокол (6), струны (15 употреблений)</i>
1.5	Слова с префиксом от-, обозначающие неполное звучание		<i>отзвуки (2), отклики (2), отголоски, отрывки слов (6 употреблений)</i>

Отсутствие слов со значением слухового восприятия в 1.1 объясняется тем, что лирическому герою — субъекту восприятия не удается оказаться в мире Прекрасной Дамы, услышать там звуки и описать их. Лирический герой находится в перманентном состоянии мистического ожидания встречи с ней. «Но сами эмоции напряженного ожидания и бурной, все „смешивающей“, головокружительной радости встречи, как и возникающий на скрещении чувств образ „я“, наделены полной художественно-психологической реальностью» [11. С. 123]. Но тем не менее ее мир недоступен для него, его попытки приблизиться к вышнему миру и достичь его обречены на неудачу:

*Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.
Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга* (28 декабря 1903).

Говоря об акустическом восприятии в цикле, нельзя не отметить явную тенденцию к противопоставлению поэтом обоих миров в звуковом отношении: в реальном мире господствует дисгармония и хаос звуков, мир Прекрасной Дамы — гармоничен и музыкален. Звонкие звуки, пение и смех являются знаками-индексами, означающими для лирического героя появление Прекрасной Дамы: *Звонкий смех твой ко мне долетел; Ветер принес издалека Песни весенней намек.*

Саму возлюбленную поэт называет певучей:
*Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла
Над берегом Невы и за чертой столицы?* (8 июля 1901).

Благозвучным музыкальным звукам противостоят дисгармоничные, неблагозвучные звуки реальной действительности: *скрип, шум, шумный, вой, стоны, крик, шорох, стук, шелест*. Блок мастерски использует различные поэтические акустические приемы для моделирования оппозиции ГАРМОНИЯ — ДИСГАРМОНИЯ: аллитерацию, ассонансы, диссонансы. Дж. Реннерт [17] в своем эссе о Блоке писал о его музыкальности, которая нашла отражение в звуковом строе поэзии, в ее завораживающей звукописи, интонации и ритмике. Музыка вообще представляется олицетворением романтизма, через музыку все явления мира заявляют о себе как бесконечное: «Она — последнее дыхание души, более тонкое, чем слова, — может быть, даже более нежное, чем мысли» [5. С. 32]. Зара Минц писала о понимании поэтом роли музыки в искусстве и человеческом бытии: «Сущность и первооснову мира Блок — в духе романтиков, Ницше и статьи Андрея Белого „Формы искусства“ — определяет как „самое совершенное из искусств“ — музыку: „Музыка творит мир. Она есть духовное тело мира — мысль (текущая) мира“, она „предшествует всему, что обуславливает“...» [7. С. 505].

Антимузыкальные, дисгармоничные звуки реального окружения (нестройный шум, шепот, крик) вносят во внутренний мир лирического героя волнение и смущение, нарушают его невозмутимость и покой, необходимые для встречи с Прекрасной Дамой:

*Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шопотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.
Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни — строга и гневна* (4 апреля 1902).

Исследователи отмечают тесную связь творчества Блока с Э.Т.А. Гофманом [6. С. 205], произведения которого изобилуют пассажами на музыковедческие темы («Дон Жуан», «Кавалер Глюк», «Крейслериана»). Из собственно музыкальных мотивов, пронизывающих творчество поэта, наиболее значимыми представляются те, которые связаны с образом Прекрасной Дамы. Один из неизменных атрибутов Прекрасной Дамы — ее ‘звучные песни’, что так напоминают образы поющих женщин у Гофмана (героиня рассказа «Дон Жуан» и др.) [18. С. 24]:

*Песни твоей лебединой
Звуки почудились мне* (2 февраля 1901).
*Не пой ты мне и сладостно, и нежно:
Утратил я давно с юдолью связь* (19 июля 1901).

Звуки как индексы человеческих эмоций тоже противопоставлены и относятся к разным мирам: звуки положительных эмоций (радости, счастья) характеризуют вышний мир (*звонкий смех, смеялся, шепчет с лаской*), звуковые выражения негативных эмоций (страдания, боли, обиды, гнева) характерны для обыденного мира (*плакали, вой, стоны, жалобно завоет, крики*) [19].

Звук является вестником важных событий, он порождает в лирическом герое предчувствие чего-то рокового, неизбежного: смерти, любви. Предвестником великих событий выступает колокольный звон, который звучит уже во вступлении к циклу «Все колокольные звоны гудят». Но, вступив зачином цикла, колокольный звон не исчезает, он встречается в цикле 14 раз, создавая звуковой фон появления Прекрасной Дамы в мире лирического героя, предвещающая ее приход: *Все колокольные звоны гудят* (28 декабря 1903); *Слышу колокол. В поле весна* (апрель 1902). Поэт пишет о колокольных звонах, колокольных звуках, колокольном зове; колокол зовет, гудит, звонит.

Мир Прекрасной Дамы музыкален, гармоничен, негромок и тих. Лирический герой, прислушиваясь в ожидании, часто слышит лишь отзвуки, отголоски, которые доносятся издалека, поэтому в тексте частотны (6 употреблений) существительные с префиксом *от-*, означающим неполноту действия и слабую степень проявления признака:

*Я слышал отзвук малый,
Отдаленные шаги* (6 марта 1901).
*Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Всё мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных* (7 июля 1901).

*Отзвуки, песня далекая,
Но различить — не могу* (19 августа 1901).

*Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров* (20 декабря 1901).

Для Блока ТИШИНА — символ божественного мира гармонии, в котором находится его Дева:

*Всё бытие и сущее согласно
В великой, непрестанной тишине* (17 мая 1901).

Она не может нарушаться резкими, громкими звуками, диссонирующими с окружающей гармонией, поэтому здесь в тиши не кричат, а ласково шепчут, радостно смеются:

*Кто-то шепчет и смеется
Сквозь лазоревый туман.
Только мне в тиши взгрустнется
Снова смех из милых стран!
Снова шопот — и в шептаньи
Чья-то ласка, как во сне,
В чьем-то женственном дыханьи,
Видно, вечно радость мне!
Пошепчи, посмейся, милый* (20 мая 1901).

Даже шум в этом мире тихий, так рождается оксюморон *тихий шум*: *В вас ли доброе таится, Красный месяц, тихий шум?* (22 мая 1901). Тишина сопутствует Прекрасной Даме, как и ‘звучные песни’. Поэт называет ее *Тихой*. Тишина означает у Блока молчанье, безмолвие, оно необходимо, потому что молчанье является частью важного для его поэтического мира символа ТАЙНЫ:

*Вечерняя Звезда, безмолвствуя, ждала.
Невозмутимая, на темные ступени
Вступила Ты, и, Тихая, всплыла* (19 июня 1901).
*Я жду — и трепет объемлет новый.
Всё ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...* (7 июля 1901).

Особенно необходимой лирическому герою кажется тишина, когда он находится в ожидании Прекрасной Дамы. Он очарован этой тишиной, называет ее звучной, певучей, потому что она связывает его с Прекрасной Дамой:

*К тебе я мысленно прикован
В моей певучей тишине* (18 апреля 1902).
*Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?* (6 марта 1901).

Наблюдатель воспринимает объекты, находящиеся непосредственно в его перцептивной зоне, анализирует их, интерпретирует и извлекает определенные импликации, в соответствии со своими эстетическими, мировоззренческими

принципами. Так, в мироощущении А. Блока значительное место занимают акустическое восприятие (см. таблицу 2), данные которого становятся перцептивной основой для формирования более сложных мистико-философских знаков-символов двоемирия: песни, колокольного звона, тишины. В таблице 2 представлены индикаторы-вербальные средства репрезентации акустического восприятия, в первую очередь, глаголы и глагольные сочетания с семантикой слуха.

Таблица 2 / Table 2

**Индикаторы акустического восприятия /
Acoustic perception indicators**

2	Индикаторы	Акустическое восприятие
2.1	Глаголы	<i>слышу (5), слушаю (3), слышал (3), услышать (3), слышны (2), внимлет (2), слышится, слушаю, слышав, слыша</i>
2.2	Глагольные сочетания	<i>внимлет слух (2), приклонил ухо, чует слух, внимлет слух, тревожить мой слух, в ушах раздаются, приклонил ухо, слухом ловит, донеслось до слуха, напрягал слух</i>
		Всего 36

Акустический канал восприятия (36 индикаторов) относится к одним из доминантных способов мировосприятия лирического героя. Лирический герой часто обозначает свое непосредственное присутствие «в кадре» эгоцентрическими элементами — местоимением 1-го лица я и глаголами слуха в форме 1-го лица: *слышу (5), слушаю (3)*. Звуки позволяют автору создать художественный образ. Он является моделью вербализации перцептивного образа — того представления, которое формируется сознанием в результате восприятия. В процессе же вербализации перцептивных впечатлений сознание создает и языковые эквиваленты перцептивных образов, их вербальные, семантические модели, соотносимые с сенсорными представлениями [20. С. 13].

Лирические тексты цикла представляют собой своеобразную зону слуха изображенного автором мира. Визуальные и акустические параметры тесно связаны между собой: то, что находится вблизи, слышится лучше, четче, а то, что находится далеко, слышится нечетко, неясно: *И в бесконечном отдаленьи Замрут печально голоса (27 марта 1902); Неустающим слухом ловит Далекий зов другой души...* (3 февраля 1901); *Далеко шумит, шумит столица (12 июля 1901); Отзвуки, песня далекая, Но различить — не могу (16 августа 1901)*. Все звуки, связанные с миром Прекрасной Дамы, который находится далеко и высоко, доносятся до субъекта восприятия — лирического героя не совсем ясно и четко, как отзвук, поэтому он использует метафоры: *смех долетел, песни веселой намек, тает в небе журавлиный удаляющийся крик*. Интересно отметить, что в акустической картине Блока важным символическим элементом выступают голоса птиц:

*Так — белых птиц над океаном
 Неразлученные сердца
 Звучат призывом за туманом,
 Понятным им лишь до конца (3 февраля 1901).
 Мои мечты —
 Орлы, кричащие в лазури (21 февраля 1902).*

Голоса птиц принадлежат вышнему миру, поэт включает их в картину мира для описания приближения Возлюбленной, для воссоздания ее мира и самой Прекрасной Дамы: *журавлиный крик, голос птичий, крылатых голоса, призыв белых птиц, клекот и крики орлов* и т.п. Песню своей Возлюбленной он называет *лебединой*. То, как лирический герой — субъект восприятия слышит и слушает мир вокруг себя, всегда выражает собой авторскую оценку увиденного и услышанного, выступая одной из форм косвенной эстетической оценки.

Другие виды перцепции и синестезия в создании модели двоемирия в лирике Блока

Другие виды перцепции играют не столь значительную роль в создании поэтически полноценной образной системы блоковского двоемирия. В таблице 3 показаны индикаторы осязательного и обонятельного восприятия, частотность их репрезентации в стихотворениях цикла на основе анализа НКРЯ.

Таблица 3 / Table 3

**Индикаторы осязательного, обонятельного и вкусового восприятия /
 Tactile, olfactory and gustatory indicators**

3	Виды восприятия	Индикаторы
3.1	Осязательное восприятие (32 индикатора)	<i>в день холодный, холодом веет, страны холодные, холодные туманы, холодом веет с земли, в холодных снегах, хладны, в холодные сферы, хладные волны у ног, в холод уходя, холодный прах, в холодные метели, холод бледных звезд, дрожащие, хладеющие руки, холод здешних стен, холод вечеров, холодная черта зари, холодные вихри, в холодной маске, на листах холодеющей книги, думал холодно, хладной смерти, знойных дней, зной, жар душевных слез, жар дохнул, теплый ветер, надежды вдохновенного тепла, мягкие косы, земля сыра, влажным зноем, словно влажные страсти слова</i>
3.2	Обонятельное восприятие (7 индикаторов)	<i>благонный цветок, ароматом неведомой встречи, благонные росы, душные цветы, этих трав дыхания, вдыхаю первые струи, ароматные слезы хвалы</i>
3.3	Вкусовое восприятие (7 индикаторов)	<i>вкусив (на миг бессмертья твоего), вкусивши (оба предчувствий неги и земли), горькая мудрость (стучит), сладко знать, туманы сладки, вдыхаю сладко, сладко чувствуя</i>

Слова *холодный*, *холод*, включая метафорическое употребление, встречается в цикле 22 раза, это наиболее частотная и типичная для блоковского восприятия температурная характеристика обыденного мира, ср. с частотностью противоположной характеристики (*жар*, *зной*, *тепло*) — 6 раз. Вместе со связанными природными явлениями (снег, непогода, слякоть, дожди) холод приобретает у Блока негативно-оценочные коннотации враждебности светлему божественному миру: *Ужасен холод вечеров, Их ветер, бьющийся в тревоге, Несуществующих шагов Тревожный шорох на дороге* (июль 1902); *Все лучи моей свободы заалели там, Здесь снега и непогоды окружили храм* (8 февраля 1902); *Страны холодные, немые, И без любви, и без весны* (4 мая 1901); *Час придет — в холодные метели Даль весны заглянет, весела* (19 января 1902). Обонятельные 3.2 и вкусовые 3.3 ощущения вербализованы в 7 единицах. Обонятельные характеристики — *благовонный*, *аромат* — сопровождают приближение Прекрасной Дамы; индикаторы вкусовых ощущений употребляются исключительно в метафорическом контексте — *вкусив бессмертья, горькая мудрость* и т.д.

Осязательный, обонятельный и вкусовой виды восприятия заметно уступают акустическому, в авторском восприятии мира доминируют не обоняние, осязание и вкус, а слух.

Лирический герой проявляется в своем мироощущении не только как моносенсорный субъект, но и как полисенсорный, что приводит к возникновению синестетических тропов. Синестезия определяется как особое языковое явление, воздействие которого обусловлено межперцептивным переносом. Специфичность синестезии заключается, по мнению Е.В. Клюева, в способности задействовать «сразу несколько областей чувств — скажем, зрение и слух или вкус, обоняние или осязание, плюс прочие самые разнообразные комбинации» [21. С. 189]. Феномен синестезии относится к сущностным свойствам человеческой чувственности, отражающим, во-первых, целостность действительности и, во-вторых, единство сенсорной стороны субъекта восприятия, что приводит к тому, что синестезия культивируется в различных социальных практиках: литературе, искусстве.

В лирике Блока авторские синестетические метафоры возникают на основе зрительно-слухового взаимодействия, сочетания вкусового ощущения со зрительной или общей сенсорикой:

Приближений, сближений, сгораний —

Не приемлет лазурная тишь (13 мая 1902).

Вот они — белые звуки

Девственно горных селений ... (5 апреля 1903).

Там — светлое окно и светлое молчанье (11 января 1902).

Пробивалась певучим потоком,

Уходила в немую лазурь (1 июля 1902).

Робко, темно и глубоко

Плакали струны мои (29 января 1901).

Слово *сладкий*, обозначающее вкусовое ощущение, используется автором для выражения полисенсорных ощущений (зрительно-вкусовых, обонятельно-вкусовых), создающих тонкие, сложно передаваемые художественные образы:

*Туманы призрачные сладки —
В них отражен Великий Свет* (6 марта 1902).

*На ржавых петлях открываю ставни,
Вдыхаю сладко первые струи* (июнь 1902).

*Но за туманами сладко
Чуется близкий рассвет* (18 сентября 1901).

*Было сладко знать о потере,
Но смешно о ней говорить* (15 июля 1902).

Иногда акустический признак приписывается Блоком предмету, который не должен по своей природе иметь подобные свойства, например, руке:

*Забелели чистые одежды,
Задрожала **тихая рука*** (1 апреля 1902).

Глубоко индивидуальными являются цветовые метафоры, в которых синестезия реализуется внутри цветового спектра. Онтологически невозможные сочетания цветов оказываются вполне реальными в поэтическом мире Блока, построенном на философско-символической интерпретации того или иного цвета:

*Ты лазурью золотою
Просиявшая навек* (29 июля 1901. Фабрика).

*Вся в **розовом сиянии**
Воскресла **синева*** (30 июня 1902).

Заключение

Для установления семиотических основ художественного мира поэта и специфики авторского сознания важно исследовать перцептивные данные авторского субъектного восприятия, которые становятся фундаментом для рождения символов и других знаков, воплощающих мировоззренческие устремления поэта. Фигура наблюдателя в поэтическом тексте, его позиция содержит не только элементы познания мира с помощью органов чувств, но и элементы других, более сложных ментальных операций, осуществляемых на основе данных слуха, осязания, обоняния, вкуса — таксономии, интерпретации, оценки.

Акустические, обонятельные, осязательные и вкусовые ощущения вербализуются в лексических показателях, которые мы выявили, произведя корпусный анализ лирических текстов раннего цикла Александра Блока «Стихи о Прекрасной Даме».

Основной акустической оппозицией в репрезентации двоимирия выступает *ГАРМОНИЯ — ДИСГАРМОНИЯ ЗВУКОВ*. Она закрепляет противопоставление реального и божественного мира в акустических данных субъекта

восприятия. Вышний мир гармоничен и музыкален, для него типичны символы *КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА*, *ПЕСНИ* и *ТИШИНЫ*. *ТИШИНА* как символ амбивалентен и может выражаться оксюморонами (*звучная тишина*). До наблюдателя, находящегося далеко от высшего мира, чаще доносятся оттуда лишь слабые, приглушенные звуки: *отзвуки*, *отголоски*, *отрывки*. В мире лирического героя царят дисгармония, хаос и антимузыкальные звуки: крики, шум, скрип, вой, стоны и т.п. Акустические оппозиции ценностно значимы в представлении двоемирия в лирике Блока: звуки мира Прекрасной Дамы — прекрасны, гармоничны, божественны, идеальны; звуки реального, обыденного мира — хаотичны, негармоничны, немзыкальны. Лирический герой всей душой, всеми помыслами стремится к миру своей Возлюбленной, но вынужден только наблюдать за ним с доступной для него позиции — издалека и снизу. Для романтически-мистического понимания двоемирия Блока характерны мотивы недостижимости Возлюбленной и божественного мира, в котором она обитает, платонической любви.

В ранних стихах Блока проявляется его отстраненное мирозерцательное отношение к реальной действительности, неприятие «пошлой» обыденности, поэтому в них наиболее активно используются акустический и визуальный способы создания поэтической картины, поскольку они позволяют избежать непосредственного контакта с действительностью. Остальные виды перцепции — осязательный, обонятельный и вкусовой — принимают значительно меньшее участие в моделировании блоковского двоемирия, поскольку требуют более тесного и прямого соприкосновения с «грубой» реальностью.

Можно говорить только о символе *ХОЛОДА*, основанном на осязательных ощущениях лирического героя. *ХОЛОД* выступает враждебным миру Прекрасной Дамы, губительным для него явлением. Наименования вкусовых свойств употребляются исключительно метафорически. Блок также использует синестетические тропы, построенные на сочетании зрительно-акустических, зрительно-вкусовых и других ощущений. Типичным для поэта с его софиологической теорией цвета является употребление двух цветов для описания одного явления (*лазурь золотая*).

В статье исследованы роль лирического героя — субъекта акустического восприятия, другие способы восприятия и интерпретации двух миров в поэтическом нарративе Блока, создание семиотических знаков на основе перцептивно-сенсорных данных, которое обусловлено философией, миропониманием и личностными особенностями поэта.

Библиографический список

1. McHale B. Beginning to think about narrative in poetry. Columbus, 2009.
2. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29—42.
3. Сребрянская Н.А. Нарративный дейксис и его корреляция с категориями художественного текста // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2005. № 3(47). С. 69—74.

4. *Падучева Е.В.* Наблюдатель: типология и возможные трактовки. М., 2006.
5. *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб: Аксиома, 1996.
6. *Тиме Г.А.* А. Блок и немецкая культура // *Русская литература*. 2005. № 4. С. 204—208.
7. *Миц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
8. *Шляхова Г.И.* Узואальное и индивидуально-авторское функционирование лексем греза и мечта в поэзии Игоря-Северянина // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 1106—1115. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1106-1115.
9. *Миц З.Г.* Символ у А. Блока // *Russian literature*. 1979. № 7(3). С. 193—248.
10. *Эткинд Е.Г.* Двоемирие Блока // *Там, внутри: О русской поэзии XX века*. СПб., 1997. С. 51—59.
11. *Миц З.Г.* Блок и русский символизм // *Литературное наследство*. Т. 92. Александр Блок. Кн.1. М., 1980. С. 98—172.
12. *Ульман С.* Семантические универсалии // *Новое в лингвистике*. Вып. 5. М., 1970. С. 250—299.
13. *Temirgazina Z., Khamitova G., Orazalinova K.* Didactic Features of a Learner’s English-Russian Dictionary of Biology Development // *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*. 2016. № 7(2). P. 317—326.
14. *Мусеева С.А.* Глаголы восприятия и дейксис // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2003. № 5. С. 106—116.
15. *Temirgazina Z., Nikolaenko S., Akosheva M., Luczyk M., Khamitova G.* “Naive anatomy” in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian // *XLinguae*. Vol. 13. Issue 2. 2020. P. 3—16. DOI: 10.18355/XL.2020.13.02.01.
16. *Блок А.А.* Лирика. Театр. М.: Правда, 1982.
17. *Rennert J.* Die musikalische Zeit — Alexander Block in Gespräch // *Schriftsteller uber Weltliterature*. Berlin, Weimar. 1979. P. 99—104.
18. *Королева В.В.* А. Блок и Э.Т.А. Гофман: традиции романтизма в символистской поэтике. Иваново, 2007.
19. *Temirgazina Z.K.* Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief // *Middle-East Journal of Scientific Research*. 2013. № 13. P. 224—229. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440.
20. *Авдевшина О.Ю.* Перцептивно-семантические доминанты в художественном стилеобразовании // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2015. Т. 15. № 4. С. 45—52.
21. *Клюев Е.В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М.: ПРИОР, 1999.

References

1. McHale, B. (2009). *Beginning to think about narrative in poetry*. Columbus.
2. Brokmejer, J. & Harre, R. (2000). Narrative: problems and promises of one of the alternative paradigm. *Problems of Philosophy*, 3, 29—42. (In Russ.).
3. Srebryanskaya, N.A. (2005). Narrative deixis and its correlation with the categories of literary text. *Bulletin of TSPU. Series: Humanities (Philology)*, 3(47), 69—74. (In Russ.).
4. Paducheva, E.V. (2006). *Observer: typology and possible interpretations*. Moscow. (In Russ.).
5. Zhirmunskij, V.M. (1996). *German romanticism and modern mysticism*. St. Petersburg: Axioma. (In Russ.).
6. Time, G. (2005). A. Blok and German Culture. *Russian literature*, 4, 204—208. (In Russ.).
7. Mints, Z.G. (2000). *Alexander Blok and Russian writers*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.).
8. Shliakhova, G.I. (2019). Usual and Individual Authorial Functioning of Lexemes “Dream” and “Reverie” in Igor-Severyanin’s Poetry. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 1106—1115. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1106-1115. (In Russ.).
9. Mints, Z.G. (1979). A. Blok’s symbol. *Russian literature*, 7(3), 193—248. (In Russ.).

10. Etkind, E.G. (1997). Blok's duality. In *There, inside: On Russian poetry of the twentieth century*. St. Petersburg. pp. 51—59. (In Russ.).
11. Mints, Z.G. (1980). Blok and Russian Symbolism In *Literary Heritage. Vol. 92. Alexander Blok. Book I*. Moscow. pp. 98—172. (In Russ.).
12. Ul'man, S. (1970). Semantic Universals In *New in linguistics. Vol. 5*. Moscow. pp. 250—299. (In Russ.).
13. Temirgazina, Z., Khamitova, G. & Orazalinova, K. (2016). Didactic Features of a Learner's English-Russian Dictionary of Biology Development. *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*, 7(2), 317—326.
14. Moiseeva, S.A. (2003). Perception verbs and deixis. *Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, 5, 106—116. (In Russ.).
15. Temirgazina, Z., Nikolaenko, S., Akosheva, M., Luczyk, M. & Khamitova, G. (2020). “Naive anatomy” in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae*, 13(2), 3—16. DOI: 10.18355/XL.2020.13.02.01.
16. Blok, A.A. (1982). *Lyrics. Theater*. Moscow: Pravda. (In Russ.).
17. Rennert, J. (1979). Die musikalische Zeit — Alexander Block in Gespräch In *Schriftsteller uber Weltliterature*. Berlin, Weimar. pp. 99—104.
18. Koroleva, V.V. (2007). *Blok and E.T.A. Hoffmann: Traditions of Romanticism in Symbolist Poetics*. Ivanovo. (In Russ.).
19. Temirgazina, Z.K. (2013). Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 13, 224—229. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440.
20. Avdevnina, O.Yu. (2015). Perceptual and semantic dominants in artistic style formation. *Saratov University Bulletin. New episode. Series: Philology. Journalism*, 15(4), 45—52. (In Russ.).
21. Klyuev, E.V. (1999). *Rhetoric (Invention. Disposition. Elocution)*. Moscow: PRIOR. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета. ORCID: <http://www.orcid.org/0000-0003-3399-7364>; e-mail: zifakakbaevna@mail.ru.

Жакупова Гульжан Кайриденевна, преподаватель Назарбаев интеллектуальной школы; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3683-5128>; e-mail: gulzhan_n@pvl.nis.edu.kz.

Information about the authors:

Temirgazina Zifa K., Doctor of Philology, Professor of the Graduate School of Humanities of Pavlodar Pedagogical University; ORCID: <http://www.orcid.org/0000-0003-3399-7364>; e-mail: zifakakbaevna@mail.ru.

Zhakupova Gulzhan K., tutor at Nazarbayev Intellectual School; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3683-5128>; e-mail: gulzhan_n@pvl.nis.edu.kz.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-153-164

УДК 811.111:1:616

Научная статья / Research article

Лингвокогнитивные особенности мифа о болезни

Е.С. Степанова

Самарский государственный медицинский университет,
443099, Российская Федерация, Самара, ул. Чапаевская, 89
pretty.step@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме репрезентации мифов о болезни рак в научно-популярном медицинском дискурсе. Данное исследование выполнено в рамках лингвокультурологического подхода к изучению мифа о болезни, которое основано на переосмыслении лингвокультурных феноменов. Мифы о заболеваниях имеют лингвокультурологическое значение и передаются из поколения в поколение. Люди наделяют дополнительными ассоциациями те лингвокультурные феномены, которые им непонятны и являются пугающими. К таким лингвокультурным феноменам относятся заболевания раком. Мифы о болезнях отражают результаты ощущений и чувственного восприятия какого-либо феномена определенным национальным или лингвокультурным сообществом. В работе даны определения понятий «миф» и «болезнь». Методологическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных ученых в области изучения мифа и болезни как семиотических систем. Материалом для исследования послужила научно-популярная работа о заболеваниях раком американского онколога Сиддхартхи Мукерджи (Siddhartha Mukherjee) «Царь всех болезней. Биография рака» (“The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer”). Проанализирован способ актуализации мифа о болезни в пространстве научно-популярного медицинского текста. Как показал анализ, мифологический сюжет (или мифологическая информация) актуализируется в конкретной ситуации с помощью механизма референции, способствуя экспликации конкретного мифа о болезни. Для читателя важен не сам предмет сообщения, не сюжет мифа, представляет интерес лишь его влияние как на представления пациента о своем заболевании и его психологическое состояние, так и на лингвокультурное общество в целом. Описаны средства репрезентации мифологической информации, способствующие актуализации мифа о болезни в научно-популярном медицинском дискурсе. Делается вывод о том, что мифологическая информация, представляющая миф о болезни, национально и социально маркирована, характеризуется определенной концептуальной оформленностью и имеет разнообразные языковые средства выражения.

Ключевые слова: миф о болезни, мифологическая информация, лингвокультурный феномен, символ, когнитивная база, репрезентация мифа, концептуальные структуры

© Степанова Е.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 07.10.2020

Дата приема в печать: 15.12.2020

Для цитирования:

Степанова Е.С. Лингвокогнитивные особенности мифа о болезни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 153—164. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-153-164

UDK 811.111:1:616

Linguocognitive Specifics of the Disease Myth

Elena S. Stepanova

Samara State Medical University,
89, Чапаевская str., Samara, Russian Federation, 443099
Corresponding author: pretty.step@bk.ru

Abstract. The article deals with the question of cancer myth representation in the popular science medical discourse. This study is carried out according to the linguocultural approach to the study of the cancer myth, which is based on the reconsideration of linguocultural phenomena. Myths about diseases are of linguistic and cultural significance and they are passed down from generation to generation. Those of phenomena that are incomprehensible and frightening are considered to cause additional associations. Cancer diseases refer to such linguocultural phenomena. Myths about diseases reflect the results of this or that form of reconsideration or experience of some phenomena by a particular linguocultural society. The work provides the definitions of the notions “myth” and “disease”. The methodology of the study is based on the research by foreign and Russian scientists in the field of study of the notions of “myth” and “disease” as semiotic systems. The popular science medical survey “The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer” by Siddhartha Mukherjee served as a research background. It analyses the way the disease myth actualizes in the popular science medical discourse. It shows a mythological plot (or mythological information) to get actualized in a particular situation by means of reference, and the way it contributes to the explication of a particular disease myth. Neither the subject of the message nor the plot of the myth is of importance for the reader, only the influence of the myth on the patient’s representations of disorder and his emotional state and on the society as a whole makes sense. The study helps conclude that mythological information representing the disease myth is nationally and socially marked, and is characterized by a particular conceptual presentation and is expressed by different linguistic means.

Key words: disease myth, mythological information, linguocultural phenomenon, symbol, cognitive base, myth representation, conceptual structures

Article history:

Received: 07.10.2020

Accepted: 15.12.2020

For citation:

Stepanova, E.S. (2021). Linguocognitive Specifics of the Disease Myth. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 153—164. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-153-164

Введение

Человек издревле пытался объяснить свои болезненные состояния с мифологической точки зрения, что нашло отражение в целом ряде номинаций болезни [1]. Так, греческое слово *onkos* использовалось для описания опухолей, которые считались наказанием свыше. Древние греки ассоциировали рак с ношей, которая отягощала тело [2. С. 119].

Актуальность исследования обусловлена тем, что мифы о заболеваниях приобретают смысловую окраску, становятся символами, имеют лингвокультурологическое значение и передаются из поколения в поколение. Человеку свойственно наделять дополнительными коннотациями те лингвокультурные феномены, которые ему непонятны и являются пугающими (заболевания раком действительно являются таковыми). Очевидно, что необходимо изучать влияние мифа на внутреннюю картину болезни, то есть на совокупность представлений человека о своём заболевании. Мифы формируют общественное сознание. К тому же нельзя исследовать мифы о болезнях вне языка и культуры.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты вносят вклад в изучение семантики мифа о болезнях, а также языковых средств реализации мифологической информации в научно-популярном медицинском дискурсе.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты исследования, раскрывающие связь между мифологическими сюжетами, ассоциирующимися с определенным видом болезни, и языковыми способами их актуализации, способствуют интерпретации авторского замысла, а именно развеиванию мифов о такой болезни, как рак.

Цель исследования состоит в описании мифов о болезни, которые ассоциируются с таким заболеванием, как рак. Поставленная цель определяет *задачи* исследования:

- 1) проанализировать мифологическую информацию, которая ассоциируется с определенным мифом о болезни;
- 2) проанализировать лингвистические способы репрезентации мифологической информации.

Обзор литературы

Изучению мифа посвящено множество исследований. Миф рассматривается как многогранная культурная реалья. Символическая функция мифа описана в работах А.Ф. Лосева, Э. Кассирера [3; 4], семантика мифа и его структурные особенности проанализированы в трудах А.А. Потебни, К. Леви-Строса, М. Элиаде и др. [5—7].

В современной науке существуют различные определения мифа. Так, в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона миф трактуется как «древнее предание и повествование о божествах, обладающих сверхчеловеческой силой, героях, в котором в конкретной форме выразились верования

и всеобщее мирозерцание древних народов» [8. С. 379]. Миф, с одной стороны, — это отражение духовной жизни народа, с другой — совокупность знаний, основывающаяся на предшествующем опыте поведения в конкретной ситуации представителей определенной лингвокультуры [9. С. 381].

Далее представляется целесообразным остановиться на понятии «болезнь». Анализ словарных дефиниций понятия «болезнь» показывает, что его словарные определения во многом совпадают. В Словаре русского языка болезнь определяется как расстройство здоровья, нарушение правильной деятельности организма [10. С. 47]. Также в словарных определениях наблюдаются такие признаки, как «функциональные или структурные изменения», «повреждение органов и тканей» [11. С. 515].

Методология и материалы исследования

Материалом для исследования послужила научно-популярная работа о заболеваниях раком американского онколога Сиддхартхи Мукерджи (Siddhartha Mukherjee) «Царь всех болезней. Биография рака» (“The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer”) [12].

Приоритетными методами исследования мифа о болезни для нас являются культурологический анализ, описательно-аналитический контекстуальный метод и метод сплошной выборки. Культурологический анализ, предполагающий учет совокупности представлений, связанной с прецедентным феноменом; описательно-аналитический контекстуальный метод — непосредственный анализ контекста, содержащего языковые репрезентации мифологической информации; метод сплошной выборки для подсчёта количества интertextуальных средств, репрезентирующих миф о болезни.

Методологическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных учёных в области изучения мифа и болезни как семиотических систем. Миф рассматривается с точки зрения семиотики как «моментальный снимок мифологического семиозиса» в работах Ю.М. Лотмана, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Д.М. Сегала [13—15]. Д.М. Сегал утверждает, что миф содержит элементы-знаки, иерархию которых можно представить от простых к более сложным, проанализировать правила сочетания данных знаков и сопоставить их с объектами, лежащими вне мифа [15. С. 93]. Отсюда можно предположить, что миф актуализируется в «немифологическом пространстве».

Ф. де Соссюр рассматривает миф как семиологическую систему и выделяет в нём три основных элемента: означающее, означаемое и сам знак, выступающий как результат ассоциации первых двух элементов [16. С. 24]. Используя данную модель, можно представить внутреннюю картину болезни с точки зрения семиотики: означаемое в болезни — орган, получивший повреждение или нарушение; означающее — чувственное ощущение человека в связи с полученным повреждением; знак — конкретные слова, жесты, с помощью которых устанавливаются отношения между чувственными

ощущениями и организмом. Означаемое и означающее связаны между собой знаком [2. С. 104].

Р. Барт утверждает, что миф состоит из двух параллельных семиотических систем, одна из которых частично встроена в другую. Во-первых, это языковая система (или иные способы репрезентации), выполняющая роль языка-объекта, и, во-вторых, собственно миф, который является метаязыком и в распоряжение которого поступают языковые средства его репрезентации. Так, для реципиента важна не субстанциональная форма мифа о болезни, не сам предмет сообщения, а то, как о нём сообщается, и, анализируя метаязык, он интересуется не точным строением языка-объекта, а лишь его ролью в построении мифа [17. С. 78].

Непосредственное отношение к исследованию мифа о болезни с лингвистической точки зрения представляет структурный подход к описанию семантики мифа в тексте К. Леви-Строса. По мнению К. Леви-Строса, миф — это «составная часть языковой деятельности; он передаётся словами, целиком входит в сферу высказывания» [6. С. 185]. К. Леви-Строс выделяет в мифе три уровня: неосознанный (язык), осознанный (речь) и третий более высокий, «на котором смыслу удаётся отдалиться от языковой основы, на которой он сложился» [6. С. 187]. К. Леви-Строс описывает структуру мифа следующим образом: 1) смысл мифа определяется комбинацией элементов, входящих в его состав; 2) миф характеризуется специфическими языковыми особенностями [6. С. 187]. В процессе интерпретации текста читателя интересует сюжет мифа, а не способ его введения в текст. Читатель не задумывается о лингвистических средствах, которые передают мифологический сюжет. Однако интерпретация мифа требует от автора и читателя лингвистических и экстралингвистических знаний.

Согласно Д.М. Сегалу, для того, чтобы искусственно создать миф, который мог бы быть интерпретирован представителем того или иного лингвокультурного общества, автор должен создать не только структуру мифа, но и мир, на который он проецируется [15. С. 94]. В нашем исследовании данное положение может быть интерпретировано следующим образом: автор актуализирует миф в пространстве научно-популярного медицинского текста, соотносит мифологический сюжет и проецируемый мир, «развёртывает» в тексте содержание мифа, способствуя реализации идеи научно-популярного медицинского текста (в нашем случае мифа о болезни).

Результаты и дискуссии

В научно-популярной работе «Царь всех болезней. Биография рака» С. Мукерджи развеивает существующие мифы о таком заболевании, как рак. В нашей работе под *мифом о болезни* мы понимаем совокупность ценностно-мировоззренческих представлений о той или иной болезни, бытующих в лингвокультурном обществе, которые основаны на страхе перед неизвестным

и неизбежным и воспринимаются людьми как нечто, не нуждающееся в толковании.

Как показал анализ, С. Мукерджи использует мифологические сюжеты, описывая мифы о болезни (рак) для того, чтобы показать, что данная болезнь имеет особое символическое значение. При апелляции к мифу автор предполагает, что у представителя данного лингвокультурного общества имеется инвариант восприятия данного лингвокультурного феномена. Мифологический сюжет (или мифологическая информация) «накладывается» на конкретную ситуацию с помощью механизма референции, способствуя экспликации конкретного мифа о болезни. Для механизма референции необходимо наличие образа в когнитивной базе реципиента. В качестве примеров референтного употребления могут послужить мифологические образы, факты, которые включают в себя ценностные ориентиры и сценарии должного поведения, знание которых требуется для адекватного понимания мифа [18. С. 163]. При интерпретации мифологической информации играет роль контекст и коммуникативная организация высказывания.

Интертекстуальные средства репрезентации мифа о болезни в произведении «Царь всех болезней. Биография рака» С. Мукерджи

В научно-популярной книге «Царь всех болезней. Биография рака» С. Мукерджи мифологическая информация, репрезентирующая определённый миф о болезни, представлена следующим образом:

а) с помощью прецедентного высказывания:

В главе “Onkos” С. Мукерджи разоблачает миф о причинах появления и происхождения рака от чёрной жидкости. Долгое время в медицине была популярна теория Гиппократата, которая объясняла происхождение любой болезни с помощью жидкости. Греческий целитель Клавдий Гален был последователем данной теории. С. Мукерджи приводит цитату К. Галена о происхождении рака, который, по его мнению, являлся следствием систематического скапливания чёрной желчи: *Black bile without boiling causes cancers* (‘Чёрная желчь без вскипания вызывает рак’) [12. Р. 42]. Данная теория долгое время препятствовала хирургическому лечению, которое считалось бесполезным. Также С. Мукерджи приводит высказывание Ф.К. Вуда (F.C. Wood), о том, что мы так и не узнали настоящих причин появления рака. *We have learned nothing, therefore, about the real cause of cancer or its actual nature. We are where the Greeks were* (‘Таким образом, мы ничего не узнали о реальной причине рака или его истинной природе. Мы там, где были греки’) [12. Р. 42].

б) с помощью иудейско-христианской аллюзии:

В следующей главе “Рискованное предсказание” (“A Risky Prediction”) С. Мукерджи оспаривает миф о том, что *победа над раком становится более реальной, поскольку науке известны его генетические и химические особенности*. С. Мукерджи утверждает, что никому не удалось обнаружить

мутирующий онкоген в раковых клетках. Открытие такого гена означало бы своеобразный выход из «пещеры» на свет. Автор использует аллюзию на «Миф о пещере» Платона: *They see only their shadows or the shadows of one another, which the fire throws on the opposite wall of the cave* («Они видят только свои тени или тени друг друга, которые огонь отбрасывает на противоположную стену пещеры») [12. Р. 270]. Пещера — это иллюзия, которая мешает процессу человеческого познания.

в) с помощью греко-римской аллюзии:

В главе «*Война Атоссы*» (“*Atossa’s War*”) С. Мукерджи опровергает миф о том, что *медицинские реалии и возможности лечения рака одного столетия не соотносятся с реалиями следующего: With cancer, old observations crystallize into new theories* («В случае рака старые наблюдения кристаллизуются в новые теории») [12. Р. 340]. Автор использует аллюзию на миф о персидской царице Атоссе, которая страдала от рака молочной железы пятьсот лет назад до н.э. и которая назначила себе первую примитивную форму маст-эктомии:

Around 440 B.C. Atossa, the queen of Persia noticed a bleeding lump in her breast ... Atossa swaddled her cancer-affected breast in cloth to hide it and then, in a fit of nihilistic and prescient fury, had a slave cut it off with a knife («Около 440 г. до н.э. Атосса, царица Персии, заметила кровоточащую шишку в своей груди ... Атосса пеленала свою пораженную раком грудь тканью, чтобы скрыть ее, а затем, в припадке нигилистической и проницательной ярости, приказала рабу отрезать её ножом») [12. Р. 38, 14].

С. Мукерджи описывает, как царица Атосса путешествует во времени, и как меняется лечение и прогноз Атоссы на протяжении веков. На примере болезни Атоссы автор анализирует ранние подходы к лечению рака и заглядывает в будущее этой болезни: *She is cancer’s Dorian Gray: as she moves through the arc of history, her tumor, frozen in its stage, remains the same. Atossa’s case allows us recapitulate past advances in cancer therapy and consider its future* («Она — онкологическая версия Дориана Грея: пока она движется по дуге истории, ее опухоль, застывшая на одной и той же стадии, остается прежней. Случай Атоссы позволяет нам обобщить прошлые достижения в лечении рака и подумать о его будущем») [12. Р. 338]. В данном примере автор использует аллюзию на роман О. Уайльда «*Портрет Дориана Грея*» (“*The Picture of Dorian Gray*”), а также метафору *she moves through the arc of history*.

г) с помощью шекспировской аллюзии:

В главе «*Отравленная атмосфера*» (“*Poisoning the Atmosphere*”) С. Мукерджи разоблачает миф о том, что *любое медикаментозное средство — это яд*, прибегая к аллюзии на произведение У. Шекспира «*Ромео и Джульетта*» (“*Romeo and Juliet*”), вспоминая сцену, где Джульетта боится, что противоядие не подействует: *What if this mixture do not work at all?... , What if it be a poison...?* («Что, если эта смесь вообще не работает? ... Что, если это яд?») [12. Р. 73]. Наоборот, в случае химиотерапии любой яд может оказаться чудодейственным лекарством.

д) с помощью литературной аллюзии:

В главе “Плоды долгих усилий” (“The Fruits of Long Endeavors”) С. Мукерджи развеивает миф о том, что *эффективное лечение и целевая терапия способны излечить от рака*. С. Мукерджи утверждает, что можно бесконечно применять одну и ту же терапию, а болезнь переходит с одной ахиллесовой пяты на другую. Автор использует фразеологизм ... *targeted therapy was a cat-and-mouse game* (‘...таргетная терапия была игрой в кошки-мышки’) для того, чтобы подчеркнуть, что целевая терапия часто бывает неэффективной в борьбе с такой изменчивой болезнью, как рак. С. Мукерджи использует аллюзию на произведение Л. Кэрролла «Зазеркалье» (“Through the Looking-Glass”), показывая, что приходится «бежать» в поисках новых препаратов и методов лечения, чтобы не проиграть в борьбе с таким непредсказуемым противником, как рак:

A slow sort of country!” said the Queen. “Now, here, you see, it takes all the running you can do, to keep in the same place. If you want to get somewhere else, you must run at least twice as fast as that (‘«Медленная страна!» сказала Королева. «Итак, вы видите, что нужно как можно дольше бежать, чтобы остаться на том же месте. Если вы хотите попасть в другое место, вы должны бежать как минимум в два раза быстрее»’) [12. P. 323].

С. Мукерджи опровергает миф о том, что *диагноз «рак» становится для больного смертным приговором*. Наоборот, не сама болезнь, а клеймо больного раковым заболеванием становится для больного приговором. Автор использует аллюзию на произведение Александра Солженицына «Раковый корпус» (“Cancer Ward”), в котором главный герой Павел Русанов, обнаружив у себя на шее опухоль, оказывается в раковом корпусе в больнице на севере. Герой чувствует себя так, как будто получить диагноз «рак» означает оказаться в медицинском ГУЛАГЕ: *Like an old man who has outlived his contemporaries and feels a sad inner emptiness, he felt that evening that the ward was no longer his home, even though ... there were the same old patients asking the same old questions as though they had never been asked before: ... Will they cure me or won't they? What other remedies are there that might help?* (‘Подобно старику, который пережил своих современников и чувствует печальную внутреннюю пустоту, он чувствовал в тот вечер, что палата больше не его дом, хотя ... там были те же старые пациенты, которые задавали те же старые вопросы, как будто их никогда не задавали до этого:... Они меня вылечат или нет? Какие еще лекарства могут помочь?’) [12. P. 337].

Автор использует аллюзию на произведение У. Шекспира «Гамлет» (“Hamlet”) для того, чтобы подчеркнуть, что всегда остаётся надежда на выздоровление: *Diseases desperate grown, by desperate appliance are relieved, or not at all* (‘Одно отчаянное средство может болезнь отчаянную излечить’) [12. P. 11].

Результаты метода сплошной выборки показывают, что чаще всего для репрезентации мифа о болезни употребляется такое стилистическое средство,

как иудейско-христианская аллюзия (30, 5%), реже всего — литературная аллюзия (11,1%) (рис. 1).

Рис. 1. Интертекстуальные средства репрезентации мифа о болезни на примере произведения С. Мукерджи «Царь всех болезней. Биография рака» /

Fig. 1. Intertextual means of disease myth representation on the example of the work “The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer” by Siddhartha Mukherjee

Как показал анализ, мифологическая информация, сохраняется и передается концептуальными структурами, которые репрезентируют миф о болезни. Автор использует мифологический сюжет, примеряет его содержание на конкретную ситуацию с помощью механизма референции. Знание мифологической информации предполагается не только у автора, но и у реципиента, то есть они должны обладать общей когнитивной базой.

Заключение

Многие заболевания окружены большим количеством мифов и становятся культурными символами. Основополагающая черта таких мифов — представление о болезни как о чём-то внешнем и чужеродном. Мифы о болезни относятся к числу наиболее распространённых древних мифов. Мифические представления о болезни отражают результаты ощущений и чувственного восприятия какого-либо феномена определённым национальным или лингвокультурным сообществом. Изучая миф, необходимо учитывать символические смыслы той или иной области культуры, ставшие особо релевантными для процесса формирования мифа. Так, в древности болезнь была связана с идеей потери равновесия жидкости. По теории Гиппократов, любая болезнь объяснялась с точки зрения жидкости и объёма. Идея о чёрной желчи (медицинская тема «плохой крови») оказала дальнейшее влияние на медицину) также связана с пониманием болезни как «саморазрушения» в организме человека. Данные интерпретации феномена болезни нашли отражение в содержании мифов о болезнях.

Необходимо отметить, что помимо мифов о болезнях существуют представления об особенностях людей с теми или иными заболеваниями или о стойкости их характера в процессе борьбы с недугом. Борьба за права и поддержку онкологических больных, рост актуальности данной темы породили большое количество научно-популярных статей и работ, посвященных этому заболеванию. Одним из таких произведений стала исследуемая нами научно-популярная работа «Царь всех болезней. Биография рака» С. Мукерджи.

В нашем исследовании рассматривалась проблема репрезентации мифов о болезни (на примере такого заболевания, как рак) в научно-популярном медицинском дискурсе. Как показал анализ, мифологический сюжет (или мифологическая информация) «накладывается» на конкретную ситуацию с помощью механизма референции, способствуя экспликации конкретного мифа о болезни. Для читателя важен не сам сюжет мифа, не его субстанциональная форма, представляет интерес лишь его влияние как на представления пациента о своём заболевании и его психологическое состояние, так и на лингвокультурное общество в целом. Мифологическая информация, репрезентирующая определённый миф о болезни, представлена *прецедентными высказываниями и различными видами аллюзии (иудейско-христианской, греко-римской, шекспировской и литературной)*.

Таким образом, мифологическая информация, представляющая миф о болезни, национально и социально маркирована, поскольку является продуктом познания народа, характеризуется определённой концептуальной оформленностью и имеет разнообразные языковые средства выражения.

Библиографический список

1. *Тхостов А.Ш., Нелюбина А.С.* Соотношение рационального и иррационального в обыденном сознании на примере представлений о болезни // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2009. № 1. С. 32—38.
2. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
3. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
4. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
5. *Потебня А.А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989.
6. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
7. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: «Academia», 1996.
8. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: Эксмо, 2002.
9. *Степанова Е.С.* Лингвокогнитивные особенности мифа о врачах // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 3. С. 379—385. doi: 10.30914/2072-6783-2020-14-3-379-385.
10. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1987.
11. *Туленинова Л.В.* Метафора как способ выражения концепта «болезнь» (на материале английского и русского языков) // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. 2006. Вып 1. С. 515—517.

12. Mukherjee, S. *The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer*. New York: Scribner, 2010.
13. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — Текст — Семиосфера — История. М.: Языки русской культуры, 1999.
14. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974.
15. Сегал Д.М. О некоторых проблемах семиотического изучения мифологии. *Симпозиум по структурному изучению знаковых систем*. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 92—98.
16. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: «Прогресс», 2001.
17. Барм Р. Миф сегодня. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 72—130.
18. Владимирова Т.Е. Семантический континуум мифа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 161—174. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174.

References

1. Tkhostov, A.Sh. & Nelyubina, A.S. (2009). Correlation of rational and irrational in ordinary consciousness on example of beliefs about diseases. *Moscow University Psychology Bulletin*, 1, 32—38. (In Russ.).
2. Thostov, A.Sh. (2002). *Philosophy of Corporeality*. Moscow: Publishing house “Smysl”. (In Russ.).
3. Losev, A.F. (1983). *Sign. Symbol. Myth*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
4. Cassirer, E. (2002). *Philosophie der Symbolischen Formen*. Vol. 1. Language. Moscow, Saint Petersburg: Publishing house “Universitetskaya kniga”. (In Russ.).
5. Potebnya, A.A. (1989). *A Word and a Myth*. Moscow: Publishing house “Pravda”. (In Russ.).
6. Lévi-Strauss, C. (1985). *Anthropologie structural* (transl. from French by V.V. Ivanov). Moscow: Publishing house “Nauka”. (In Russ.).
7. Eliade, M. (1996). *Aspects du Mythe*. Trans. from French. Moscow: Publishing house “Academia”. (In Russ.).
8. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (2002). *Encyclopaedic Dictionary*. Moscow: Publishing house “Ehksmo”. (In Russ.).
9. Stepanova, E.S. (2020). Linguocognitive specifics of a doctor’s myth. *Vestnik of the Mari State University*, 14(3), 379—385. doi: 10.30914/2072-6783-2020-14-3-379-385. (In Russ.).
10. Ozhegov, S.I. (1987). *Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Publishing house “Russian Language”. (In Russ.).
11. Tuleninova, L.V. (2006). Metaphor as a way of expression of the concept “disease” (on the material of the English and Russian languages). *Linguistic and literary studies in synchronic and diachronic aspects*, 1, 515—517. (In Russ.).
12. Mukherjee, S. (2010). *The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer*. New York: Scribner. (In Eng.).
13. Lotman, Yu.M. (1999). *Inside Thinking Worlds: Man — Text — Semiosphere — History*. Moscow: Publishing house “Russian Culture Languages”. (In Russ.).
14. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1974). *Research in the Field of Slavic Antiquity. Lexical and Phraseological Questions of Text Reconstruction*. Moscow: Publishing house “Nauka”. (In Russ.).
15. Segal, D.M. (1962). About Some Problems of Semiotic Study of Mythology. *In Symposium on Structural Study of Language Systems*. Moscow: Publishing house “USSR Academy of Sciences”. 92—98. (In Russ.).
16. Saussure, F. de. (2001). *Cours de Linguistique générale*. Trans. from French. Moscow: Publishing house “Progress”. (In Russ.).

17. Bart, R. (1994). *Myth Today*. In *Collected Works: Semiotics. Theory of Poetry*. Moscow: Publishing house “Progress”. (In Russ.).
18. Vladimirova, T.Eu. (2020). Semantic Continuum of Myth. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 161—174. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174.

Сведения об авторе:

Степанова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков Самарского государственного медицинского университета; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, семантика; *e-mail*: pretty.step@bk.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0002-2707-7222. eLIBRARY SPIN-код: 6992-0076.

Information about the author:

Elena S. Stepanova, PhD of Philology, Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University; *Research Interests*: Cognitive linguistics, Cultural linguistics, Semantics; *e-mail*: pretty.step@bk.ru. ORCID: 0000-0002-2707-7222. eLIBRARY SPIN-код: 6992-0076.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-165-184
УДК 81'42: 7.033.4

Научная статья / Research article

Дискурсивные стратегии эстетического воздействия в художественном тексте эпохи позднего средневековья

Ю.П. Вышенская

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 14
clemence_isaure@rambler.ru

Аннотация. Исследованы процессы эстетического воздействия на реципиента художественного стиля эпохи перехода от высокого Средневековья к зарождающемуся Ренессансу. В процедуре анализа используются традиционные понятия исследовательского аппарата исторической стилистики периода обособления в самостоятельный раздел языкознания, которые сигнализируют о демаркационной линии, отделяющей ее от прочих дисциплин лингвистического исторического цикла. Одним из такого рода маркеров выступает объемный историзм, тесные корреляционные связи, объединяющие стилистические феномены и контекст. Подвижные рамки контекста, регулируемые целями и задачами конкретного исследования, могут раздвигаться до определенного типа культуры. Особая важность, обретаемая средневековой культурой периода господства «интернациональной» готики как разновидности контекста, необходимого для анализа процессов генерации художественного стиля, согласуется с важностью комбинирования филологической и нефилологической практик и обусловлено целью обогащения анализа и повышения достоверности результатов исследования. В качестве варианта многочисленных комбинаций подобного рода можно предложить включение в собственно лингвистический анализ элементов иной семиотической природы, представленных шрифтом и иллюстрациями, значимость которых для реализации дискурсивных стратегий воздействия на реципиента, необычайно высока. Средневековая иллюминированная книга эпохи господства «мягкого стиля» или «интернациональной» готики (XIV—XV вв.) являет собой пример мощного инструмента отмеченного типа эстетического воздействия. Присущая ей «мягкая сила», то есть способность моделировать эмоциональный фон сознания и поведения реципиента, характеризуется семиотической привлекательностью и когнитивной мощью и воплощает собой одну из разновидностей дискурсивных стратегий.

Ключевые слова: дискурсивные стратегии, исторический лингвоцикл, стиль, риторика, текст, языковая практика, неязыковая практика

История статья:

Дата поступления: 06.10.2020

Дата приема в печать: 15.12.2020

© Вышенская Ю.П., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Вышенская Ю.П. Дискурсивные стратегии эстетического воздействия в художественном тексте эпохи позднего средневековья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 165—184. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-165-184

UDK 81'42: 7.033.4

Discursive Aesthetic Impact Strategies in Medieval Literary Texts

Yuliya P. Vyshenskaya

Herzen State Pedagogical University,
48, block 14, the Moika Embankment, St.-Petersburg, Russian Federation, 191186
Corresponding author: clemence_isaure@rambler.ru

Abstract. The paper deals with the matter investigating the nature of the aesthetic impact of the belles-lettres style being generated within the scope of great transfer from high Middle Ages to the start of Renaissance. In course of the analysis, some traditional ideas and terms adopted in the historical stylistics are used. The mentioned ideas turned up into being during the period of its discrimination from other disciplines of linguistic historical cycle. Acquired linguistic independence charged the ideas with the function of marking the borders between the historical stylistics and other disciplines mentioned. One of the markers of the type is the voluminous historicism, i.e., co-relationship between stylistic phenomena and the context of their existing. Flexible borders of the latter regulated by targets and tasks of the proper research can be extended up to the certain type of culture. Importance of a special character gained by the medieval culture during the period of the «international» Gothic dominating when considered as a type of a context necessary for analysing the belles-lettres style generating corresponds to the importance of combining philological and non-philological kinds of practice and induced by the purpose to enrich the analysis as well as to increase the research output verification. It is suggested that the analysis of the elements of another semiotic nature presented by types and illustrations highly important for discursive strategies to influence the recipient should be thought of as an instance of a combination of the kind. One of the mighty instruments of the mentioned sort of the esthetic impact is the medieval illuminated book of the epoch of the “international” Gothic (XIV — XV centuries) dominating within the borders of European cultural space. «Soft» power, immanent to it, id est, some ability to modify emotional state of consciousness and behaviour of a recipient is characterised by semiotic attractionness and cognitive power, and embodies one of the type of strategies of the kind.

Key words: discursive strategies, historical linguistic cycle, linguistic practices, non-linguistic practices, style, rhetoric, text

Article history:

Received: 06.10.2020

Accepted: 15.12.2020

For citation:

Vyshenskaya, Yu.P. (2021). Discursive Aesthetic Impact Strategies in Medieval Literary Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 165—184. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-165-184

Введение

С обособлением исторической стилистики в самостоятельный раздел языкознания приходит в движение механизм формирования присущих ей понятий, образующих аппарат, отличный и отличающий эту дисциплину как от собственно стилистики и теории стиля, так и прочих дисциплин лингвистического исторического цикла. В ряду таких понятий выделяется объемный историзм, иными словами, спаянность анализируемых стилистических феноменов с контекстом своего возникновения и бытования. Благодаря присущей ему эластичности объем контекста, согласующийся с целями и задачами конкретного исследования, может расширяться до определенного типа культуры.

В рамках диахронического подхода укрупняется материальность художественного стиля, который, согласно толкованию А.Ф. Лосева, являет собой эстетическое переживание, воплощенное и сконструированное в произведении искусства с помощью материальных средств [1. С. 15].

Произведение искусства, полагаемое в данном случае тождественным художественному текстовому целому, предстает как совокупность определенным образом организованных составляющих его элементов, на характер внутренних отношений между которыми оказывает влияние ситуация реализации текста. Такая интерпретация, как указывают П. Маранда и Э. Кёнгас-Маранда, предполагает, что «носитель традиции и его аудитория», предпринимаемые ими действия и ожидаемые реакции, используемый ими язык, сопровождаемый шлейфом коннотаций, образуют в совокупности групповую культуру [2. С. 194].

В работах теоретического и практического плана в области исторической стилистики отечественных и зарубежных авторов, начиная со второй половины XX-го столетия, неоднократно подчеркивается важность комбинирования филологической и нефилологической практик. Комбинация подобного рода обусловлена самой спецификой науки и исследуемого материала, тем самым происходит обогащение процедуры анализа практического материала, как и повышение достоверности результатов исследования, при этом особую важность обретает самый средневековый контекст. Примером отмеченного вида комбинации можно рассматривать инкорпорирование в собственно лингвистический анализ элементов прочей семиотической природы, прежде всего, шрифта и иллюстраций, не менее значимых для осуществления дискурсивных стратегий воздействия на реципиента [3. С. 116].

Дискурсивные стратегии эстетического воздействия в средневековой письменной культуре

Одним из действенных инструментов подобного рода являет собой средневековая иллюминированная книга эпохи господства «мягкого стиля» или «интернациональной готики» (XIV—XV вв.), характеризуемой семиотической привлекательностью и когнитивной мощью [4. С. 65].

В арсенал способов воздействия на реципиента этой разновидности дискурсивных стратегий входит присущая ей «мягкая сила», иными словами, способность оказывать «положительное влияние на сознание и поведение людей» [5. С. 223].

Наиболее полное освещение феномен «мягкого стиля» получает в исследовании венгерского историка искусства А. Эрши [6].

Для рассматриваемого периода времени характерно «редкое единство художественного языка», обозначаемое различными терминами: рококо эпохи треченто, придворный натурализм, элегантный международный стиль.

Истоки отсутствия терминологического единства усматриваются в том, что, ускользнув от внимания современников и их преемников, данный феномен становится предметом интереса только в XIX-м веке [6. С. 5]. «Мягкий стиль» опознается по «особой живописной мягкости», иными словами, декоративному ритму драпировок, исполненности лиризма всеми элементами художественного творения, изящной трактовки форм, каллиграфического ведения линии, ритмического движения [6. С. 6].

В тематике и в стиле живописи находит отражение ностальгия знати по прошлому, чем обусловлена популярность произведений рыцарского куртуазного жанра, что способствует «необузданному преувеличению».

Существование этого художественного явления как в аристократической, так и бюргерской среде можно полагать свидетельством универсальности его характера.

Проникновение «мягкого стиля» в буржуазную среду сопровождается попытками нарождающегося класса «превзойти феодальную аристократию в причудах», феномена, для обозначения которого в трудах Эрвина Панофского вводится термин «инфляция социального преувеличения» [6. С. 10].

Все варианты используемых выразительных стилистических средств (графических, визуальных, собственно вербальных) объединяются подчиненностью общей эстетической формуле, доминировавшей в эпоху Средневековья, следствия господствующих философско-теологических представлений в рассматриваемую эпоху.

Таким образом, художественный стиль, материализуемое эстетическое переживание, испытывает сильное влияние со стороны средневековой эстетики пропорциональности, с присущим ей догматическим характером [7. С. 62], в которой, как отмечает У. Эко, эстетические устремления неотделимы от теологических построений [7. С. 82].

Порождением отмеченного единства эстетики и теологии является формула красоты, представленная в научном наследии блаженного Августина как «соразмерность частей и наслаждение цветом» [цит. по 7. С. 58].

Восприятием средневековым сознанием цвета «как сущности красоты» обуславливается факультативность возлагаемой на него изобразительной функции, что смещает ракурс видения главного смысла цвета с изобразительности на «символическую образность», тесно связанную «со сложной символикой камней» [8. С. 20].

Порождение «мягкого стиля» сообразно формуле красоты предполагает сбалансированность различных по своей природе материальных средств в процессе создания произведения искусства в рамках определенного типа дискурса. В светской куртуазной культуре Англии рассматриваемого периода приоритет в области дискурсивных стратегий принадлежит англо-нормандскому аристократическому дискурсу [9. С. 163].

Семиотическая природа стилистических ярусов средневековой иллюминированной книги. Графический стилистический слой

Для упорядочивания процедуры анализа представляется целесообразным продвижение от одного яруса выразительных средств и стилистических приемов к другому, в качестве отправной точки аналитического круга при этом избирается графический (шрифтовый) уровень.

Разного рода изменения в сфере письма демонстрируют зависимость филологического вида практики от нефилологического, обнаруживаемую во взаимосвязи специфики создаваемых памятников письменности, в условиях усложнения социально-экономических отношений: росте и развитии городов, примет сформировавшегося в Западной Европе к XIII-му веку феодального общества, в сочетании с появлением новых языков со своими национальными формами.

Появление выделенной группы примет одновременно знаменует также разрушение универсальности доминировавшего в европейских странах канцелярского латинского письма XIII-го века [10. С. 120].

Средневековье и Возрождение используют для обозначения этого феномена разную терминологию, на что обращает в своем исследовании Т. В. Луицова. Термин универсального характера «готическое письмо», подразумевающий «средневековое письмо в целом», появляется в среде писателей и поэтов эпохи Возрождения, между тем классификацию, используемую в средневековом цехе профессионалов-скрибров отличает большая детальность [11. С. 8].

Процессы формирования нового шрифта в рассматриваемый период времени ярко иллюстрирует реляционные и корреляционные связи, соединяющие практики филологического и нефилологического характера. С развитием города, «новой экономической, политической и культурной силы», наблюдается «подъем культурного уровня общества», а вместе с этим — необходимость в грамотных, образованных людях, что сопряжено с необходимостью также и в книге.

Тем приводится в движение механизм поисков новых форм письма, которые отличает особая интенсивность в странах с более высоким экономическим уровнем развития, а, следовательно, культуры и письменности, в число которых, помимо Франции и северной Италии, входит и южная Англия.

Означенному процессу сопутствует усиление значения эстетических представлений, согласно которым у шрифта этого периода появляется «раскидистость и свобода» [11. С. 13—14].

Интенсификации этого процесса способствует также разнообразие содержания и назначения появляющихся книг, что приводит к разработке для каждого типа уникального варианта готического письма.

Важное место в литературе рассматриваемого периода, и как следствие, в библиотеках нобилей занимают иллюминированные рукописные куртуазные романы на национальных языках [10. С. 126].

Для произведений «светской литературы», как отмечает Л. И. Киселёва, используется красивое каллиграфическое готическое письмо, в наиболее классическом своем стиле представленное в Англии [12. С. 99].

Дальнейшее развитие письма для светских произведений происходит под влиянием его канцелярской разновидности и увенчивается появлением ба-старда, заимствуемого в Англии в XV-м веке из Бургундии, на присущие которому отличительные качества также оказывает влияние средневековая эстетика пропорциональности: характерная для него каллиграфическая четкость не препятствует, но во многом делает процесс чтения более приятным как в интеллектуальном, так и в эстетическом отношении, благодаря использованию курсивных элементов процесс начертания обретает легкость и быстроту.

Изобразительный стилистический ярус средневековой иллюминированной книги

Характер следующего анализируемого яруса, представленного миниатюрами и украшениями иллюминированных книг, непосредственно связан с особым местом, занимаемым книгой в жизни средневекового человека. Ирония и легкий юмор, некая доля наивности, ощущаемая в воспроизведении и токования действительности, обусловлены восприятием книги в средневековом социуме не только как «источника знания и предмета поклонения», но также и «источника наслаждения и восхищения» [11. С. 99].

Тем, в свою очередь, вызвано много- и разнообразие элементов украшения, в ряду которых выделяют цветные рубрики (заголовки, фигурные скобки, служащие для отграничения мыслей), инициалы, декоративные ленты и узоры, которыми заполняются оставшиеся пустыми концы строк, бордюры на полях рукописи, рамки и миниатюры как в рамках, так и отдельных местах.

Для материального воплощения стилистического яруса иллюминаций согласно второй части формулы красоты используется яркая цветовая палитра, как следствие «тяготения к цвету и свету, ... характерной для Средневековья спонтанной реакции» [7. С. 91]. Цветовые предпочтения средневекового человека характеризуются непосредственностью и простотой, изобразительное искусство — ограничиванием себя «простыми, основными цветами», которую отличает известная хроматическая узость, «чуждая оттенков» [7. С. 92].

Важным параметром для комбинации цветов в орнаментальных украшениях и миниатюрах является не только вкус художника и заказчика, но также и «ограниченность или полнота» наличных в той или иной части Европы красок минерального или растительного происхождения. Безусловной доминантой выступает красный цвет, используемый для отметок рубрик (текстовых или фигурных), инициалов, а также в собственно миниатюрах.

Особое место в средневековой колористике занимает любимый французскими и фламандскими мастерами XIII—XIV-го веков синий цвет. Так, на известном портрете английского короля Ричарда II работы французских или рейнских художников ангелы облачены в одеяния синего цвета, затканые изображениями герба монарха, — серебряными преклонившими колени оленями [13. С. 246]. В XV-м веке цветовая палитра обогащается золотистыми и черными цветами, используемых для фонового кружева [10. С. 99—101, 14. С. 267, 15. С. 178]. «Мягкий стиль» в английском изобразительном искусстве имеет свой, отличный от континентального, путь развития. Одна из его специфических черт заключается в протекании дальнейшего развития английского искусства в русле средневековой эстетики как следствие аритмичности процесса, прерываемого во второй половине XIV-го века паузой, которую в 1379 г. сменяет Возрождение. В этот период, тем не менее, как отмечает П. Д'Анкона, британские иллюминаторы не только не приблизились к достижениям континентальных мастеров, но также не смогли подняться до высот своих предшественников [16. С. 22], тем объясняется появление у произведений миниатюристов признаков ремесленного характера.

Во многом на специфику траектории развития «мягкого» стиля оказывает влияние роли традиций в развитии искусства в целом. Островное положение Англии не является тождественным изолированности английского искусства миниатюры от континентального европейского, что подтверждается в строгом соблюдении и следовании канонам выстраивания и заполнения иллюстративного пространства (постепенное заполнение кадра, простота в украшении, неразрывность пространства и расположение в нем персонажей и предметов, достоверность происходящего) [17. С. 41]. Сочетание универсальных и специфических характеристик в искусстве английской иллюминации подтачивает, таким образом, унифицированный характер этого направления в искусстве. Благодаря поддерживаемым творческим контактам с приглашенными представителями своего цеха из Фландрии и Германии британским иллюминаторам были доступны прогрессивные достижения европейских художников. Тем не менее, решающее воздействие на дальнейший ход развития английской готики оказали не они, поскольку противодействие со стороны свойственного ей сильного национального влияния обладало характером исключительной мощности [21. С. 41].

Сохраняемая английскими мастерами «самобытность, неразрывная связь с местными художественными традициями» способствовала обособлению английской готики в «самостоятельную ветвь общеевропейского

стиля с совершенно оригинальной конструктивной и декоративной концепцией» [18. С. 14].

Наиболее яркую репрезентацию отмеченные феномены получают в известной иллюминированной книге «The Queen Mary's Psalter» [19], написанной готическим шрифтом на латинском языке. Иллюстрации к месяцам года при анализе миниатюр, сюжеты которых перекликаются с «дролери», выполненные, однако, в иной цветовой палитре, представляют безусловный интерес.

Так, январь, открывающий год, традиционно связанный с новогодними праздниками, сопровождается изображением королевского пира (рис. 1). Композиция миниатюры отличается простотой и незамысловатостью: в центре за трапезным столом на золотисто-охряном фоне изображена королевская чета и фигура придворного. Все они облачены в одеяния насыщенного синего цвета, мужские персонажи — в сочетании с розовым, женская фигура — с оранжевым, головы венценосных персонажей увенчаны коронами золотисто-желтого цвета, того же оттенка и головной убор придворного. Немаловажная деталь — длинные волосы короля, один элемент «предметных символов власти с сакраментальным значением» [20. С. 178].

Рис. 1. Январь / Fig. 1. January [Royal 2 B VII f. 71 v January]

Примечательно распределение цвета на миниатюре: белый цвет скатерти на пиршественном столе несколько приглушает яркость красок. Общий тон, задаваемый фигурами в центре, поддерживается на левом периферийном участке миниатюрного пространства: на слуге, подносящего сосуд с вином, также оранжевое платье, — реплика плащу королевы. Музыкант в правой части — в одежде ярко синего цвета, глубина которого подчеркивается белизной арфы в его руках. Незначительное место отводится зеленому цвету светлого

оттенка, которым обозначены архитектурные детали королевской трапезной, башенка в левой верхней части миниатюры, — терракотового цвета. Самый процесс распределения цвета в иллюминационном пространстве основан на соблюдении принципа пропорциональности: левому арочному проему, выполненному в насыщенном синем, соответствует правый, в такой же концентрации малиновом. Идентичность узора нарушается цветовым решением — пятна цвета корицы и темного золота, голубая сетка слева, противопоставлена оранжевым, золотым пятнам в сиреневой сетке слева. Рамка наверху гармонирует с красновато-розовым внизу, как и сочетанием в боковых рамках.

Принцип пропорциональности объединяет все миниатюры календарного цикла, самой поэтической из них представляется «April» (рис. 2), на которой изображена группа девушек с венками в руках, собирающих цветы. Взгляд наблюдателя сразу приковывает кобальтовая сетка — реплика арочным проемам на иллюстрации «January», как и сочетание белого с зеленым в рамочных деталях той же конфигурации в верхней части изображения, пространство заключено в рамку теплого кирпично-красного цвета с узором из белых линий. Узнаваем принцип приглушения основных цветов в пространстве изображения: яркость синего в верхней части уравнивается оттенком зеленого, перекликающегося с цветными пятнами бело-зеленой рамки, символизирующей луг или лесную поляну. Ограниченностью пространства, как и условностью искусства иллюминации, обусловлена, возможно, немногочисленность растительных элементов, представленных в венках и в руках девушек, компенсируемая, очевидно, насыщенностью цветов ярких нарядов девушек: охряный, малиновый, оранжевый. Пластичность гибких девичьих фигур, создаваемая текучестью и плавностью линий, создает у наблюдателя иллюзию движения.

Рис. 2. Апрель / Fig. 2. April [Royal 2 B VII f. 74 v April]

В «The Queen Mary's Psalter» как примера иллюминированной книги представлены также изображения реальных и фантастических животных.

В этом отношении примечательна иллюстрация пантеры в «The Queen Mary's Psalter», традиционное изображение которой в средневековой миниатюре, прежде всего в bestiариях, значительно отличается от реального (рис. 3).

Рис. 3. Пантера / Fig. 3. Panther [Royal 2 B VII f. 109 v Panther]

Образ пантеры, самого красивого зверя с «препестрой шкуркой», занимает особое место в истории европейской культуры и искусства.

Исторические описания этого животного восходят к древности, к трудам Аристотеля, Плиния и Плутарха, в которых пантера предстает опасной соблазнительницей. Преобразованная сообразно средневековой философско-теологической доминанте античная трактовка, в которой образ пантеры и приписываемые ей качества получают принципиально иное преломление, находит отражение у Филиппа Танского и Гийома Нормандского. На исходе Средневековья символическое толкование образа сменяется светским, обретая, как, например, у Брунетто Латини, галантный характер [21. С. 104].

В эпоху высокого Возрождения, однако, наблюдается возвращение к античным истокам: Леонардо да Винчи создает притчу, в которой пантера, в

привычном образе зверька в «ярком одеянии», выступает коварной губительницей, используя свою красоту «для недобрых дел» [22. С. 131].

Иллюстрацией к этой сказке можно считать уже упомянутые выше визуальные вариации изображения образа описываемого зверя в «The Queen Mary's Psalter» [19].

Пантера на этой миниатюре противопоставлена группе животных (льва, оленя, козы) [Royal 2 B VII f. 109 v Panther], подобным композиционным решением рисунка порождаются ассоциации с древним предупреждением о сокрытой в ее благоуханном дыхании опасности одурманивать окружающих, что приводит их к гибели. Цветовая палитра меха пантеры, в которой сочетаются приглушенный зеленый, цвета песцовой шкурки, фиолетовый, коричневый, составляет контраст с монохромным мехом других животных.

Яркость красок отличает также изображения павлинов (рис. 4), цветовое решение визуального образа которых находится в рамках той же колористической гаммы, расширенной добавлением золотистого цвета.

Рис. 4. Павлины / **Fig. 4.** Peacocks [Royal 2 B VII f. 109 v Peacocks]

Внимание к бытовым деталям прослеживается также в изображениях бытовых сенок. Таково, например, еще одно изображение королевской трапезы (рис. 5). Король, узнаваемый по короне на голове, восседает за столом в обществе двух сотрапезников, обратившись в сторону коленопреклоненного

посетителя с чашей в руках. Рисунок отличается простотой и лаконичностью композиции, колористический минимализм, что находит отражение в ограниченности цветовой палитры лиловым и зеленым на кремовом фоне, текучести линий, изяществе и непринужденности жестов и поз. Минимализм наблюдается также в изображении сервировки стола: блюда с рыбой и дичью, кувшин и чаши для вина.

Рис. 5. Королевская трапеза / **Fig. 5.** Seated King [Royal 2 B VII f. 185 v Seated King]

Репризой можно считать стилистически близкое изображение со сходным сюжетом «Three Men and a Woman» (рис. 6), также характеризующееся сдержанностью цвета и деталей.

Рис. 6. Четверо за столом / **Fig. 6.** Four at a Table [Royal 2 B VII f. 199 v Four at a Table]

Проявление отмеченных характеристик можно наблюдать также и в средневековой европейской архитектуре, которой до XV-го в. отводилась роль «основного средства выражения духовной жизни человечества», чем определяется глубина и органичность характера ее связи с другими видами искусства, что проявляется в ее функционировании как «своеобразного творческого модуля для других областей художественной деятельности» [23. С. 84].

При сопоставительном анализе или поисках параллелей в области искусства слова особенно ценны наблюдения Д.Н. Овсяннико-Куликовского о существовании различных видов искусства. В основу его классификации положено понимание искусства как «деятельности мысли, выражающейся в создании образов» [24. С. 8]. Упомянутая трактовка являет собой одновременно принцип деления искусства на образное и лирическое с последующим подразделением внутри рамок каждого из них, при этом искусство словесное соседствует с искусствами иной, не словесной природы. Так, образные искусства объединяют поэзию и рисунок с живописью, а лирические словесную лирику с архитектурой [24. С. 9].

Принимая во внимание родовую гомогенность, очевидно, можно говорить о смежности механизмов создания той или иной разновидности текста, а вместе с этим — модуса его формулирования, иначе стиля. В качестве одного из способов материализации в работе Д.Н. Овсяннико-Куликовского рассматривается ритм, «правильное чередование во времени или сочетание в пространстве известных моментов, более или менее похожих или ... не похожих, но согласующихся друг с другом» [24. С. 9]. При анализе произведений словесно-художественного творчества и произведений изобразительно-пластических искусств важно также предлагаемое членение феномена ритма на ритм движения и покоя, иначе симметрию [24. С. 10], что очевидно согласуется с формулой красоты. На ритм покоя возлагается функция объединения различных по своей природе видов искусства, в силу того, что, удерживая за собой статус «одного из качеств, определяющих архитектуру ренессансной эпохи» [8. С. 53], она одновременно наследует готической эпохе, оставаясь «чувством неразрывной и образной связи» архитектуры с живописным изображением [8. С. 69].

Вербальный стилистический уровень дискурсивных стратегий эстетического воздействия в средневековых текстах художественной коммуникации

Сообразно природе используемых материальных стилистических средств осуществляется объективация «интернациональной» готики в произведениях художественной литературы.

Литература рассматриваемого периода времени известная как «осознанная литература», предназначалась для рафинированных представителей высшего общества, в распоряжении которых было достаточно времени и умений для совершенствования искусства удовольствия и науки получать его, в

частности, путем «украшения стихов». Наибольший вклад в развитие этой традиции внесли Мария Французская на Британских островах и Кретьен де Труа на континенте, искусственные в искусстве украшения, контрастирующего с простотой стиля *chansons de geste*, в которых воспевались подвиги воинов [25. С. 39].

Украшение, отмечается в научном наследии Л.Б. Альберти, представляет собой «умный выбор материала и средств», как и «то качество, которое появляется как результат этого выбора — *elegantia*» [цит по 26. С. 92].

Яркой иллюстрацией процитированного принципа являет собой синтаксический стилистический ярус художественного поэтического текста, представленный прежде всего куртуазным литературным жанром.

Эстетическое задание, объединяющее используемые стилистические средства, испытывает мощное влияние одновременно со стороны жанровой принадлежности текста художественного произведения, на которую, в свою очередь, воздействует пропорциональность средневековой эстетики, как и островного английского фольклора, который придает художественному стилю этнический британский колорит.

Прежде всего это затрагивает выстраивание структуры предложения, иными словами, характер связи членов предложения, то есть отказ от привлечения дополнительных союзов и союзных слов, что сообщает бессоюзным предложениям «сжатость, живость, разговорная легкость и изящество». Особая важность в рассматриваемом процессе обретает интонация как результат отсутствия разработанной системы пунктуации, которая возникает на более позднем этапе языкового развития [27. С. 41—42].

Отмеченные характеристики наблюдаются, в частности, в поэтическом материале XIV-го века, представленного в цитируемом ниже фрагменте поэмы «L'envoy» [28]:

*The whiche, God wote, standith ful deceytute
Of eloquence, of meter, and colours;
Like as a best, naked, without refute,
Upon a payne to abide al manere showres.
I can noo more but aske of heim socoures,
At whos request thou were made in this wise,
Commaunding me with body and servise*

[<http://d.lib.rochester.edu/teams/text/symons-chaucerian-dream-visions-and-complaints-l'envoy>].

‘Этому несовершенному переводу / недостает изысканности красноречия, метрических ухищрений, фигур речи, / Подобно обездоленному, который стоит на равнине в ожидании помощи, / Я могу лишь обратиться за поддержкой к тем, по чьей просьбе ты [перевод книги] бы’ (перевод наш — Ю.В.).

Прочитанный фрагмент являет собой аллюзию на средневековые трактаты, регламентировавшие правила украшения речи. Данная поэма, как и многие другие произведения рыцарского жанра, появилась в английской

литературе как следствие перевода французских оригиналов. При сохранении сюжетной канвы автору-переводчику не всегда удавалось передать цветистость и гибкость стиля исходного текста в силу дефицита насыщенности национального лингвистического фонда, что вызвано несовпадением ритмов языкового развития по разные стороны Ла-Манша.

Приведенная цитата примечательна также и как документальное свидетельство упоминаемого выше отношения к книге, которые создавались на заказ для библиотек европейских просвещенных нобилей-меценатов.

Производимый стилистический эффект выразительными средствами синтаксической природы усиливается также путем привлечения фонетических выразительных стилистических средств, непосредственно заимствованных из народной певческо-танцевальной традиции, чем порождается особый ритмический рисунок текста.

Традиционно для воплощения второй части формулы красоты — наслаждения цветом в текстах средневековых поэм используются разнообразные тропы и фигуры (эпитеты, метафоры цвета и света).

Между тем анализ иллюстративного материала показывает наличие примеров полярного характера, что объяснимо действием принципа эстетической симметрии.

Так, в приводимой ниже цитате из известного лэ «Emare» [32], в изъятие из общего правила, наблюдается абсолютное отсутствие отмеченной черты, что повышает значимость для анализа этого текстового фрагмента:

*In the thirdde kornor, wyth gret honour,
Was Florys and Dam Blawncheflour,
As love was hem between
For they loved wyth honour,
Purtreyed they wer with trewe-love-flour,
Wyth stones bryght and shene:
Ther wer knyghtes and senatowres,
Emerawdes of gret virtues,
To wyte wythouten wene;
Deamoundes and koralle,
Perydotes and crystal,
And gode garnettes betwene*

[<http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-emare>].

‘В третьем углу, с большим почетом / сидели Флорис и Бланшефлёр, / влюбленные друг в друга, / Поскольку чувство их было глубоко и достойно восхищения, / В знак уважения / Их украшал цветок истинной любви, / изготовленный из ярких, сверкающих камней, / Которые обычно носили рыцари и благородные сенаторы. / Изумруды и кораллы, / Перидоты и горный хрусталь, / а между ними прекрасные гранаты’ (перевод наш — Ю.В.).

В цитате предлагается описание глубоких чувств, испытываемых персонажами друг к другу. Куртуазность отношений подчеркивается неоднократным

повторением слов со значением «honour»: *treweloveflour virtues*. Общая торжественность атмосферы и искренность переживаемых эмоций усиливается также и на фонетическом уровне посредством аллитерации сонантов [l, m, n] в «горячих» культурных словах.

Единственный пример замысловатой фигуры речи, предназначенной для расшифровки искушенному читателю, представляет собой антономасичное имя героини *Blawncheflour*, в котором содержится намек на ее благородство и добродетель, и которое можно рассматривать также как аллюзию на лилию, цветок Девы Марии, — реплика искусству иллюминации.

Созвучность имен персонажей и общность их этимологии *Florys* и *Blawncheflour* подчеркивает также и связывающую их духовную близость. Фитоморфность имен как наиболее древних в европейском ономастиконе — оммаж фольклорной традиции. Этим примером исчерпывается арсенал лингвистических игр, компенсиремый регулярным повторением инкорпорированных в текст названий драгоценных камней, что способствует пробуждению у читателя определенного комплекса ассоциаций.

Помимо символической нагрузки, возлагаемой на эти лексические единицы, которая раскрывается в наделении их сверхъестественными, мифическими качествами: изумруд — символ верности, хрусталь — чистоты и непорочности, бриллиант — стойкости, данные лексические единицы вызывают в сознании реципиента вполне конкретный визуальный колористический образ той или иной драгоценности. Тем самым описание в анализируемом текстовом фрагменте можно истолковывать как стилистическое соответствие, параллель, реплику, отражение средствами вербальной природы невербальной действительности, в частности, соборного витража. Самые цвета драгоценных камней совпадают с цветовой палитрой витражного окна готического храма: белый, зеленый, красный, оранжевый, посредством которых обрисовывается роскошь одеяний и аксессуаров персонажей.

Стилистическая близость с собственно миниатюрами в иллюминированной книге прослеживается также на морфологическом уровне использованием единственного в цитате глагола «to be» в прошедшем неопределенном — тем подчеркивается статичность композиции.

Наличие заимствований из «золотого стиля» — абсолютные конструкции с предлогом *wyth* усиливает впечатление отвлеченности действия от повседневности, очерчивает границы куртуазного универсума. Примером поддержания подобного рода функции можно рассматривать вплетение в текстовую ткань инфинитивной фразы *to wytte wythouten wene*, с присущей, как отмечает А.И. Ефимов, инфинитиву отвлеченности действия от деятеля [30. С. 399].

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует наличие возможности множественности вариаций преобразований исходного материала, используемого раз-

личными видами средневекового искусства (изобразительного, пластического, вербального), в процессе порождения стиля, овеществления эстетического переживания, присущего художественному произведению. Содержание его характеризуется двусмысленностью, чем, в свою очередь, обуславливается ряд неоднозначных толкований его содержания, как следствие двусмысленности средневекового текста, результата максимализма, одной из характеристик средневекового сознания, раскрываемых в работах академика Ю.М. Лотмана.

Отмеченная специфика определяет характер средневековой европейской культуры в целом, которая одновременно и также в рамках настоящего исследования выступает в качестве расширенного контекста, тесным образом связанного со сферой существования стилистических феноменов, необходимых для их интерпретации.

Универсальный характер «мягкого» стиля, возникающего повсеместно в Европе эпохи уходящего с исторической сцены средневековья, наблюдается во всех видах средневекового искусства.

Средневековая иллюминированная книга по праву может считаться ярким примером воздействия на реципиента-читателя всем присущим ей сложным сочетанием стилистических слоев, являющих собой материализованное эстетическое переживание-удовольствие. Воспринимаемая средневековым человеком не только как кладезь знания, но и как источник эстетических изысков, она создается посредством использования самых утонченных и эстетически действенных выразительных стилистических средств, объединяемых общностью стилистического задания, но и одновременно доминировавшими в социуме общими эстетическими предпочтениями, в ряду которых соразмерность элементов и восхищение цветом принадлежит приоритетное место.

Универсальность механизма формирования «мягкого» модуса формулирования находит также отражение в реализации архитектурой, доминирующей среди средневековых видов искусства, функции определяющего вектора, что ясно демонстрирует структура синтаксического яруса поэтических текстов жанра куртуазного рыцарского романа, корпус которых предоставил практический материал для анализа, как и прочих ярусов, образующих стиль художественного произведения рассматриваемой эпохи.

Подчиненность всех видов средневекового искусства единым принципам стилистического конструирования содействует аккумуляции мощности «интернациональной» готики, превращению «мягкого стиля» в действенную дискурсивную стратегию, избираемую авторами создателями произведений искусства перехода от высокого Средневековья к Возрождению.

Библиографический список

1. *Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А.* Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана. М.: Наука, 2006.

2. *Маранда П., Кёнгас-Маранда Э.* Структурные модели в фольклоре // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва Наука, 1985. С. 194—261.
3. *Cerquilini J.* La Parole Médiévale. Discours, Syntax, Texte. Paris: Les Éditions de Minuit, 1981.
4. *Якоба И.А.* «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // Социологические исследования. 2014. № 12 (368). С. 65—73.
5. *Ермаков Ю.А.* «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4 (119). С. 215—225.
6. *Эрши А.* Живопись интернациональной готики. Будапешт: Корвино, 1986.
7. *Эко У.* Эволюция средневековой эстетики. СПб.: Азбука-классика, 2004.
8. *Данилова И.Е.* Итальянская монументальная живопись. Раннее Возрождение. М.: Искусство, 1970.
9. *Hall A.* Elves in Anglo-Saxon England. Matters of Belief, Health, Gender and Identity. Woodbridge: The Boydell Press, 2007.
10. *Киселёва Л.И.* О чем рассказывают средневековые рукописи (рукописная книга в Западной Европе). Л.: Наука. Лен. от-с, 1978.
11. *Луизова Т.В.* Латинское письмо XI—XII вв. (Проблемы возникновения так называемого «готического письма»): автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1950.
12. *Camille M.* Image on the Edge. The Margins of Medieval Art. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1992.
13. *Перруа Э.* Столетняя война. М.: Вече; СПб: Евразия, 2006.
14. *Школьникова О.Ю.* Рукописная традиция французского «Жития св. Этьена де Мюре». М.: Изд-во Московского университета, 2009.
15. *D'Ancona P.* La Miniature Italienne du X et XV siècle. Paris & Bruxelles: Librairie Nationale d'Art et d'Histoire, 1925.
16. *D'Ancona P., Aeschlimann E.* The Art of Illumination. Anthology of Manuscripts from the VI-th to the XVIth century. NY-London: Phaidon Press, 1969.
17. *Porcher J.* L'Enluminure Française. Paris: Arts et Métiers graphiques, 1959.
18. *Vunnep Б.Р.* Английское искусство. М.: Изд-во Гос. музея изобраз. иск- в им. А. С. Пушкина, 1945.
19. «The Queen Mary's Psalter» Режим досупа: <http://www.bl.uk/catalogues/illuminations/ILLUMIN.ASP?SIZE-MID&IID=5376> (дата обращения: 10.10.2018).
20. *Санников С.В.* Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI в. Новосибирск, 2011.
21. *Муратова К.М.* Средневековый Бестиарий // Средневековый Бестиарий. М.: Искусство, 1984. С. 5—52.
22. *Винчи да Л.* Сказки, легенды, притчи. М.: Амрита, 2015.
23. *Стародубова В.В.* Искусство Франции // Искусство Возрождения в Нидерландах, Франции и Англии. М.: Искусство, 1994. С. 127—144.
24. *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Теория поэзии и прозы (типы словесности). Петроград, 1917.
25. *Donovan Mortimer J.* The Breton Lay: A Guide to Varieties. London: University of Notre Dame Press, 1969.
26. *Зубов В.П.* Архитектурные типы Альберти // Леон Батиста Альберти. Отв. ред. В.Н. Лазарев М.: Наука, 1977. С. 50—150.
27. *Борковский В.И.* Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков. М.: Издательство АН СССР, 1958.
28. L'envoy. Режим досупа: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/symonschaucerian-dreamvisions-and-complaints-l'envoy> (дата обращения: 10.10.2018).

29. Емаре. Режим доступа: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-emare> (дата обращения: 10.10.2018).
30. Ефимов А.И. *Стилистика художественной речи*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1957.
31. Лотман Ю.М. *Семиосфера*. СПб.: Искусство. СПб, 2004. С. 174—175.

References

1. Losev, A.F. & Tacho-Godi, M.A. (2006). *Nature Esthetics: Nature and its Style Functions in Romain Rolland Works of Literature*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
2. Maranda, P. & Kyongas-Maranda, E. (1985). Structural Models on Folklore. *Foreign Research In Folklore Semiotics*. Moscow: Oriental Literature Principle Edition of Nauka publ. pp. 194—261. (In Russ.).
3. Cerquolini, J. (1981). *La Parole Médiévale. Discours, Syntax, Texte*. Paris: Les Éditions de Minuit.
4. Yakoba, I.A. (2014). “Soft power” in Modern Politics and Discursive Technology. *Sociological Research*, 12(368), 65—73. (In Russ.).
5. Yermakov, Yu.A. (2013). «Soft» Power of Social-political Manipulations of a Person. *The Journal Vestnik Uralskogo Universiteta. Series 1. Educational, Scientific and Cultural Matters*, 4(119), 215—225. (In Russ.).
6. Ershi, A. (1986). «International» Gothic Painting. Budapest: Korvino publ. (In Russ.).
7. Eco, U. (2004). *Medieval Esthetics Evolution*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika publ. (In Russ.).
8. Danilova, I.E. (1970). *Italian Monumental Painting. Early Renaissance*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.).
9. Hall, A. (2007). *Elves in Anglo-Saxon England. Matters of Belief, Health, Gender and Identity*. Woodbridge: The Boydell Press.
10. Kisselyova, L.I. (1978). *What Medieval Manuscripts Tell (Manuscripts in Western Europe)*. Leningrad: Nauka publ. (In Russ.).
11. Luisova, T.V. (1950). *Latin Writing of the XI—XII centuries. (Issues of so-called “Gothic” Writing Appearing)* [dissertation]. Leningrad. (In Russ.).
12. Camille, M. (1992). *Image on the Edge. The Margins of Medieval Art*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
13. Perrois, E. (2006). *Hundred Year’s War*. Moscow: Veche; Saint Petersburg: Eurasia. (In Russ.).
14. Shkolnikova, O.Yu. (2009). *The Manuscript Tradition of the French “Life of St. Stephen of Muret”*. Moscow: Moscow State University publ. (In Russ.).
15. D’Ancona, P. (1925). *La Miniature Italienne du X et XV siècle*. Paris & Bruxelles: Librairie Nationale d’Art et d’Histoire.
16. D’Ancona, P. & Aeschlimann, E. (1969). *The Art of Illumination. Anthology of Manuscripts from the VI-th to the XVIth century*. NY-London: Phaidon Press.
17. Porcher, J. (1959). *L’Enlumineure Française*. Paris: Arts et Métiers graphiques.
18. Vipper, B.R. (1945). *English Art*. Moscow: Pushkin State Museum Publ. (In Russ.).
19. «The Queen Mary’s Psalter» [Electronic resource]. URL: <http://www.bl.uk/catalogues/illuminations/ILLUMIN.ASP?SIZE=MID&IIIID=5376> (accessed: 10.10.2018).
20. Sannikov, S.V. (2011). *The Royal Power Images of the Great Peoples’ Transfer Period in Western-European Historiography of the VI century*. Novosibirsk. (In Russ.).
21. Muratova, K.M. (1984). Medieval Bestiary. *Medieval Bestiary*. Moscow: Iskusstvo. pp. 5—52. (In Russ.).
22. Vinci, L.Da. (2015). *Tales, Legends, Parables*. Moscow: Amrita. (In Russ.).
23. Starodubova, V.V. (1994). French Art. *Renaissance Art in Netherlands, France and England*. Moscow: Iskusstvo. pp. 127—144. (In Russ.).
24. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1917). *Prose and Poetry Theory*. Petrograd. (In Russ.).

25. Donovan, Mortimer J. (1969). *The Breton Lay: A Guide to Varieties*. London: University of Notre Dame Press.
26. Zubov, V.P. (1977). Alberti Architectural Types. *Leon Batista Alberti*. Moscow: Nauka publ. pp. 50—150. (In Russ.).
27. Borkovsky, V.I. (1958). *The Use of Dialectal Data in Western-Slavish Historical Syntax Research Papers*. Moscow: The USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
28. *L'envoy* [Electronic resource] URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/symons-chaucerian-dream-visions-and-complaints-l'envoy> (date of access: 10.10.2018).
29. *Emare* [Electronic resource] URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-emare> (accessed: 10.10.2018).
30. Yefimov, A.I. (1957). *The Belles-Lettres Stylistics*. Moscow: Moscow State University Press. (In Russ.).
31. Lotman, Yu.M. (2004). *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskusstvo. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Вышенская Юлия Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; *научные интересы*: историческая стилистика, история литературы, история языка, литературоведение; стилистика, лингвистика текста, *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru; Идентификатор ORCID: 0000-0003-2870-3026. e-library spin-код: 7067-9940.

Information about the author:

Yuliya P. Vyshenskaya, Ph.D, Associate Professor of the Department of English Language and British Studies of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Herzen State Pedagogical University”; *Scientific Interests*: Historical Stylistics, History of Literature, History of Language, Literature studies, Stylistics, Text Linguistics, *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-2870-3026. e-library spin-код: 7067-9940.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-185-195
УДК 811.161.1'27

Научная статья / Research article

Императивные высказывания — одна из форм репрезентации языковой личности

А.А. Васильева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
a.vasileva@my.mgimo.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности функционирования императивных высказываний, используемых в различных ситуациях общения. Цель статьи — проанализировать основные императивные конструкции в контексте речевого поведения языковой личности главного персонажа художественного текста. Метод сравнительно-сопоставительного анализа позволяет выявить особенности функционирования тактик побуждения. Настоящая статья представляет собой обзор имеющихся в лингвистике исследований по вопросам, связанным с императивностью. Широкий взгляд на понятие «императив» позволяет выйти за рамки устоявшихся определений и расширить поле модальности художественного текста. В работе рассмотрены основные семантические группы, ярко характеризующие художественный персонаж как языковую личность. Анализ императивных побудительных высказываний рассматривается сквозь призму целенаправленной коммуникативной деятельности. Разнообразие средств и способов выражения императивных высказываний в речи главного персонажа обеспечивают возможность дифференцировать смысловые нюансы. Научная новизна предлагаемой статьи заключается в том, что впервые на материале современного русского романа А. Иванова «Географ глобус пропил» анализу подвергаются основные классы выражения семантики побуждения. В ходе исследования выявлены императивные и неимперативные, но выражающие побуждение к действию высказывания, средства понижения императивности. Проанализированы наиболее распространенные в педагогическом и бытовом дискурсах лексико-грамматические и синтаксические конструкции, используемые в речи главного персонажа. Результаты исследования представлены в виде функционально-семантического поля.

Ключевые слова: императив, педагогический и бытовой дискурс, языковая личность, функционально-семантическое поле

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2020

Дата приема в печать: 15.12.2020

© Васильева А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Васильева А.А. Императивные высказывания — одна из форм репрезентации языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 185—195. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-185-195

UDK 811.161.1'27

Imperative Statements — one of the Forms of Representation of a Linguistic Personality

Anna A. Vasileva

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russian Federation, 119454
Corresponding author: a.vasileva@my.mgimo.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the functioning of imperative statements used in various situations of communication. The purpose of the article is to analyze the main imperative constructions in the context of the speech behavior of the linguistic personality of the main character of a literary text. The method of comparative analysis allows identify the features of the functioning of incentive tactics. This article is an overview of the research available in linguistics on issues related to imperativeness. A broad view of the concept of imperative allows to go beyond the established definitions and expand the field of modality of a literary text. The work examines the main semantic groups that clearly characterize the literary character as a linguistic person. The analysis of imperative incentive statements is viewed through the prism of purposeful communicative activity. A variety of means and ways of expressing imperative statements in the speech of the main character provide an opportunity to differentiate semantic nuances. The scientific novelty of the article lies in the fact that for the first time on the material of the modern Russian novel “The Geographer Drank His Globe Away” by A. Ivanov, the main classes of expression of the semantics of motivation are analyzed. The study identified imperative and non-imperative, but expressing the urge to action, statements, means of lowering the imperative. The lexico-grammatical and syntactic constructions used in the speech of the main character, most common in pedagogical and everyday discourses, are analyzed. The research results are presented as a functional-semantic space.

Keywords: imperative, pedagogical and everyday discourse, linguistic personality, functional and semantic space

Article history:

Received: 01.12.2020

Accepted: 15.12.2020

For citation:

Vasileva, A.A. (2021). Imperative Statements — one of the Forms of Representation of a Linguistic Personality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 185—195. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-185-195

Введение

Описание императива — динамично развивающаяся сфера современного языкознания. Теоретическую базу данного направления составляют работы как отечественных, так и зарубежных исследователей, занимавшихся

проблематикой императива как языковой грамматической категории: К.С. Аксаков, В.В. Виноградов, И.И. Давыдов, А.М. Пешковский, А.В. Исаченко, Е.Н. Зарецкая, А.А. Шахматов, Ф.И. Буслаев, А.П. Володин, А.Х. Востоков, Н.С. Трубецкой, В.С. Храковский, Е.А. Крашенинникова, П.П. Мучник, А.В. Исаченко, М.П. Муравицкая, Н.П. Нерасов, Г.А. Золотова, О.С. Ахманова, Р.В. Пазухин, Л.С. Ермолаева, А.М. Ломов, Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов, А.А. Потеня, Н.Ю. Шведова, А.И. Смирницкий, Б.А. Ильиш, Е.К. Никольская, Т.Я. Гольденберг, В.Г. Гак, А.Н. Степанова, В.Д. Бурло, Н.А. Рыбкина, С.А. Шашкова, Е.А. Реферовская, R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik, K. Togeby и др. Императив является объектом теории речевых актов у Дж. Остина и Дж. Серля.

Актуальность исследуемой проблемы

В настоящее время исследования, посвященные анализу императивных конструкций, определяются отсутствием комплексного системного подхода, несмотря на давнюю историю изучения. Категорию императива в грамматическом учении о русском языке связывают с изучением наклонения [1]. Императивные конструкции определяются как одно из основных категориально-грамматических типов предложений. Обратимся к общенаучной трактовке понятия.

Дискуссии

Согласно Философскому энциклопедическому словарю императив (от лат. Imperatives – ‘повелительный’) — это требование, приказ, закон. У немецкого философа И. Канта в “Критике практического разума” — общезначимое нравственное предписание в противоположность личному принципу (максиме); гипотетический императив имеет силу лишь при определенных условиях, категорический императив — безусловный принцип поведения» [2. С. 203]. Схожее определение находим в Большой российской энциклопедии (2004): императив — «специализированная глагольная форма или конструкция, выражающая повеление, т.е. попытку говорящего своим высказыванием добиться выполнения указанного действия» [3]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре императив определяется как «...повелительное наклонение, служащее для передачи приказа или просьбы, со специальной формой глагола 2-го лица единственного числа и 2-го лица множественного числа, а также формой побуждения (которую иногда называют «юссивом») к совершению совместного действия одним или несколькими лицами, включая говорящего» [4. С. 321]. Эгберт Фортейн семантику императива трактует как полисемичный комплекс, имеющий значение импульса к совершению действия [5]. Наличие импульса призывает адресата быть причастным к выполнению определенного действия. По определению А. Вежбицкой, императивные конструкции включают в себе следующее ядерное значение:

«Императивная конструкция — это особая конструкция, используемая в некотором данном языке для выражения значения “я хочу, чтобы ты нечто сделал” с возможными распространениями на некоторые другие смежные значения» [6. С. 49]. Побуждение адресата речи к совершению действия выражено глаголом *хотеть*, соответствующий неповелительному и/или опосредованному императиву. Говоря о функциональной грамматике, нельзя не вспомнить проф. А.В. Бондарко, которым были разработаны понятия императивной ситуации и функционально-семантического поля, ядро которого составляют формы 2-го лица, как например, *подумай-те* и формы совместного действия *подумаем-те, будем-те думать, давай-те думать*, а также императивная интонация [7]. Если принять во внимание тот факт, что повествовательные предложения не предполагают облигаторной речевой деятельности, а вопросительные конструкции влекут речевую реакцию слушателя, то назначение повелительного предложения, по мнению проф. Л.А. Бирюлина и В.С. Храковского, заключается в том, чтобы «вызвать какое-либо конкретное действие, которое в частном случае может быть и речевым» [8. С. 186].

Проблема определения императива несколько иначе поставлена у Г. Гийома, который утверждал, что формы глагола отражают различные этапы формирования представления в сознании говорящего о развитии действия во времени [9]. По сути, исследователь говорит о ситуативном отнесении действия к настоящему и/или будущему времени. На этом основании Г. Гийом причисляет императив к системе речи, но не к системе языка (ср. с идеями Ф. де Соссюра), а предметом изучения должны стать речевые функции императива. Таким образом, понятие *императив, волеизъявление, побуждение* употребляются как синонимы, смысл их не разграничивается, поскольку императивные высказывания — это коммуникативное средство ограничения поведения. Вместе с тем встречается сужение объема данного понятия. Побуждение — это тип речевого акта, при котором говорящий предлагает собеседнику совершить или не совершать каузируемое действие [10]. Термины *побудительность* и *императивность* трактуются как «свойства людей и других проявлений действительности каузировать изменение окружающей действительности», если побуждение выражает стремление говорящего воздействовать на адресата [11].

Исследователи по-разному подходят не только к определению значения императива. Особенно остро стоит вопрос, связанный с тем, «какие из глагольных форм и конструкций данного языка, способные выражать побуждение, должны рассматриваться как формы повелительного наклонения, а какие нужно считать лишь синонимами или заместителями императива?» [12. С. 85]. Так, К.С. Аксаков, В.В. Виноградов, А.М. Пешковский считают, что императивную парадигму составляют формы не только 2-го лица, образованные путем прибавления формообразующего суффикса *-и(й)* и *-те* к основе наст. вр. *говори-те, кричи-те*, но и форма 1-го лица мн.ч., т.е. форма совместного действия [13]: *Ступай, мой друг, но возвращайся поскорее!*

(М. Булгаков «Дон Кихот»). Ф.И. Буслаев, А.Х. Востоков, Н.С. Трубецкой добавляют формы 1 лица ед.ч. *Давай завтра же распишемся, а то что-нибудь случится* (А. Жуков «Судить Адама»). Очевидно, средством выражения императива служит формообразующая частица *давай*. А.А. Шахматов, Е.Н. Зарецкая, А.В. Немешайлова включают форму 3-го лица изъявительного наклонения с добавлением частицы *пусть*: *Пусть принесут сюда, а то он еще харкнет в общий котел* (А. Платонов «Усомнившийся Макар»). Таким образом, только формы 2-го лица ед.ч. и мн.ч. включаются в императивную парадигму всеми русистами.

Результаты исследований

В лингвистических исследованиях существуют различные семантические классификации предложений с побудительной модальностью, но, к сожалению, ни одна из них не учитывает всех типов императивных конструкций. Очевидно, ни лексика, ни грамматика не могут претендовать на главенствующую позицию в формировании высказывания. Вместе они служат раскрытию цели и содержанию высказывания [14].

В данной статье мы установим те разновидности императива, которые ярко характеризуют персонаж художественного произведения как языковую личность, т.к. именно «языковая личность разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [15].

В качестве материала исследования был выбран роман современного русского писателя А. Иванова «Географ глобус пропил». Поскольку ситуации побуждения разнообразны по прагматическому контексту, то при анализе императивных конструкций, используемых в речи главного персонажа В. Служкина, мы будем придерживаться социальных характеристик, лексико-грамматических и синтаксических конструкций, передающих интенцию волеизъявления в педагогическом и бытовом дискурсе. Следует подчеркнуть, что для анализа побудительных конструкций в рамках педагогического дискурса необходимо учитывать такие факторы, как участники коммуникации, обладающие определенным статусом в обществе, и стратегии, обладающие конкретной направленностью на объект [16]. Специфика бытового дискурса состоит в «стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова» [17. С. 232]. При таком общении актуальным является оценочно-модальная квалификация происходящего.

1. *Прохибитив* — императив со значением *запрета*, формальный показатель отрицательная частица *не*. Обратимся к тексту.

«Ну, Наденька, **не плачь**, — *попросил он*» [18. С. 215]. Морфологическая форма императива сближается с формой инфинитива несовершенного вида. Обнаруживается оттенок значения, поскольку запретительный императив передает значение смягченной мольбы, просьбы. Факт отрицания порождает

оттенок совета. Исходя из коммуникативной ситуации, становится очевидно: невыполнение действие не повлечет за собой наказания, поскольку зависит от самого пациента. Императивное высказывание имеет низкую степень вероятности выполнения каузируемого действия, сравните:

«Дальше **не пойдём**, дальше тропа ещё опаснее. Поскользнемся и оба улетим. Спускайся, Маш. Пойдем в Межень по дороге» [18. С. 413]. Очевидно совмещение семантики запрета отрицательного императива несовершенного вида *не пойдём* с семантикой предостережения *поскользнемся, улетим*. В. Служкин является ответственным за последствия действий. Он вторгается в личную сферу собеседника. Маша действительно заинтересована в том, о чем ее просит В. Служкин. В бытовом дискурсе убеждение приравнивается к настоятельному совету. Следует говорить об успешности коммуникативного акта.

«Маша неуверенно подошла поближе. Служкин, улыбнувшись, подтянул ее вплотную и осторожно поцеловал (...)

— *Эт-то что такое?.. — раздался обескураженный возглас (...)*

— **Закройте**, пожалуйста, дверь, — еле сдерживая бешенство, сказал Служкин Угрозе.

— *Маша, вон из кабинета!* — голосом мертвеца приказала Угроза.

— **Не трудитесь запирать**, Роза Борисовна, — охрипнув, сказал Служкин. — *Лучше выйдите из кабинета ...»* [18. С. 436]. Контекст побуждения минимален. Императив имеет форму прямого обращения, в котором В. Служкин побуждает к действию Розу Борисовну с помощью глагольного комплекса *не трудитесь запирать*. По структуре данное предложение простое, главный компонент побуждения — глагол 2 лица с отрицательной частицей *не*, занимающей позицию начала предложения, но не только перед предикатом.

Служкин, не зная о том, что завуч Роза Борисовна является мамой Маши, для выражения прескриптивного побуждения использует прохибитив, свидетельствующий о приоритетной роли говорящего, хотя его личный статус ниже статуса адресата.

2. *Превентив-конструкции*, предназначенные для предупреждения адресата о неконтролируемом событии, например:

«—В вашем распоряжении двадцать минут. **Не забудьте** подписать листочки... *Остальные открывают тетради и записывают тему урока (...)* — Нет, — сказала красная профессура.

— *Да все им ясно, они выделяются,* — сказала Маша Большакова.

— *Больше будут выделяться — больше будут писать.* Скачков, после уроков **не забудь** сдать мне тетрадку» [18. С. 33, 34]. Открытого воздействия на учеников, прямого указания, навязывания собственной точки зрения нет. Ученики не воспринимают информацию как безапелляционную, поскольку учитель акцентирует их внимание на получении положительной отметки. Средством воздействия является глагол *не забудь(те)* с модальным значением, являющийся одним из средств реализации воздействия в педагогическом дискурсе. Императив превентивной семантики усилен экстралингвистически.

3. *Императив немедленного действия* — глагольные формы, обозначающие действие, которое совершается незамедлительно. Обратимся к примерам:
«— *Атас, отцы!.. — заорал Служкин. — Валежскую проспали! (...)* Тютин, *держи двери!* Деменев — *на стоп-кран!* Овечкин, Чебыкин — *за лыжами!* Бармин, *проверь вагон!* — командовал Служкин.

— *Не успеем, Виктор Сергеевич! Не успеем же!* — стонал Тютин.

— *Уходим!* — крикнул он, как партизан, подорвавший мост» [18. С. 167].

Ограничительные глаголы выражены формами 2-ого лица, несовершенного вида *держи*, *уйди* и совершенного вида *проверь*. Действие, к которому побуждает В. Служкин, соответствует интересам коммуникантов — участников ситуации. Императивные конструкции не оставляют им выбора, действие будет выполнено немедленно, т.е. иллокутивная цель говорящего будет достигнута.

4. *Пермиссив и гортатив* — глагольные формы, выражающие значение разрешения, допущения.

«— *Меня Андрюша Снегирев мучит. Щипает, толкает...*

— *Дай ему в рог, — посоветовал папа.*

— *Он Марине Петровне нажалуется»* [18. С. 43]. Пермиссивный глагол *дай* выражен формой 2 лица единственного числа совершенного вида и имеет значение ‘дать разрешение’ отомстить обидчику. Разрешение В. Служкина совпадает с речевым запросом дочери Таты, значение глагола выражено прямо и воспринимается как дозволенное. Коммуникативная ситуация побуждения к действию в речи взрослого заведомо не противоречит желанию ребенка.

Пример гортатива найдем в следующем случае:

«— *Он [Градусов], Виктор Сергеевич, про вас песню сочинил. Ругательную.*

— *Ну-ка, отцы, давайте, наяривайте.*

Чебыкин перетащил гитару со спины на живот, заиграл и запел на мотив старого шлягера “Миллион роз”» [18. С. 100]. Глагол *давать* в гортативных конструкциях стоит в форме императива. В. Служкин своим высказыванием предлагает адресату/ам Чебыкину/ученикам совершить желаемое для него/них действие, при этом возможно участие самого В. Служкина, поскольку мотив песни всем известен. Ср. с императивом совместного действия.

5. *Десемантизированные императивы* — повелительные формы, которые не называют определенного действия, необходимого для его выполнения.

«— *Давайте лучше, Виктор Сергеевич, мы весь урок будем сидеть молча, зато не будем писать, — улыбаясь, предложила красивая отличница Маша Большакова.*

— *Давайте лучше вы весь урок будете сидеть молча будете писать, — внес контрпредложение Служкин»* [18. С. 33]. По формальным показателям *давайте* соответствуют частицам, а по функционированию в речи стремятся к побуждению, выполнению потенциального действия. Императивная

конструкция соответствует правилам педагогического дискурса: В. Служкин как учитель корректно, но в то же время категорично предлагает выполнить определенное действие своих учеников. Аналогично:

«— Там пещера-а!.. — доносился до нас крик Чебыкина.

Потом он быстро и ловко лезет обратно т где-то на полпути сворачивает, чтобы выбраться к пещере покороче.

— **Давайте** тоже к пещере **двинем**, — говорю я отцам. — *Вон туда...*»

[18. С. 336]. Очевидная неимперативная конструкция по форме, но обладающая императивной семантикой. Наличие частицы *давайте*, глагола 2 лица будущего времени выражают побуждение, действие утверждается. Тем не менее категоричность, высказанная учителем, смягчается. В. Служкин призывает/приглашает совершить действие сообща. Он заинтересован в выполнении действия, только выбирает форму высказывания не просьбы *пожалуйста*. Это обусловлено тем, что бытовой дискурс не предполагает столь авторитарного высказывания по отношению к ученикам. Десемантизированная императивная конструкция наполнена прагматическими оттенками: предложение, рекомендация, инструкция и др.

6. *Императив движения* — глагольная форма однонаправленности/разнонаправленности, например.

«— Это у вас, Виктор Сергеевич, новая манера урок вести? — ехидно спросил умный Старков.

— В учебнике какая тема этого урока у нас обозначена?

— Основное предприятие нашего района, — подсказала Митрофанова.

— **Вот мы и пойдем сейчас** на экскурсию *смотреть затон*». Через некоторое время школьники задают вопрос:

«— Куда теперь? — жизнерадостно спросила красная профессура.

— **Вон к той скамейке**. — Служкин указал сигаретой. Профессура *рванула к скамейке*» [18. С. 234—235]. Высказывание не содержит ни формального, ни семантического компонента побуждения, глаголы стоят в форме 2 лица изъявительного наклонения, однако побудительная интенция обеспечивается заданной ситуацией: с помощью глагола будущего времени В. Служкин задает необходимое намеченное действие в рамках педагогического дискурса. В предложении *вон к той скамейке* императивный глагол опущен, но высказывание В. Служкина носит прескриптивный характер, предполагающий соблюдение субординации между участниками речевого акта. Подразумевается, что уже в ближайшем будущем потенциальное действие будет выполнено.

Итак, представим императивные высказывания в речи главного персонажа В. Служкина в виде полевого образования. Считаем ядерным элементом императивные высказывания, а периферийное пространство заполняют типы побудительных конструкций, зависящих от социального статуса коммуникантов, педагогического и бытового дискурса, семантико-прагматических ситуаций, которые ярко характеризуют В. Служкина как языковую личность.

Как показывает схема (рис. 1), *прохибитив*, как и *десемантизированные императивы*, реализуются в рамках бытового и педагогического дискурса и характеризуются наличием осложнения основной семантики побуждения рядом дополнительных оттенков просьбы, мольбы, желательности, поскольку соответствуют интересам коммуникантов. Запрет, угроза практически не представлены в речи В. Служкина, а приказ выявлен в самой незначительной степени. *Пермиссивы*, *гортативы*, *императивы немедленного действия* и *императивы движения* в основном характеризуются как дружеские. Побудительные конструкции усилены за счет употребления частиц. Неимперативные по форме, но императивные по содержанию высказывания эмоционально маркированы. В. Служкин не занимал авторитарную позицию по отношению к адресатам. Это обусловило тот факт, что подобные императивные конструкции практически не представлены в бытовом дискурсе. *Превентив* использует свое прямое каузативное значение волевого воздействия. Побудительные высказывания содержат предостережение, являющееся мотивирующим фактором для учеников. Побуждение к действию представлено в педагогическом дискурсе. Границы между некоторыми классами императивов в речи главного персонажа размыты. Если очевиден принцип кооперации, то коммуниканты выполняют желаемое/требуемое действие. Полагаем, что предложенную схему возможно расширить за счет других классов императивных высказываний только при детальном анализе с учетом лингвистического и экстралингвистического материала.

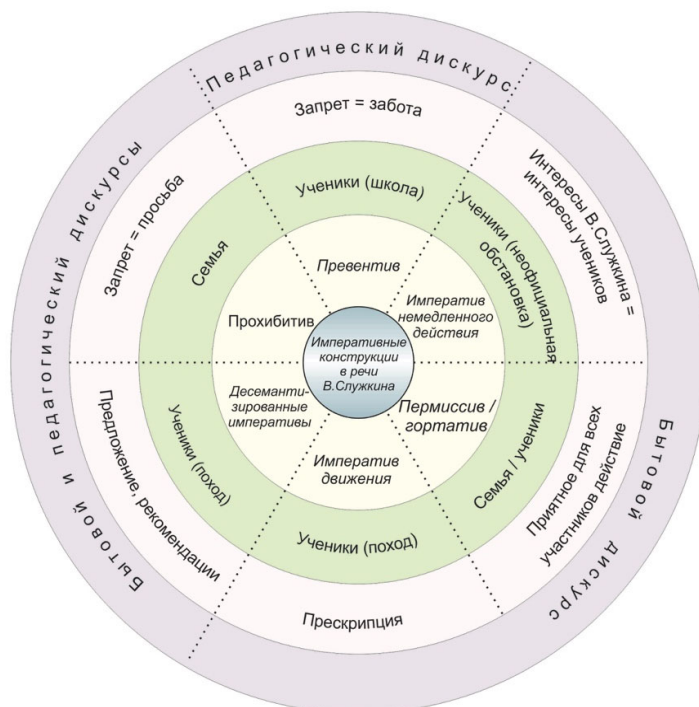

Рис. 1. Императивные высказывания в речи В. Служкина / **Fig. 1.** Imperative statements in V. Sluzhkin's speech

Заключение

Проведенный анализ показывает, что императив является одной из форм речевого воздействия, регулирующего поведение коммуникантов и вызывающего ответную речевую реакцию. Императивы в ситуации общения подчеркивают необходимость и значимость действия и наравне с другими служат средством привлечения внимания слушающего. Решение о выполнении действий принимались участниками коммуникации только тогда, когда была очевидна приоритетная позиция говорящего, т.к. именно он являлся ответственным лицом за принятие решения. Специфика взаимоотношений коммуникантов в педагогическом и бытовом дискурсах, уровень коммуникативной компетенции предполагает выбор языковых средств с учетом побудительных интенций. Широкий спектр лексико-грамматических средств в реализации феномена эффективного речевого воздействия позволяет констатировать тот факт, что речь В. Служкина смягчает основное прямое грамматическое значение императива и включают в себя компонент личностной и шире – национальной культуры.

Библиографический список

1. Шведова Н.Ю. Русская грамматика в двух томах. М.: АН СССР, 1982.
2. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
3. Осипов Ю.С. Большая российская энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2004.
4. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. no 1. С. 3—24.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки славянской культуры, 1999.
7. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
8. Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Функционально-типологические аспекты анализа императива. Л.: Ленингр. отд-ние ин-та языкознания, 1990.
9. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992.
10. Саранцацрал Ц. Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
11. Сагалова Е.С. Функционально-семантическое поле побудительности в древнеанглийском языке: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009.
12. Пазухин Р. Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма // Studia Rossica Posnaniensia. 1974. no 6. P. 85—95.
13. Виноградов В.В. Современный русский язык: Пособие для лингвистических факультетов высших учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1938.
14. Клименко А.П. Характерные черты лексической структуры текста // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы III Международной научной конференции. Мозырь: МГПУ, 2005. С. 13—14.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
16. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1999.

17. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
18. Иванов А.В. Географ глобус пропил. М.: АСТ, 2014.

References

1. Shvedova, N.Yu. (1980). *Russian grammar in two volumes*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Il'ichev, L.F. & Fedosev, P.N. (1983). *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet encyclopedia. (In Russ.).
3. Osipov, Yu.S. (2004). *Great Russian Encyclopedia*. Moscow: Great Russian Encyclopedia. (In Russ.).
4. Yartseva, V.N. (1990). *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
5. Fortein, Je. (2008). Polysemy of the imperative in the Russian language. *Questions of linguistics*, 1, 3—23. (In Russ.).
6. Vezhbitskaia, A. (1999). *Semantic universals and description of languages*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'turi. (In Russ.).
7. Bondarko, A.V. (1990). *Functional grammar theory. Temporality. Modality*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
8. Biriulin, L.A. & Khrakovskii, V.S. (1990). *Functional-typological aspects of the analysis of imperative*. Leningrad: Leningr. department of the Institute of linguistics. (In Russ.).
9. Giitom, G. (1992). *Principles of theoretical linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
10. Sarantsatsral, Ts. (1993). *Speech acts of motivation, their types and methods of expression in the Russian language* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
11. Sagalova, E.S. (2009). *Functional-semantic field of motivation in Old English* [dissertation]. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
12. Pazukhin, R. (1974). The so-called “imperative mood” and its paradigm. *Studia Rossica Posnaniensia*, 6, 85—95. (In Russ.).
13. Vinogradov, V.V. (1938). *Modern Russian language. Manual for linguistic faculties of higher educational institutions*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
14. Klimenko, A.P. (2005). Characteristic features of the lexical structure of the text. *Text in linguistic theory and in teaching methods of philological disciplines: proceedings of the III International scientific conference*. Mozyr: MGPU, Part I. pp. 13—14. (In Russ.).
15. Karaulov, Yu.N. (1987). *Russian language and linguistic personality*. Moscow. (In Russ.).
16. Karasik, V.I. (1999). Characteristics of pedagogical discourse. *Language personality: aspects of linguistics and linguodidactics: collection of scientific papers*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
17. Karasik, V.I. (2004). *Linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
18. Ivanov, A.V. (2014). *The geographer drank his globe away*. Moscow: AST. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Васильева Анна Александровна, преподаватель Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; сфера научных интересов: языковая личность, теория речевых актов, нарратология; e-mail: a.vasileva@my.mgimo.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0002-9064-8534. eLIBRARY SPIN-код: 6897-0178.

Information about the author:

Anna A. Vasileva, lecturer at the Moscow state Institute of international relations (University) Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation; Research interests: linguistic personality, theory of speech acts, narratology; e-mail: a.vasileva@my.mgimo.ru. ORCID: 0000-0002-9064-8534. eLIBRARY SPIN-код: 6897-0178.

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218
УДК 81

Научная статья / Research article

Корпусная лингвистика: теория vs методология

К.П. Чилингарян

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
chilingaryan-kp@rudn.ru

Аннотация. Проведено комплексное исследование этапов становления и развития корпусной лингвистики. Целью статьи является анализ научных подходов к вопросу научной значимости рассматриваемой лингвистической дисциплины, а также выявление комплекса понятий и критериев, составляющих фундамент данного направления. Корпусная лингвистика представляет собой одну из наиболее перспективных и быстро развивающихся областей языковых исследований. Лингвистика XIX века ставила своей целью изучение языка как такового, лингвистика XXI века видит актуальность исследования не в выявлении абсолютных лингвистических категорий и значений, но в практическом применении лингвистических знаний. Актуальность представляемой статьи определяется тем, что в лингвистических корпусах заложен огромный потенциал, который еще не в полной мере осмыслен научным сообществом, хотя бы в силу того, что текст — основной объект корпусной лингвистики — в различных формах своей реализации представляет собой одну из главных составляющих системы языка и речемыслительной деятельности современного носителя языка. Содержание и объем лингвистических корпусов различного рода позволяет получать достоверную информацию об актуальном и реальном использовании того или иного термина: корпус становится инструментом анализа функционирования этого термина как в лингвистической области (морфологии, синтаксиса и лексики), так и в теории и практике перевода, идентифицируя регистр его формального или неформального узуса. Принципиальная новизна результатов данного исследования позволяет говорить о правомерности создания корпусных словарей и корпусных грамматик нового поколения, разработанных и верифицированных по отношению к конкретному фиксированному корпусу. Одновременно обосновывается положение о том, что корпусный характер словарей и грамматик повышает их надежность, достоверность и объективность и позволяет избежать субъективности, которая нередко свойственна исследованиям, опирающимся исключительно на интуицию лингвиста. Корпус является средой для получения новых научных данных, осмысление которых представляется приоритетным для современного лингвистического описания и абсолютно необходимым в научной деятельности современного исследователя. Новизна проведенного анализа заключается в том, подтверждена целесообразность корпусных исследований как сущностное требование времени, связанное с новым качеством лингвистической реальности и отвечающее потребностям современного общества. В статье рассматриваются основные этапы становления корпусной лингвистики как научного направления, характеризуются научные представления и подходы, присущие каждому из этих этапов, представляется обзор основных понятийных положений корпусной лингвистики в рамках отечественного и зарубежного языкознания. Автор

© Чилингарян К.П., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

подробно анализирует полемику между представителями различных научных направлений и выявляет преимущества того или иного подхода, прослеживает сходства и различия между подходами к изучению корпусов на различных исторических этапах становления изучаемого научного направления. В фокусе обзора роль и место корпусных исследований языка в современной лингвистике, сопоставление аргументов pro и contra применения корпусных технологий в лингвистическом описании. Значительное внимание обращается на основные критерии классификации корпусов, предлагается краткий обзор наиболее известных в истории корпусов, а также обсуждаются перспективы их использования в различных областях современной науки о языке.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, языковой корпус, методология, репрезентативность, классификация, критерии

Финансирование. Благодарности.

Автор выражает свою признательность доц. Е.В. Зверевой за всестороннюю помощь в подготовке данной работы.

История статьи:

Дата поступления: 09.11.2020

Дата приема в печать: 08.01.2021

Для цитирования:

Чилингарян К.П. Корпусная лингвистика: теория vs методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 196—218. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218

UDK 81

Corpus Linguistics: Theory Vs Methodology

Kamo P. Chilingaryan

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

Corresponding author: chilingaryan-kp@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the stages of formation and development of corpus linguistics. The purpose of the article is to analyze various scientific approaches to the scientific significance of this linguistic discipline and identify a set of concepts and criteria that form the foundation of this field. Corpus linguistics is one of the most promising and rapidly developing areas of language research. Linguistics of the XIX century set as its goal the study of language as such, and linguistics of the XXI century sees the relevance of the research not in identifying absolute linguistic categories and meanings but in the practical application of linguistic knowledge. The relevance of the article is determined by the fact that the linguistic corpus contains a vast potential, which the scientific community has not fully comprehended since the text as the main object of corpus linguistics in various forms of its implementation is one of the central components systems of language and speech-thinking activity of a modern native speaker of any language. The content and volume of linguistic corpora of various kinds allow obtaining reliable information about the modern and real use of a particular term: the corpus becomes a tool for analyzing the functioning of this term both in the linguistic field of morphology, syntax, and vocabulary and in the theory and practice of translation, identifying the register of its formal or informal usage. The fundamental novelty of this study's results allows us to speak about the legitimacy of the creation of corpus dictionaries and corpus grammars of a new generation, developed and verified concerning a specific fixed corpus. Simultaneously, the

author substantiates the proposition that the corpus nature of dictionaries and grammars increases their reliability and objectivity and avoids the subjectivity that is often characteristic of research-based solely on the intuition of a linguist. The corpus is a medium for obtaining new scientific data, the comprehension of which seems to be a priority for modern linguistic description and necessary in the scientific activity of a modern researcher. From our point of view, this article's relevance and novelty lie in the fact that the expediency of corpus research is an essential requirement of the time, associated with a new quality of linguistic reality and meeting the needs of modern society. The article examines the main stages of the formation of corpus linguistics as a scientific field, characterizes the scientific concepts and approaches inherent in each of these stages, provides an overview of the main conceptual provisions of corpus linguistics within the framework of domestic and foreign linguistics. The author analyzes in detail the polemics between representatives of various scientific directions and reveals the advantages of one or another approach, traces the similarities and differences between approaches to the study of corpora at various historical stages of their formation. The review's focus is the role and place of corpus studies of language in modern linguistics, comparison of the pro and contra arguments of the use of corpus technologies in linguistic description. Considerable attention is paid to the main criteria for the classification of corpora, a brief overview of the most famous corpora in history is offered, and the prospects for their use in various fields of modern language science are discussed.

Keywords: corpus linguistics, language corpus, methodology, representativeness, classification, criteria

Acknowledgement:

The author expresses his sincere gratitude to PhD Ekaterina V. Zvereva for her assistance and support in the article-writing process

Article history:

Received: 09.11.2020

Accepted: 08.01.2021

For citation:

Chilingaryan, K.P. (2021). Corpus Linguistics: Theory vs Methodology. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 196—218. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218

Корпусная лингвистика по-прежнему представляет только очень предварительные руководящие принципы теории, которая может установить связь отдельных текстов с текстовым корпусом, которая может использовать то, что является общим в корпусе, для идентификации типических характеристик языка, при этом лингвист может использовать выводы о часто повторяющихся паттернах для построения теории, которая объединяет рутинное (повседневное) использование языка и творческий подход лингвистического анализа».

M. Stubbs 1996. Text and corpus analysis. Computer-assisted studies of language and culture. Massachusetts: Blackwell.¹

¹ Перевод К.П. Чилингарян.

Введение

История развития любого национального языка сопровождается меняющимися представлениями о его природе, сущности, строе, его общественной значимости и функционировании в глобальном масштабе. Такая ситуация актуальна и понятна, поскольку для эволюции научной лингвистической парадигмы в принципе свойственна смена точек зрения, подходов и аспектов изучения. Для лингвистики XIX века язык был интересен сам по себе, но для лингвистики XX и XXI веков стало актуально не столько теоретическое знание, сколько его прикладной аспект. В современной лингвистике текст, а затем и дискурс как объект исследования определил проблематику трудоемкости поиска научного материала, что потребовало оптимизации работы с языковым материалом. Как следствие, на пересечении собственно лингвистики и программирования возникло особое направление — корпусная лингвистика, приобретающая все большую популярность среди современных лингвистов. В связи со стремительным развитием информационных технологий сбор и анализ практического материала и всего многообразия текстов на различных языках получает новое звучание и требует тщательно разработанных принципов и механизмов с учетом базовых положений корпусной лингвистики. Проф. Г.П. Мельников полагает, что любое исследование, осуществляемое лингвистом, должно быть ориентировано, по меньшей мере, на следующие этапы деятельности:

1) выбор принципов и оснований («эталон») классификации изучаемых объектов;

2) процесс распределения объектов по классам в соответствии с этими основаниями («эталонами»);

3) осмысление, интерпретация, истолкование результатов распределения объектов по классам, объяснение причин такого распределения [1. С. 29].

Академик РАН В.А. Плунгян, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова, характеризует корпусную лингвистику как «стремительное» и «суперсовременное» направление [2. С. 9]. А priori корпусная лингвистика обладает большим исследовательским потенциалом, однако, как показывают работы российских и зарубежных авторов, очевидны различия в подходах к созданию и использованию корпусов в России и за рубежом.

Автору статьи представляется, что на сегодняшний день корпусную лингвистику можно назвать одним из основных ресурсов изучения языка и языковой дескрипции. Если говорить о компьютерной лингвистике, то создание корпуса следует считать фундаментом данной лингвистической дисциплины, позволяющим создать автоматизированные приложения для обработки текстов и иных языковых и речевых проявлений [3. С. 147—227].

Обсуждение

Использование корпуса для исследования языковых явлений считается эмпирической методологией работы, основанной на использовании фактических

данных, образцов языкового и речевого узуса. Совокупность данных — это то, что обычно понимается как корпус в самом широком смысле этого слова. Например, Словарь Испанской Королевской Академии, основного «языковедческого» института Испании, определяет корпус следующим образом: «наиболее протяженный и упорядоченный набор данных или совокупность технических, литературных и прочих текстов, которые могут служить основой для исследования» [4]. «Толковый словарь русского языка» (под ред. Д.Н. Ушакова) определяет **корпус** как цельный свод каких-либо текстов [5].

Применение компьютерных технологий для сбора, упорядочивания и обработки данных явилось тем успешным фактором, который придал задаче создания корпусов современный облик, превратив отдельные опыты в стройную научную методологию и дисциплину, названную корпусной лингвистикой.

Наметим некоторые вехи, которые заложили фундамент корпусной лингвистики и способствовали развитию и консолидации ее как научного направления. Так, испанская исследовательница М. Вильяяндре Льямарес [6. С. 329—349] отмечает, что до XIX века корпус в лингвистике определялся как:

- а) совокупность письменных текстов (данных);
- б) объект, изучающийся в разрезе мертвых языков (латынь, санскрит);
- с) объект, к которому лингвисты могли приблизиться только с помощью метода корпуса, поскольку не располагали возможностью сбора языковых данных посредством живых носителей.

В XIX веке и до середины XX века эта методология исследования продолжала применяться и основывалась на сборе большого количества текстов для:

- 1) объяснения процесса овладения языком детьми (транскрипция интеракции ребенка с родителями);
- 2) установления орфографических норм;
- 3) составления лексических списков для преподавания вторых языков;
- 4) осуществления компаративных исследований языков;
- 5) разработки дескриптивных грамматик.

Данные направления исследований отмечают такие авторы, как McEney [7. С. 448—463]; McEney, Wilson [8. С. 13—176]; McEney, Wilson [9. С. 103—106]; McEney, Xiao, Tono [10].

В первой половине XX века американская структурная лингвистика заложила основы корпусной лингвистики как эмпирической методологии, основанной на наблюдении за языковыми данными, хотя сам термин «корпусная лингвистика» появился значительно позже, в начале 80-х годов XX века. Исследователи того периода полагали, что корпус является единственным инструментом, подходящим для изучения языков, утверждая, что сам корпус может предоставить необходимые данные для исчерпывающей дескрипции того или иного языка. Эта новая концепция корпуса, т.н. «структурный корпус», характеризовалась следующими признаками:

- 1) совокупностью устных образцов или письменных транскрипций (данные);

2) определением цели — изучение живых языков, но тех, которые ранее не были письменно задокументированы (языки американских индейцев);

3) необходимостью, так как сбор устных речевых образцов был единственной возможностью «доступа» к этим языкам;

4) фокусированием работы на фонетических и (морфо)фонологических аспектах как тех уровнях, на которых возможно провести «инвентаризацию» всех элементов, принимая во внимание их законченную природу;

5) игнорированием фактора репрезентативности результатов: поскольку анализ данных осуществлялся визуально и вручную, то отсутствовала возможность оперировать большим количеством данных (именно поэтому данная методология подвергалась критике и признавалась необъективной) [6. С. 329—349].

Многие лингвисты, в частности Н. Хомский [11. С. 553—58; 12. С. 41; 153; 171], исповедовавший рационализм в языковых исследованиях, способствовали тому, что эмпирическая методология корпуса американских структуралистов в 1960—70-е годы уступила место иному подходу: так называемому рационализму, по Н. Хомскому, «интуиции лингвиста» [11. С. 558]. Н. Хомский критиковал корпусную лингвистику с теоретической точки зрения. Он считал, что в языковых исследованиях единственным ресурсом лингвиста является его интуиция, которая представляет собой единственный значимый критерий; синтаксис должен являться основным объектом исследования [Там же].

Различие концептов начального периода корпусной лингвистики и теорий Н. Хомского можно представить в следующей последовательности:

Корпусная лингвистика:	Н. Хомский:
1) фокусируется на фонетике и фонологии	1) фокусируется на синтаксисе
2) язык воспринимается как законченное явление	2) язык — это объект, не имеющий границ
3) корпус способен объяснить все содержащиеся в самом себе явления	3) интуиция лингвиста как единственный способ дескрипции
4) корпус является полным и совершенным	4) корпус — незавершенная совокупность

Наряду с критическим анализом теоретических идей Н. Хомского, ряд исследователей также отмечали практические проблемы в первых опытах корпусной лингвистики. Обработка данных была крайне медленной, дорогой и нередко ошибочной. Так, Д. Аберкромби называл корпусные исследования «псевдотехниками», способствующими недостоверности аналитики [13. С. 22].

Именно появление компьютерных технологий дало новый импульс этому научному направлению. Некоторые исследователи называют этот период корпусной лингвистикой нового поколения [6. С. 340]. Основными характеристиками данного периода исследования корпусов (60—70-е годы) были:

а) наличие компьютеров: только в этот период компьютеры стали обладать достаточной мощностью для анализа данных (хотя уже в конце 40-х годов Р. Бусса проводит первые эксперименты по компьютерной обработке данных корпусов, ссылаясь на Т. Макэнери) [7. С. 451];

б) репрезентативный характер данных: большинство проектов были направлены на сбор письменных текстов, анализ которых позволил бы характеризовать состояние языка в данный период.

В 50-е годы А. Жуланд, основываясь на работе Т. Макэнери [7. С. 459], установил рамочные критерии для языковых образцов:

а) репрезентативность и сбалансированность;

б) тенденция к неиспользованию образцов устной речи, объясняющаяся трудностями технического плана и сложностями транскрибирования, таким образом доминируют корпусы письменных текстов;

в) размер: миллион слов [14. С. 320—339].

Обосновывая необходимость репрезентативности корпуса, Д. Байбер отмечает, что если понятие «общий язык» представляет собой абстрактную категорию, а язык функционирует как система различных жанров и/или стилей, то референтный корпус должен включать все стили и жанры речи, а также территориальные диалекты. Говоря о социальной представленности языка, Д. Байбер утверждает, что в корпусах необходимо фиксировать диалекты, социолекты и профессиональные языки, или языки для специальных целей. Д. Байбер уточняет [15. С. 209—213], что язык должен быть представлен в историческом ракурсе, то есть включать тексты всех известных исторических эпох. Таким образом, Д. Байбер считает, что репрезентативность корпуса связана со сбалансированностью, пропорциональной представленностью жанров и стилей языка всех слоев общества, которая соответствует существующей в реальности [16. С. 243—257]. В целом репрезентативность рассматривается Д. Байбером как представленность в корпусе текстов широкого спектра функциональных стилей и жанров. В свою очередь, П. Бейкер пишет, что понятие репрезентативности тесно связано с понятием валидности или соответствием полученных данных реальному состоянию языка в данной сфере употребления [17. С. 30—35; 160—169], при этом, как полагают исследователи, полная репрезентативность в корпусах недостижима и невозможна. Как отмечает Е.А. Красина, словесный образ, сложные образные структуры управляются глубинными ассоциативными связями, которые обнаруживаются на различных уровнях динамической структуры художественного текста [18. С. 858].

Напомним, что первые значимые корпуса появились на базе английского языка в 1960-е годы. В 1959 г. в Великобритании Р. Кирк (University College, London, GB) заложил теоретическую основу для создания ‘Survey of English Usage Corpus’ (SEU), первого европейского проекта корпуса, созданного для дескрипции и анализа языка. Корпус состоял из 200 текстов по 5000 слов, а сбор материала начался в 1961 г. и представлял собой попытку систематизированного описания британского варианта английского языка 1955—1985 гг. на основе транскрипций записей устных высказываний и письменных

текстов. Данный проект наметил основные нормы и процедуры будущей корпусной лингвистики.

В 1963 г. в США У.Н. Френсис и Г. Кучера создали первый корпус текстов на электронном носителе ‘Brown University Corpus of American English’ (‘Brown Corpus’). В него вошли 500 текстов (по 2 000 слов в каждом) пяти самых популярных жанров англоязычной прозы США. Тексты были отобраны из различных публикаций 1961 г. К корпусу прилагались указатель частотности и алфавитно-частотный указатель, а также некоторые статистические распределения. Целью корпуса, помимо описания американского варианта английского языка на примере письменных текстов, было определение стандарта для развития компаративных исследований, основывающихся не только на подобных «корпусах» текстов английского языка. Компьютерный анализ данного корпуса выявил такие известные сегодня закономерности, как, например: наиболее частотными словами являются те, которые не несут смысловой нагрузки, такие как ‘the’, ‘of’; или большинство слов, имеющих определенное лексическое значение, появляются в корпусе лишь единожды и др. Помимо «лексико-статистического» вклада данный проект послужил базой для создания первого словаря, основанного на корпусе: *American Heritage Dictionary* (1969). Также упомянем ‘Lancaster-Oslo/Bergen Corpus’ (LOB), корпус, созданный при участии Дж. Лича (университет Ланкастера, Великобритания), С. Йохансона (Университет Осло, Норвегия) и ‘Norwegian Computing Centre for the Humanities’ (Берген). Корпус состоял из миллиона слов, представляющих образцы британской английской письменной речи 1961 г. Корпус был составлен согласно критериям Брауновского корпуса и представлял собой его британский эквивалент.

В 1975 г. Й. Свартвик [19. С. 7] (Университет Линда, Швеция) начал работу по созданию информационной базы для классификации устных образцов, не транскрибированных в ‘Survey of English Usage Corpus’ (SEU), проект получил название ‘Survey of Spoken English’ (SSE), и в результате был создан London-Lund Corpus of Spoken English (LLC), состоящий из 500 тыс. слов британского варианта английского языка в разговорном регистре, записанных в период 1953—1987 гг. Записи транскрибируются орфографически и дополняются информацией о просодии и паралингвистическими характеристиками. Подобный проект до сих пор не был повторён. Все корпуса этого периода имели структурированный и репрезентативный формат, которого нередко не хватает современным корпусам.

Корпусная лингвистика как самостоятельная дисциплина окончательно оформилась в 90-х гг. XX века. Именно в этот период электронные корпуса превращаются в обязательный ресурс исследования языка, создания лингвистических гипотез и построения систем обработки данных естественного языка. На «возрождение» корпусной лингвистики (КЛ), по нашему мнению, оказали большое влияние ряд ученых, среди которых хотелось бы отметить Дж. Лича [20. С. 105—122], который начал полемику с критикой теоретического и практического толка идей Н. Хомского и Д. Аберкромби (см. выше).

Если в 1960-е годы XX столетия данная критика была отчасти объективной, то сейчас, по словам Дж. Лича, благодаря эволюции компьютерных технологий, в защиту создания корпусов приводятся следующие основные аргументы:

1) корпус является научной методологией и поэтому имеет безусловное преимущество по сравнению с интуицией, так как может быть контролируемым и не учитывать образцов, изобретенных лингвистами, заинтересованными в прогнозируемом результате. К тому же в области количественных данных, таких, как, например, частотность, интуиция является неприемлемым инструментом — наша перцепция частотности абсолютна субъективна;

2) грамматический характер текстов корпуса, в связи с чем корпус отражает языковую компетенцию (при этом Н. Хомский заявлял, что поскольку корпуса являются образцами речевых проявлений, образцами использования языка, то они не отражают языковую компетенцию. Однако работа В. Лабова [21. С. 1—44] доказали высокий процент грамматических последовательностей в корпусе);

3) значимость количественных данных: корпуса представляют собой ни с чем не сравнимый источник получения этого рода данных;

4) если структура корпуса является научно выверенной, то данные, относящиеся к частотности узуса, будут репрезентативными для всего языка в его целостности;

5) использование компьютера опровергает утверждение об использовании «псевдонаучных» техник;

6) компьютерная обработка значительных массивов информации при низкой стоимости, высокой скорости позволяет избежать субъективных человеческих ошибок [21. С. 105—122].

Российские ученые, например, один из руководителей проекта создания «Национального корпуса русского языка» акад. В.Н. Плунгян, поддерживают концепцию лингвистической значимости корпуса: «корпус необходим исследователям, занимающимся систематизацией фактов об анализируемом языке, а также в академических целях, поскольку таким образом процесс освоения языковых компетенций происходит быстрее» [2. С. 11]. Над национальным корпусом русского языка работали и продолжают работать такие ученые, как Г.И. Кустовая, А.Е. Поляков и Д.В. Сичинава и мн. другие. Из советских, ныне российских ученых, работающих в области корпусной лингвистики, можно также отметить труды Е.А. Красиной и М.Л. Новиковой [18, 22], В.Н. Денисенко и Н.В. Перфильевой [23].

Термин «корпусная лингвистика» прочно входит в научный обиход после 1984 г., когда Дж. Аартс и В. Мейкс опубликовали работу ‘Corpus Linguistics In Recent Developments in the Use of Computer Corpora’ [24]. С этого момента термин начинает использоваться в своем современном значении. На наш взгляд, становлению этого научного направления способствовали следующие факторы:

1) расцвет прикладной лингвистики в целом и компьютерной лингвистики в частности, что сделало очевидным необходимость сбора и изучения данных

использования языковых средств в речевой деятельности как носителями, так и не носителями языка. Эта необходимость объясняется тем, что, с одной стороны, корпуса отражают вариативность языка, с другой — могут фиксировать новые структуры или те конструкции, которые не соответствуют теоретическим дескрипциям. К тому же в ситуациях с не носителями языка корпуса являются подлинным образцом возможных применений языка в речи;

2) эклектичность и неоднозначность понятия и его применения: использование корпуса в современном понимании понятия не противоречит аналитическому мнению лингвиста; сам по себе ни корпус (позиция американских структуралистов), ни интуиция идеального говорящего (слушателя) (по Н. Хомскому) не являются самодостаточными для объяснения лингвистических феноменов. В настоящее время признан тот факт, что изучение корпуса как набора текстов невозможно без интуиции и способности к интерпретации ученого аналитика, который использует свои знания языка (как носитель или компетентный не носитель языка), а также без владения им знаниями относительно языковой структуры (как лингвиста);

3) значительная доступность электронных корпусов благодаря Интернету;

4) развитие новых технологий информатизации текстов, таких, как оптическое распознавание знаков, автоматический диктант и т.д.;

5) значимость количественных данных в изучении определенных языковых аспектов;

6) необходимость создания более обширных глоссариев и словарей для поддержки компьютерных систем, которые способны работать с текстом любого рода, с субязыками, жаргонами и разновидностями языка для специальных целей (тем) (например, медицинские или юридические тексты) [25; 26. С. 71—79].

К этому периоду 1990-х гг. относится и создание научного понятийного аппарата. Дж. Синклер определяет корпус как набор текстов на естественном языке, выбранных для характеристики разнообразия языков [27. С. 171]. Приведенная дефиниция подчеркивает основной критерий для создания корпуса: естественный, то есть первозданный необработанный текст в устной или письменной форме, естественное речевое проявление языковой формы. Позже понятие «корпус» получает расширение. М. Стаббс считает, что корпус — это собрание текстов, предназначенное для какой-то цели, обычно для исследований или обучения. Корпус — это не то, что делает или знает говорящий, но что-либо, выстроенное исследователем. Это регистрация совокупной деятельности значительного количества пользователей языка, структурированная под цели изучения и создаваемая для выявления характеристик наиболее типичного использования языка [28. С. 239—240]. М. Стаббс полагал, что компьютерное исследование обширных корпусов может показать путь выхода из парадоксов дуализма языка. Ряд исследователей вели дискуссии о том, следует ли считать корпусную лингвистику теорией или исключительно методологией [8. С. 25; 26]. Так, Р. Симпсон и Дж. Свалес называют корпусную лингвистику техникой или технологией создания и анализа

корпуса [30. С. 1—14]. Большинство исследователей приходят к выводу, что рассматриваемая нами дисциплина языковедения представляет собой реализацию эмпирического подхода к наблюдаемым данным, сохраняемым в виде электронных корпусов, своего рода методологический инструмент для изучения языков, предоставляющий инновационные возможности для дескрипции, анализа и преподавания языков. Также корпусная лингвистика является эмпирическим фундаментом для создания учебных и методических материалов, таких как грамматики, словари и т. п. как на основании дискурсов общего плана, так и специализированных, имеющих устную или письменную фиксацию. Так, чилийский ученый Г. Пароди [31. С. 95] полагает, что корпусная лингвистика — это совокупность методологических принципов для изучения любой лингвистической области, обслуживающая цели исследования языка в его узусе исходя из материала лингвистических корпусов и опираясь на компьютерные технологии и программы *ad hoc*. Поэтому нельзя трактовать корпусную лингвистику как сферу лингвистики, подобную фонологии, семантике, синтаксису, но как метод исследования, применимый во всех дисциплинах лингвистики, на всех уровнях языка и с точки зрения различных теоретических подходов. Приведем еще ряд определений корпусной лингвистики как «области лингвистики, специализирующейся на получении результатов от изучения корпусов» [32. С. 61—90]; «изучения языка на базисе текстового корпуса» [33. С. 1]; «использования обширной коллекции доступных текстов в обработанном компьютере виде» [19. С. 7]; «набора текстов, которые, как предполагается, являются репрезентативными для данного языка, диалекта или другого говора языка, который будет использоваться для лингвистического анализа» [34. С. 17]; «набора выбранных и упорядоченных фрагментов языка в соответствии с явными лингвистическими критериями для использования в качестве образца языка» [35. С. 14]; «набора машиночитаемых текстов конечного размера, отобранный для максимальной репрезентативности рассматриваемого языкового разнообразия» [35 С. 14; 8. С. 24]; как то: «корпус — это образец языка, который выстраивается на основании селекции текстов, сделанной согласно детерминированным критериям и цели исследования» [36. С. 151]. При этом «термин „корпус“» должен правильно применяться только к хорошо организованному сбору данных, собранных в рамках структуры выборки, предназначенной для изучения определенной лингвистической характеристики (или набора характеристик) через собранные данные» [7. С. 449]; «корпус — это совокупность текстов естественного языка, собранных в однородном электронном формате, отобранных и упорядоченных в соответствии с эксплицитными критериями, служащая в качестве модели современного или диахронного состояния или уровня определенного языка для научного исследования или прикладной деятельности, связанной с лингвистическим анализом» [37. С. 45—46]; «термин „корпус“», используемый в современной лингвистике, лучше всего можно определить как набор отобранных текстов, письменных или устных, в машиночитаемой форме, которые

могут быть аннотированы различными формами лингвистической информации» [10. С. 4].

Что касается узуальности языка, то, по мнению Е.А. Красиной [22], при большей развернутости латинизма (высказывание-цитата), он обрастает узуальными смыслами. И наоборот, при десемантизированном содержании латинизма он тяготеет к знакам-индексам и выполняет функции текстовых скреп и дискурсивных маркеров.

Если говорить об ученых, представляющих отечественное языкознание, то здесь мы тоже видим ряд непротиворечащих друг другу определений понятия «корпус». Так, В.П. Захаров считает, что корпус — это большой, представленный в электронном виде, структурированный и размеченный, филологически представительный массив языковых данных, предназначенных для решения определенных лингвистических задач [38. С. 3]. Н.В. Козлова определяет корпус как собрание текстов одного или нескольких языков, связанных между собой определенными параметрами, как собрание письменных и устных высказываний. При этом составные части корпуса, тексты, состоят из данных, а также, возможно, из метаданных, описывающих эти данные, и из лингвистических аннотаций, которые эти данные упорядочивают [39. С. 80].

Итак, обобщив различные определения, можно выделить некоторые общие критерии:

а) тексты должны содержаться на электронном носителе или в сети Интернет;

б) размер корпусов должен прогрессивно наращиваться, достигая 100 миллионов слов, хотя для специальных целей могут создаваться корпусы и меньших размеров (отметим, что ранее существовала точка зрения, что чем больше корпус, тем больше возможностей у исследователя отразить реальное функционирование языка во всей его вариативности, в настоящее время в приоритете исследователей конкретная направленность корпуса (корпус языка Сервантеса и т.д.);

в) открытый характер: корпус постоянно актуализируется, т.н. корпус монитор;

г) аутентичность данных: тексты должны быть реальными образцами использования языка, являющегося объектом исследования;

д) критерии отбора: тексты должны выбираться не произвольно, а в соответствии с лингвистическими и/или экстралингвистическими задачами, которые корпус преследует. Именно это является основным критерием, отличающим корпус от прочих собраний текстов, таких как архивы или электронные библиотеки;

е) репрезентативность: селекция текстов должна отвечать статистическим параметрам, которые будут гарантировать, что текст представляет ту разновидность языка, которая является объектом исследования (репрезентативный образец). Эта разновидность языка может относиться к произведению определенного автора, к определенному историческому периоду, жанру и т. д.;

ж) коммерческая направленность: корпусы не являются достоянием и прерогативой исключительно исследовательских центров, многие проекты могут реализовываться в рамках деятельности коммерческих структур, таких как издательские концерны;

з) расширение репертуара языков, для которых создаются корпусы, а также создание мультилингвальных корпусов;

и) расширение ареала исследования различных языковых аспектов — от грамматических до дискурсивных, при этом широко должны учитываться исторические, психолингвистические и культурологические факторы;

к) представленные языковые данные должны иметь определенную разметку для лингвистического анализа (под разметкой В.П. Захаров понимает приписывание текстам и их компонентам специальных меток: внешних, экстралингвистических, структурных и собственно лингвистических, описывающих лексические, грамматические и прочие характеристики элементов текста [38. С. 6];

л) проведенный анализ предполагает возможность классификации полученного материала с учетом тематики текста, степени специализированности, жанровой характеристики и др.

Очевидно, что одним из важнейших критериев является доступность корпуса в электронном виде. Вторым важным моментом выступает, безусловно, его репрезентативность. Как считает А.Е. Кибрик, репрезентативность можно оценить «по изменению относительной частоты рассматриваемого явления при увеличении выборки. Если относительная частота явления от прибавления каждого последующего фрагмента текста будет изменяться все меньше и меньше, то это означает, что корпус в целом репрезентативен» [40. С. 21]. Мы полагаем, что репрезентативность корпуса является тем обязательным условием, которое позволяет придать набору различных текстов статус корпуса текстов, позволяющего осуществить лингвистический анализ. Вместе с тем вопрос о безусловной репрезентативности того или иного корпуса следует признать до сих пор открытым, поскольку языковая деятельность человеческого общества характеризуется чрезвычайным разнообразием, что затрудняет возможность объективного отражения в корпусе всех языковых вариантов, национально-культурных вариантов языка. Это, на наш взгляд, объясняет некоторую субъективность результатов анализа корпусов текстов.

Обратимся к примерам наиболее известных и значимых корпусов на сегодняшний день:

1. ‘The Bank of English’ — более 524 миллионов слов, образцы речевых употреблений в устной и письменной форме из различных национальных вариантов английского языка: британский, американский, канадский и австралийский). Тексты размечены согласно грамматическим категориям, более 200 миллионов слов были проанализированы с точки зрения синтаксиса. Важной характеристикой является непрерывная актуализация корпуса. В настоящее время проект носит название Project COBUILD и реализуется на базе Университета Бирмингема под руководством уже упоминаемого нами Дж. Синклера

в сотрудничестве с издательством Collins COBUILD. Корпус был инициирован в 1991 г., но с 1980 г. COBUILD уже собирал электронные тексты для своих словарей. Все данные находятся в открытом доступе на странице ‘Collins Word Web’, база данных составляет более двух с половиной миллиардов слов, к которым каждый месяц добавляется 35 миллионов. Это самый обширный ресурс подобного типа в мире.

Еще один важный корпусный ресурс для английского языка — это «British National Corpus» (BNC), насчитывающий 300 миллионов слов современного британского английского языка в письменной и устной форме. Проект реализуется под эгидой научно-промышленного консорциума во главе с Оксфордским издательством Oxford University Press вместе с другими издательствами, специализирующимися на словарях, Университетом Ланкастера, Оксфордским университетом и Британской библиотекой. Создание корпуса велось в 1991—1994 гг., это пример корпуса закрытого характера, целью которого являются исследования в области британского варианта английского языка конца 20 века для разработки справочных материалов (состоит из 90% письменных текстов и 10% устных текстов).

2. ‘Corpus de Referencia del Español Contemporáneo’ (CREA), банк данных современного испанского языка (с 1975 г. по настоящее время), разработанный Испанской Королевской Академией (la Real Academia Española). Насчитывает более 200 миллионов слов. 90% образцов составляют письменные тексты, остальное — устные. При отборе образцов корпус учитывает географические, тематические, хронологические критерии, а также источник, откуда текст был получен. Банк данных считается корпусом-монитором — периодически добавляются новые тексты с целью повышения репрезентативности корпуса. Это самый значимый корпус испанского языка, служащий как для академических исследований, так и для создания коммерческих продуктов.

3. ‘Corpus Diacrónico del Español’ (CORDE), банк данных испанского языка в диахроническом аспекте, собрание текстов начиная с периода образования испанского языка до 1975 г. Этот корпус является историческим дополнением CREA, насчитывая в совокупности более полумиллиона слов.

Важным аспектом в теории изучения лингвистических корпусов можно считать также их различные типы. Н.В. Козлова считает, что все существующее множество корпусов текстов можно разделить на три категории: 1) находящиеся в свободном доступе; 2) находящиеся в частичном доступе и 3) коммерческие [39. С. 76—89]. Дж. Синклер [35] и Дж. Торруэлла и Дж. Листеры [41. С. 45—77] разработали параметры классификации текстов (отметим, что на практике эта типология не всегда оказывается эксплицитной):

- 1) разновидность языка;
- 2) количество языков, к которым относятся тексты;
- 3) границы корпуса (корпус, чья цель — описание подъязыка (юридический, язык информатики и т. д.) может иметь ограниченный размер);
- 4) общий или специализированный характер текстов;
- 5) временной срез, который тексты охватывают;

б) способы анализа и обработки данных, применяемые к корпусу.

В большинстве случаев эти критерии определяются целью, для которой предназначен корпус: исследование авторских произведений (например, поэмы Г. Додохяна) или литературные произведения определенного исторического периода, описание национального языка в целом (современный армянский язык) или определенная разновидность языка, территориальный диалект, язык для специальных целей, или конкретный лингвистический аспект (напр., культурная норма Еревана, медицинские тексты, тексты рекламы и т.д.), получение определенного коммерческого продукта (например, туристический разговорник).

Поскольку разнообразие существующих корпусов «определяется многообразием исследовательских и прикладных задач, для решения которых они создаются» [38. С. 12], важным аспектом понятийного аппарата корпусной лингвистики является вопрос о типологии корпусов.

По критерию формы языка можно выделить следующие типы корпуса — письменные, устные и смешанные. Большинство из существующих корпусов относятся к письменным, например, Корпус испанского языка (исторический) [URL: <https://www.corpusdelespanol.org>; дата обращения: 02.11.2020]; создан в Иллинойском университете (США) и содержит 100 миллионов слов, включая письменные тексты XIII—XX вв.), либо смешанным, при этом предпочтении отдается письменным образцам как в уже упомянутом нами корпусе CREA.

Под устным корпусом подразумевается структурированная совокупность речевых фрагментов, которая обеспечена программными средствами доступа к ним [42. С. 81—84]. В устных корпусах образцы речи представляют собой либо орфографические транскрипции аудиозаписей, либо непосредственно являются аудиозаписями, сопровождающимися орфографическими и/или фонетическими транскрипциями. В качестве примера приведем Корпус армянского языка, который состоит из 20 рассказов и 20 пересказов десяти носителей армянского языка. Записи производились в Ереване в 2004—2005 гг. Все информанты являются ереванцами, возраст информантов на момент записи — от 17 до 25 лет. Общая длительность звучания — около 42 минут; объем корпуса — около 4,5 тысяч словоупотреблений. Для корпуса выполнена модифицированная минимальная транскрипция, включающая в себя армянскую графику, латинизированную запись, поморфемную нотацию, глоссирование [URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>; дата обращения: 01.11.2020] и русский перевод. Подобные корпуса записываются при соблюдении строгих условий и обычно состоят из отдельных фрагментов, имея ограниченный объем, позволяющий не использовать большое количество информантов. Целью создания таких корпусов в большинстве случаев является не столько анализ фонетических и просодических характеристик, сколько социолингвистический анализ или дискурсивный анализ (например, проект PRESEA для испанского языка Испании и Латинской Америки). PRESEEA — это реализуемый с начала нового тысячелетия проект по созданию корпуса разговорного испанского языка, представляющего

испаноязычный мир в его географическом и социальном разнообразии. Эти материалы собираются с учетом социолингвистического разнообразия испаноязычных сообществ. PRESEEA объединяет около 40 групп социолингвистических исследований и проводится под эгидой Испанской Королевской Академии [43].

Следующим критерием для классификации корпусов является количество используемых в них языков: одноязычные, двуязычные и многоязычные. В зависимости от специфики текстов среди одноязычных корпусов можно выделить две разновидности:

1) корпусы, охватывающие весь язык, т.н. общий корпус, предназначенный для отражения языкового или лингвистического разнообразия максимально сбалансированным образом: чем больше типов текстов, их разновидностей (устные и письменные), жанров и тематики, тем более качественным признается корпус;

2) корпусы, охватывающие только язык для специальных целей. Корпусы для специальных целей чаще всего соотносятся с определенным типом дискурса и способны учитывать различные лингвокультурологические феномены в процессе коммуникации. Критерием репрезентативности в данном случае является максимально возможное объективное представление какого-либо явления, определенное создателями данного корпуса. Так, например, корпус англоязычных пословиц, отражающий использование в речи носителей языка определенного периода времени и географического региона, не будет релевантным при изучении английской политической метафоры [44. С. 126].

Специализированные корпусы собирают тексты, которые могут предоставить данные для описания определенного типа языка («подъязыка»). Например, корпус, который «собирает» только поэтические или юридические тексты. В качестве примера приведем ‘Corpus textual especializado plurilingüe’ (Многоязычный специализированный текстовый корпус), разработанный испанским Институтом прикладной лингвистики Университета Помпеу Фабра в 1993 г. Он состоит из текстов на каталонском, испанском, английском, французском и немецком языках и охватывает такую тематику, как экономика, право, окружающая среда, медицина и информатика. Корпус создан с целью изучения особенностей функционирования языка в каждой из конкретных областей и выборки материала для последующего создания специализированных словарей, тезаурусов и т.д.

Двуязычные и многоязычные корпусы могут состоять из текстов, которые не обязательно являются переводными вариантами друг друга и не были выбраны для корпуса согласно унифицированным критериям, то есть тексты могут быть представлены соизмеримо или параллельно. Когда корпус состоит из выборки текстов на более чем одном языке, схожих по своим характеристикам и общим принципам отбора, можно говорить о «сопоставимом корпусе» или «парных текстах». Они используются в основном для сравнения языковых разновидностей в сравнительных исследованиях. Самым известным из них является ‘The International Corpus of English’ (ICE), с 1990 года

фиксирующий письменные и устные материалы из различных разновидностей английского языка в период после 1989 года. В настоящее время к проекту подключены 19 стран, в которых английский язык имеет статус официального. Каждый корпус состоит из миллиона слов, и все они имеют одинаковую структуру и перечень аннотаций. В 1992 г. была создана Европейская корпусная инициатива European Corpus Initiative (ECI) — международная организация, занимающаяся созданием обширного многоязычного корпуса для научных целей. В данном соизмеримом корпусе содержатся в основном тексты на европейских языках, а также тексты на таких языках, как турецкий, китайский, японский и др., общим объемом более 98 млн слов.

Когда корпус содержит тексты на нескольких языках, но, в отличие от сопоставимого корпуса, это одни и те же тексты и их переводы или эквиваленты на одном или нескольких языках, используется термин *параллельный корпус* или *bitexts*. Подобные корпуса особенно полезны при изучении переводческих практик и технологий, для сопоставительного анализа текстов «оригинал — перевод» в целях обучения методам и приемам перевода, а также в двуязычной или многоязычной среде таких международных организаций, как ООН, НАТО, или в таких практически билингвальных государствах, как США или Канада. В качестве примера можно обратиться к «Параллельному корпусу CLUVI» Университета Виго или European Parliament Proceedings Parallel Corpus 1996—2011, где представлены параллельные тексты заседания Европейского парламента на всех европейских языках с переводом на английский.

В зависимости от периода времени, охватываемого текстами, корпуса подразделяются на:

А) диахронический, или исторический корпус: включает тексты разных временных срезов, позволяющие анализировать эволюцию языка в течение длительного периода и исследовать историческое развитие какого-либо языкового явления, либо всей языковой системы в целом, что отличает их от корпуса — монитора, который не охватывает такие длительные периоды времени (упоминаемый нами корпус CORDE);

Б) синхронный корпус: представление текстового материала для рассмотрения состояния языка как системы в определенный момент времени (Британский национальный корпус).

Также существует возможность классифицировать корпус согласно существующей в них разметке, а именно как неразмеченные и размеченные. Неразмеченный корпус — это массив текстов, которые содержат определенное количество упоминаний искомого элемента. При этом результаты поиска, предоставляемые в неразмеченных корпусах, могут быть использованы в лингвистических исследованиях, но только с чисто статистической точки зрения. Размеченные с точки зрения морфологических, синтаксических, просодических и иных характеристик корпуса предоставляют намного больше возможностей для проведения лингвистического анализа.

Безусловно, данный список перечисленных возможных типологических критериев не является ни закрытым, ни претендует на строгие границы разграничения типов корпуса.

Заключение

Таким образом, корпус, являющийся отражением языка, представляет собой, равно как и сам язык, динамически развивающаяся система, предполагает все новые критерии и подходы к описанию и анализу языкового материала и разработку новых методологических процедур. Корпус может предоставить подробную информацию о конкретном языке, но невозможно собрать корпус, охватывающий весь язык, т. к. невозможно собрать все образцы использования этого языка, поэтому всегда следует исходить из того, что корпус — это всего лишь некоторое конечное собрание образцов бесконечной вселенной языка.

Можно сделать вывод о том, что корпус — это представленный в электронном виде, как правило, размеченный для анализа в лингвистических целях, обеспеченный сравнительно простой в использовании поисковой системой репрезентативный массив неотредактированных текстов, репрезентирующих максимальное множество вариантов языка. Если в период зарождения корпусной лингвистики исследователи указывали, что можно пренебречь языковой вариативностью, то с появлением электронных корпусов многообразие форм существования языка стало более наглядным и возможности исследования языковых данных расширились. Обширная типология корпусов, созданных с учетом различных критериев, и их многообразие позволяет и лингвисту, и непрофессиональному пользователю выбрать тот, который соответствует целям и задачам определенного и конкретного научного исследования.

В настоящее время корпус является уникальным ресурсом для любого лингвистического исследования в целом и компьютерной лингвистики в частности. Его основные преимущества заключаются в том, что он состоит из реальных образцов языка, обеспечивает объективность полученных результатов и выводов, а также дает возможность достаточно просто верифицировать достоверность той или иной теории, ее достоинства и недостатки. Благодаря внедрению компьютеров с постоянно увеличивающейся емкостью хранения и скоростью обработки данных доступ к языковым и речевым образцам стал быстрым и надежным, как и извлечение данных, их обработка и анализ. С другой стороны, корпус позволяет получать статистические и количественные данные, которые, в ином случае, были бы недоступны ввиду высокой стоимости или невозможны ввиду недостоверности результатов, полученных при обработке информации «ручным способом» с учетом значительных размеров отдельных корпусов. Благодаря разработке методологии и методов корпусной лингвистики исследователям и любым другим пользователям доступны дескриптивные исследования языков, поддерживаемые корпусом на любом из лингвистических уровней: это фонетико-фонологический, грам-

матический, семантический, прагматический и др. Исключительная значимость применения корпусов в качестве источника данных обнаруживается в процессе обучения родному и иностранным языкам или разработки дидактических материалов, словарей, грамматик, прочих продуктов, связанных с машинным переводом или речевыми технологиями и проч.

Изучив некоторые условия «бэкграунда» корпусной лингвистики, а также современное состояние этой научной дисциплины, проанализировав имеющиеся на сегодняшний день данные, как и продолжающиеся создаваться и пополняться корпусы, можно сделать вывод о том, что эволюция, динамика этого перспективного научного направления актуальна для лингвистической теории и практики, и, по словам Г. Пароди, достигает точки кипения, однако механизмы компьютерной лингвистики переживают процесс постоянных изменений и корректировок, позволяя существенно обогатить и сделать более комплексными и достоверными результаты лингвистических исследований.

Библиографический список

1. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003.
2. Плузган В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2(16). С. 7—20.
3. Moure T., Llisterri, J. Lenguaje y nuevas tecnologías: el campo de la lingüística computacional” // M. Fernández Pérez (coord.) Avances en Lingüística aplicada. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, Servicio de Publicacións e Intercambio Científico, 1996. P. 147—227.
4. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. Madrid: Espasa, 2001. Режим доступа: <https://dle.rae.es/corpus> (дата обращения: 10.11.2020).
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ushakov/corpus> (дата обращения: 29.10.2020).
6. Villayandre Llamazares M. Lingüística con corpus // Estudios humanísticos. Filología. 2008. № 30. P. 329—349.
7. McEney T. Corpus Linguistics // The Oxford Handbook of Computational Linguistics / R. Mitkov (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 448—463.
8. McEney T., Wilson, A. Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1996.
9. McEney T., Wilson A. Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
10. McEney T., Xiao R., Tono Y. Corpus-Based Language Studies. An advanced resource book. London—New York: Routledge, 2006. Режим доступа: <https://www.lancaster.ac.uk/fass/projects/corpus/ZJU/xCBLS/chapters/B03.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).
11. Chomsky N. Quine’s empirical assumptions // Words and objections. Essay on the Work of W.V Quine / D. Davidson & J. Hintikka (eds.). Dordrecht: D. Reidel, 1969. P. 53—68.
12. Chomsky N. Language and mind. Cambridge, 2006.
13. Abercrombie D. Studies in Phonetics and Linguistics, London: Oxford University Press, 1965. Режим доступа: <http://www.davidcrystal.com/Files/BooksAndArticles/-4896.pdf> (дата обращения: 06.11.2020).
14. Juilland A.G., Brodin D.R., Davidovitch C. Frequency dictionary of French words. Hague—Paris: Mouton, 1970.
15. Biber D., Conrad S., Reppen R. Corpus linguistics: Investigating language structure and use. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
16. Biber D. Representativeness in corpus design // Literary and Linguistic computing. 1993. Vol. 8(4). P. 243—257.

17. *Baker P., Hardie A., McEnergy T.* Glossary of Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
18. *Красина Е.А., Новикова М.Л.* Феномен языка в парадигмах функциональной семантики и лингвосомиотики (V Новиковские чтения. Москва, 18—19 апреля 2019 г.) // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 3. С. 856—864. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-856-864.
19. *Svartvik J.* Corpus linguistics comes of age // *Directions in Corpus Linguistics. Proceedings of Nobel Symposium 82 (Stockholm, 4—8 August, 1991)* / J. Svartvik (ed.). Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 1992. P. 7—13.
20. *Leech G.* Corpora and theories of linguistic performance // *Directions in Corpus Linguistics. Proceedings of Nobel Symposium 82 (Stockholm, 4—8 August, 1991)* / J. Svartvik (ed.). Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 1992. P. 105—122.
21. *Labov W.* The logic of non-standard English // *Georgetown Monographs on Language and Linguistics*. 1969. № 22.
22. *Красина Е.А., Перфильева Н.В.* Семантические параметры квантитативных единиц в разноструктурных языках // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 1(54). С. 126—136. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-1-126-136.
23. *Денисенко В.Н., Красина Е.А., Перфильева Н.В.* Принцип двойного означивания в языке и слове // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 3(48). С. 103—108.
24. *Aarts J., Meij, W.* (eds.) *Corpus Linguistics*. Amsterdam: Rodopi, 1984.
25. *Manual for the Corpus of Early English Correspondence Sampler CEECS* / Nurmi A. (ed.). Helsinki, 1998.
26. *Taavitsainen I., Pahta P.* Corpus of Early English Medical Writing // *Computers in English Linguistics*. 1997. № 21. P. 71—79.
27. *Sinclair J.* *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford, 1991.
28. *Stubbs M.* *Words and phrases: corpus studies of lexical semantics*. Oxford: Blackwell, 2001.
29. *Stubbs M.* Corpus analysis: the state of the art and three types of unanswered question // *System and corpus: Exploring connections* / Hunston S., Thompson G. (eds.). Londres: Equinox, 2006. P. 15—36.
30. *Simpson R., Swales J.* Introduction to North American perspective on corpus linguistics at the millennium // *Corpus linguistics in North America. Selections from the 1999 Symposium*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2001. P. 1—14.
31. *Parodi G.* Lingüística de Corpus: Una introducción al ámbito // *Revista de Lingüística Teórica y Aplicada*. 2008. № 46(1). P. 93—119.
32. *Abaitua J.* Tratamiento de corpora bilingües // *Tratamiento del lenguaje natural: tecnología de la lengua oral y escrita* / M.A. Martí, J. Llisterri (eds.). Soria—Barcelona: Fundación Duques de Soria/Edicions de la Universitat de Barcelona, 2002. P. 61—90.
33. *Aijmer K., Altenberg B.* (eds.) *English Corpus Linguistics. Studies in Honour of Jan Svartvik*. London: Longman, 1991.
34. *Francis W.N.* Language Corpora B.C. // *Directions in Linguistics: Proceedings of Nobel Symposium 82 (Stockholm, 4—8 August, 1991)* / J. Svartvik (ed.). Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 1992. P. 17—32.
35. *Sinclair J.* EAGLES Preliminary recommendations on Corpus Typology, 1996. Режим доступа: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/corpusTyp/corpusTyp.html> (дата обращения: 10.11.2020).
36. *Martí A.M^a., I. Castellón Masalles* *Lingüística computacional*. Barcelona: Edicions Universitat de Barcelona, 2000.
37. *Santalla del Río, M.ª P.* La elaboración de corpus lingüísticos // *Nuevas tecnologías en Lingüística, Traducción y Enseñanza de lenguas* / Cal M., Núñez P., Palacios I.M. (eds.). Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, Servizo de Publicacións e Intercambio Científico, 2005. P. 45—63.
38. *Захаров В.П.* *Корпусная лингвистика*. СПб., 2005.

39. Козлова Н.В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и коммуникация. 2013. № 11(1). С. 76—89.
40. Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. Вып. 1. С. 16—45.
41. Torruella J., Llisterri J. Diseño de corpus textuales y orales // Filología e informática. Nuevas tecnologías en los estudios filológicos / J.M. Bleuca, G. Clavería, C. Sánchez, J. Torruella (eds.). Barcelona: Milenio Universidad Autónoma de Barcelona, Dpto. de Filología Española, 1999. P. 45—77.
42. Кривнова О.Ф. Области применения речевых корпусов и опыт их разработки // Сборник трудов XVIII Сессии Российского акустического общества РАО. Таганрог, 2006. С. 81—84.
43. PRESEEA. Corpus del Proyecto para el estudio sociolingüístico del español de España y de América. Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá, 2014. Режим доступа: <http://preseea.lenguas.net> (дата обращения: 01.11.2020).
44. Рыков В.В. Корпус текстов как реализация объектно-ориентированной парадигмы // Труды международного семинара «Диалог-2002». М.: Наука, 2002. С. 124—129.

References

1. Melnikov, G.P. (2003). *System typology of languages: Principles, methods, models*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Plungyan, V.A. (2008). Corpus as a tool and as ideology: on some topics of modern corpus linguistics. *Russian language in scientific coverage*, 2(16), 7—20. (In Russ.).
3. Moure, T. & Llisterri, J. (1996). Lenguaje y nuevas tecnologías: el campo de la lingüística computacional In M. Fernández Pérez (coord.) *Avances en Lingüística aplicada, Universidade de Santiago de Compostela, Servicio de Publicacións e Intercambio Científico*. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, Servicio de Publicacións e Intercambio Científico. pp. 147—227. (In Spanish).
4. Real Academia Española (2001). *Diccionario de la lengua española*. Madrid: Espasa. URL: <https://dle.rae.es/corpus> (accessed: 10.11.2020). (In Spanish).
5. Ushakov, D.N. (2012). *Explanatory dictionary of the Russian language*. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/корпус> (accessed: 29.10.2020).
6. Villayandre Llamazares, M. (2008). Lingüística con corpus. *Estudios humanísticos. Filología*, 30, 329—349.
7. McEnery, T. (2003). Corpus Linguistics In en R. Mitkov (ed.) *The Oxford Handbook of Computational Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 448—463.
8. McEnery, T. & Wilson, A. (1996). *Corpus Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
9. McEnery, T. & Wilson, A. (2001). *Corpus Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
10. McEnery, T., Xiao, R. & Tono, Y. (2006). *Corpus-Based Language Studies*. An advanced resource book, London-New York: Routledge. URL: <https://www.lancaster.ac.uk/fass/projects/corpus/ZJU/xCBLS/chapters/B03.pdf> (accessed: 07.11.2020).
11. Chomsky, N. (1969). Quine's empirical assumptions. In D. Davidson & J. Hintikka (Eds.) *Words and objections. Essay on the Work of W.V. Quine*. Dordrecht: D. Reidel. pp. 53—68.
12. Chomsky, N. (2006). *Language and mind*. Cambridge.
13. Abercrombie, D. (1965). *Studies in Phonetics and Linguistics*. London: Oxford University Press. URL: <http://www.davidcrystal.com/Files/BooksAndArticles/-4896.pdf> (accessed: 06.11.2020).
14. Juilland, A.G., Brodin, D.R. & Davidovitch, C. (1970). *Frequency dictionary of French words*. Hague—Paris: Mouton.
15. Biber, D., Conrad, S., Reppen, R. (1998). *Corpus linguistics: Investigating language structure and use*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Biber, D. (1993). Representativeness in corpus design. *Literary and Linguistic computing*, 8(4), 243—257.

17. Baker, P., Hardie, A. & McEnery, T. (2006). *Glossary of Corpus Linguistics*. Edinburgh: University Press.
18. Krasina, E.A. & Novikova, M.L. (2019). Phenomenon of language in the paradigms of functional semantics and linguosemiotics (V Novikov readings. Moscow, April 18—19, 2019). *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 856—864. DOI: 10.22363 / 2312-9182-2019-23-3-856-864. (In Russ.).
19. Svartvik, J. (1992). Corpus linguistics comes of age In J. Svartvik (ed.) *Directions in Corpus Linguistics. Proceedings of Nobel Symposium 82 (Stockholm, 4—8 August, 1991)*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter. pp. 7—13.
20. Leech, G. (1992). Corpora and theories of linguistic performance In J. Svartvik (ed.) *Directions in Linguistics: Proceedings of Nobel Symposium 82 (Stockholm, 4—8 August, 1991)*. Berlin—New: Mouton de Gruyter. pp. 105—122.
21. Labov, W. (1969). The logic of non-standard English. *Georgetown. Monographs on Language and Linguistics*, 22.
22. Krasina, E.A. & Perfilieva, N.V. (2018). Semantic parameters of quantitative units in different-structured languages. *Cognitive linguistics issues*, 1(54), 126—136. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-1-126-136. (In Russ.).
23. Denisenko, V.N., Krasina, E.A. & Perfilieva, N.V. (2016). The principle of double meaning in language and word. *Cognitive linguistics issues*, 3(48), 103—108. (In Russ.).
24. Aarts, J. & Meijs, W. (eds.) (1984). *Corpus Linguistics*. Amsterdam: Rodopi.
25. Manual for the Corpus of Early English Correspondence Sampler CEECS (1998) Nurmi A. (ed.). Helsinki. URL: <http://www.eng.helsinki.fi/doe/projects/ceec/> (accessed: 06.11.2020).
26. Taavitsainen, I. & Pahta, P. (1997). Corpus of Early English Medical Writing. *Computers in English Linguistics*, 21, 71—79.
27. Sinclair, J. (1991). *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford.
28. Stubbs, M. (2001). *Words and phrases: corpus studies of lexical semantics*. Oxford: Blackwell.
29. Stubbs, M. (2006). Corpus analysis: the state of the art and three types of unanswered question In Hunston, S. & Thompson, G. (eds.) *System and corpus: Exploring connections*. London: Equinox. pp. 15—36.
30. Simpson, R. & Swales, J. (2001). Introduction to North American perspective on corpus linguistics at the millennium In R. Simpson and J. Swales (eds.) *Corpus linguistics in North America. Selections from the 1999 Symposium*. Ann Arbor: The University of Michigan Press. pp. 1—14.
31. Parodí, G. (2008). Lingüística de Corpus: Una introducción al ámbito. *Revista de Lingüística Teórica y Aplicada*, 46(1), 93—119. (In Spanish).
32. Abaitua, J. (2002). Tratamiento de corpora bilingües In M.A. Martí & J. Llisterri (eds.) *Tratamiento del lenguaje natural: tecnología de la lengua oral y escrita*. Soria—Barcelona: Fundación Duques de Soria/Edicions de la Universitat de Barcelona. pp. 61—90. (In Spanish).
33. Aijmer, K. & Altenberg, B. (eds.) (1991). English Corpus Linguistics In *Studies in Honour of Jan Svartvik*. London: Longman.
34. Francis, W.N. (1992). Language Corpora B.C. In J. Svartvik (ed.) *Directions in Linguistics: Proceedings of Nobel Symposium 82 (Stockholm, 4—8 August 1991)*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter. pp. 17—32.
35. Sinclair, J. (1996). *EAGLES Preliminary recommendations on Corpus Typology*. URL: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/corpusTyp/corpusTyp.html> (accessed: 01.11.2020).
36. Martí Antonín, M^a.A. & Castellón Masalles I. (2000). *Lingüística computacional*. Barcelona: Edicions Universitat de Barcelona. (In Spanish).
37. Santalla del Río, M.ª P. (2005). “La elaboración de corpus lingüísticos”, en M. Cal, P. Núñez, I. M. Palacios (eds.): *Nuevas tecnologías en Lingüística, Traducción y Enseñanza de lenguas*, Universidade de Santiago de Compostela, Servizo de Publicacións e Intercambio Científico, 45—63. (In Spanish).
38. Zakharov, V.P. (2005). *Corpus linguistics*. Saint Petersburg. (In Russ.).

39. Kozlova, N.V. (2013). Linguistic corpus: definition of basic concepts and typology. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: Linguistics and Communication*, 11(1), 76—89. (In Russ.).
40. Kibrik, A.E., Brykina, M.M., Leontiev, A.P. & Khitrov, A.N. (2006). Russian possessive constructions in the light of corpus-statistical research. *Questions of linguistics*, 1, 16—45. (In Russ.).
41. Torruella, J. & Llisterri, J. (1999). Diseño de corpus textuales y orales In J.M. Blecaua, G. Clavería, C. Sánchez & J. Torruella (eds.) *Filología e informática. Nuevas tecnologías en los estudios filológicos*. Barcelona: Milenio Universidad Autónoma de Barcelona, Dpto. de Filología Española. pp. 45—77. (In Spanish).
42. Krivnova, O.F. (2006). Areas of application of speech corpora and experience of their development In *Proceedings of the XVIII Session of the Russian Acoustic Society of RAO*. Taganrog. pp. 81—84. (In Russ.).
43. PRESEEA (2014). *Corpus del Proyecto para el estudio sociolingüístico del español de España y de América*. Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá. URL: <http://preseea.linguas.net> (accessed: 01.11.2020). (In Spanish).
44. Rykov, V.V. (2002). Text corpus as an implementation of the object-oriented paradigm In *Proceedings of the international seminar "Dialogue-2002"*. Moscow: Nauka. pp. 124—129. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Чилингарян Камо Павелович, старший преподаватель Института Гостиничного бизнеса и туризма Российского университета дружбы народов. *Сфера научных интересов*: сравнительная грамматика, корпусная лингвистика, иностранные языки, перевод; *e-mail*: chilingaryan-kp@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3863-8603>; eLIBRARY SPIN-код 1650-3199

Information about the author:

Kamo P. Chilingaryan, Senior lecturer in Hotel business and tourism institute at RUDN University. *Research interests*: Comparative linguistics, corpus linguistics, foreign languages, translation/interpretation; *e-mail*: chilingaryan-kp@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3863-8603>; eLIBRARY SPIN-code 1650-3199.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
